

ДЕТЕКТИВ: НОВЫЙ УРОВЕНЬ

ВСЕ СОВПАДЕНИЯ СЛУЧАЙНЫ

РЕНИ НАЙТ

Annotation

После переезда в новый дом Кэтрин Равенскрофт находит в спальне необычную книгу. Как она могла туда попасть? Ни сама Кэтрин, ни ее муж Роберт книгу не покупали. Начав читать, Кэтрин понимает, что главная героиня – это она сама, а трагические события, описываемые в романе, – темная тайна, которую знал только один человек, но он давно мертв. Прошлое вновь начинает преследовать Кэтрин, превращая ее жизнь в кошмар. И чтобы избавиться от него, ей придется заплатить слишком высокую цену...

- [Рени Найт](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Глава 35](#)
 - [Глава 36](#)
 - [Глава 37](#)
 - [Глава 38](#)
 - [Глава 39](#)
 - [Глава 40](#)
 - [Глава 41](#)
 - [Глава 42](#)
 - [Глава 43](#)
 - [Глава 44](#)
 - [Глава 45](#)
 - [Глава 46](#)
 - [Глава 47](#)
 - [Глава 48](#)
 - [Глава 49](#)
 - [Глава 50](#)
 - [Глава 51](#)
 - [Глава 52](#)
 - [Глава 53](#)
 - [Глава 54](#)
 - [Глава 55](#)
 - [Глава 56](#)
 - [Глава 57](#)
 - [От автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

Рени Найт

Все совпадения случайны

© Renée Knight, 2015

© Перевод. Н.А. Анастасьев, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

* * *

Грегу, Джорджу, Бетти и моей матери Джоселин

Глава 1

2013, весна

Кэтрин пыталась взять себя в руки, но ничего не выходило. Она впилась пальцами в холодную раковину и посмотрела в зеркало. Лицо, которое она видела в отражении, было совсем другим, когда она ложилась в постель. Нечто подобное с ней уже случалось, и она надеялась, что это не повторится. Она изучала себя в этом новом резком освещении. Влажным платком вытерла рот и прижала его к глазам, словно это облегчило бы застывшую в них боль.

– С тобой все в порядке? – Голос мужа заставил ее вздрогнуть. Она надеялась, что он не проснется. Оставит ее в покое.

– Сейчас уже лучше, – солгала Кэтрин, выключая свет, а потом сказала еще одну ложь: – Наверное, из ресторана принесли несвежую еду. – Она повернулась к нему. – Спи. У меня все хорошо, – прошептала она.

Он и так скорее спал, нежели бодрствовал, тем не менее потянулся к ней и положил ладонь ей на плечо.

– Точно?

– Точно, – ответила она. Что действительно точно, так это то, что ей нужно остаться одной. – Правда, Роберт, спи. Я сейчас.

Его пальцы задержались на секунду на ее плече, потом он повиновался. Она выждала, убедившись, что муж заснул, и вышла из спальни.

Кэтрин смотрела на нее, перевернутую и открытую на том месте, где она остановилась. Книгу, которой она сначала поверила. Первые несколько глав погрузили ее в состояние некоего упоения, породили то неясное чувство, с каким воспринимаешь один лишь намек на будущее волнение, нечто такое, что заставляет переворачивать страницу за страницей, даже никак не представляя себе того, что именно ждет впереди. Книга заманивала ее, завлекала все дальше и дальше, пока, наконец, не стало ясно, что она попала в ловушку. Слова отскакивали от головы и ударялись одно за другим в грудь. Словно бы перед поездом возникла вдруг толпа людей, и она – беспомощный машинист – бессильна предотвратить катастрофу. На тормоза жать поздно. Назад дороги нет. Погруженная в книгу, Кэтрин, сама того не желая, перешагнула через самое себя.

«Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми...» Предупреждение перечеркнуто тонкой красной чертой. Открывая книгу,

она ее не заметила. Между тем сходство бесспорно. Она – главная героиня, ключевой игрок. Имена, верно, изменены, но в деталях обмануться невозможно, вплоть до того, что на ней было надето тем днем. Отрезок жизни, который она прятала от всех. Секрет, которым ни с кем не делилась, даже с мужем и сыном – им казалось, что они знали ее, как никто другой. Ни единая живая душа не могла бы вообразить, что Кэтрин только что прочитала. И тем не менее это напечатано – и выставлено на всеобщий суд. Она думала, что все похоронено. Со всем этим покончено. И вот все снова всплывает на поверхность. В ее собственной спальне. В ее голове.

Она попыталась вытеснить это мыслями о вчерашнем вечере, когда еще не успела открыть книгу. Радость от новоселья; вино, ужин; диван, на котором так уютно лежать; полудрема перед телевизором, а потом они с Робертом пошли в постель и растворились друг в друге. Тихое счастье, которое она всегда считала чем-то само собой разумеющимся, но слишком тихое, чтобы принести ей успокоение. Она не могла заснуть, вылезла из постели и спустилась вниз.

Тут был первый этаж, можно и так сказать. Уже не дом – домик. Из дома они съехали три недели назад. Вместо прежних четырех спален – теперь две. Так для них с Робертом лучше. Одна – семейная. Другая – для гостей. И еще они остановились на открытой планировке. Никаких дверей. Теперь, когда Николас уехал, закрываться нет нужды. Она включила свет в кухне, взяла из буфета бокал, наполнила его. Крана нет. В холодильник встроена автоматическая система пуска холодной воды. Вообще, он больше похож на гардероб, чем на холодильник. От страха у нее вспотели ладони. Ей было жарко, ее лихорадило, и она с наслаждением ощущала прохладу только что постеленного известнякового пола. Вода немного помогала. Делая глоток, она перевела взгляд на большие окна, занимавшие всю заднюю стену этого нового, чужого дома. На улице – полная тьма. Ничего не видно. Занавески она еще не повесила. Она открыта. Любому. Ее могли увидеть все, а она – никого.

Глава 2

Двумя годами ранее

Я жалел о случившемся, правда, жалел. В конце концов, это был всего лишь ребенок семи лет. А я – опекун, так сказать, *in loco parentis*, хотя мне было прекрасно известно, что никому из родителей не хотелось видеть меня в этом качестве. К тому времени я уже опустился едва ли не на самое дно: Стивен Бригсток, самый противный из всех учителей школы. Ну да, мне казалось, что так думают дети, да и родители тоже, хотя и не все: я надеялся, что некоторые из них помнили меня по прежним временам, когда я учил их старших детей. Так или иначе, я совершенно не удивился, когда Джастин пригласил меня к себе в кабинет. Я давно ждал этого, и вызов последовал даже позже, чем я думал. Но ведь это частная школа. Маленькое ленное владение. Родители полагали, что пока они платят, то всем тут и командуют, но это, конечно, не так. Взять хоть меня самого – приняли на работу, даже не поговорив толком. Когда-то мы с Джастином вместе учились в Кембридже, и он знал, что я нуждался в деньгах, а я знал, что ему нужен был хороший учитель английского. Видите ли, в частных школах платят больше, чем в государственных, а у меня был многолетний опыт преподавания в общеобразовательной государственной школе. Бедняга Джастин, ему, наверное, было трудно перемещать меня. Неловко как-то, понимаете ли. И это действительно был скорее перевод, нежели увольнение. Великодушно с его стороны. Ценю. Я не мог себе позволить потерять право на пенсию, а поскольку так или иначе вплотную приблизился к пенсионному возрасту, то он просто ускорил процесс. Вообще-то нам обоим было пора на покой, но его положение решительно отличалось от моего. Я слышал даже, что кое-кто из его учеников плакал при мысли о расставании с ним. По мне-то никто не заплачет. Да и с чего бы? Я таких слез не заслужил.

Не хочу, чтобы у вас сложилось ложное впечатление: никакой я не педофил. Я не заигрывал с этим ребенком. Я даже не прикоснулся к нему. Нет-нет, я никогда, никогда не прикасался к детям. Дело в том, что я считал их ужасно скучными. Полагаете, это дурно – так отзываться о семилетках? Думаю, да, если вы учитель. Но я уже пресытился чтением их нудных сочинений, над которыми они, не сомневаюсь, потели. И все равно: откуда эта уверенность, что в семь лет, напрягая голос, они в состоянии сказать то, что будет мне интересно? И вот однажды я не выдержал. Катарсис в виде

красного карандаша иссяк, и, дойдя до сочинения именно этого паренька, не помню уж его имени, я выдал ему весьма развернутый отзыв, из которого следовало, что мне нет совершенно никакого дела до того, как он с семьей провел каникулы на юге Индии, где они снимали дом у местных жителей. Ну да, я был потрясен тем, как замечательно они провели время. Конечно, паренек расстроился. И, конечно, мне было его жалко. И, конечно, он обо всем рассказал родителям. И вот об этом я ничуть не жалел. Это ускорило мой уход, а уйти я, несомненно, был должен – и ради себя, и ради всех остальных.

И вот я дома, и у меня полно свободного времени. Учитель английского второразрядной частной школы на пенсии. Вдовец. Опасаюсь, что я слишком откровенен – сказанное вроде как несколько принижает меня. Я могу показаться слишком жестоким. И действительно, по отношению к этому мальчику я оказался жесток, признаю это. Но в целом я совсем не жестокий человек. Другое дело, что после смерти Нэнси я позволял себе немного распускаться. Ну хорошо, не немного – прилично.

Сейчас в это трудно поверить, но, бывало, меня выбирали Самым Популярным Учителем года. Выбирали ученики не частной школы, а государственной – той, где я преподавал раньше. И это был, повторяю, не единственный случай – несколько лет подряд. Однажды это случилось, если не ошибаюсь, в 1982-м, когда той же чести удостоилась в своей школе и моя жена Нэнси.

Преподаванием я занялся вслед за Нэнси. А она последовала за нашим сыном, которого мы отдали в младшую группу частной школы. Она учила там пяти – и шестилетних детей, а я четырнадцати – и пятнадцатилетних в государственной. Я знаю, что иные учителя считают эту возрастную группу трудной, но мне нравилось. Отрочество – непростой возраст, и я считал, что не нужно слишком уж давить на этих сорванцов. Я никогда не заставлял их читать ту или иную книгу против воли. В конце концов, сюжет – это просто сюжет. Его необязательно вычитывать из книги. Есть фильмы, телепередачи, пьесы – смотри, слушай, анализируй, думай, получай удовольствие. В ту пору я был увлечен своим делом. Мне было не все равно. Но это было тогда. А сейчас я больше не учитель. Я на пенсии. И я вдовец.

Глава 3

2013, весна

Кэтрин спотыкалась, кляня высокие каблуки, но про себя признавала, что слишком много выпила. Роберт протянул руку и успел схватить ее за локоть, не дав упасть на бетонные ступени. Другой рукой он повернул ключ в замке, открыл парадную дверь и, не ослабляя хватки, завел ее внутрь. Она сбросила туфли и, направляясь на кухню, попыталась придать походке хоть какое-то достоинство.

– Я так горжусь тобой, – сказал он, делая шаг вперед, обнял ее и поцеловал ее в шею. Кэтрин откинула голову назад.

– Спасибо, – поблагодарила она и закрыла глаза. Но тут же миг наслаждения рассеился. На дворе ночь. Они дома. Но лечь ей не хотелось, хотя она смертельно устала. Она знала, что не заснет. Уже целую неделю толком не спала. Роберту это не известно. Она делала вид, что все нормально, ей удавалось его обмануть, прикидываясь, будто она спит рядом, когда остается наедине со своими мыслями. Сейчас ей придется найти предлог, чтобы объяснить, почему она не идет с ним в спальню. – Ложись, я скоро приду, только почту проверю. – И она поощрительно улыбнулась, но Роберту многого и не нужно. Завтра ему рано вставать, отчего Кэтрин еще более было приятно то удовольствие, которое, как ей казалось, Роберт получил от вечера, где центром всеобщего внимания была она, а он оставался лишь молчаливым улыбающимся спутником. Ни разу он даже не намекнул, что пора уходить. Нет, он позволял ей блистать и наслаждаться моментом. Конечно, она тоже не раз выступала в той же роли по отношению к нему, но тем не менее свою он сыграл достойно.

– Я принесу тебе воды, – сказал Роберт.

Они только что вернулись с приема после вручения телевизионных премий. Это была серьезная передача, не какое-то там мыло. И не художественный сериал. Одни только факты. Кэтрин получила премию за документальный фильм о подготовке детей к половой жизни. Детей, которых можно было уберечь, но не уберегли, ибо никто всерьез о них не позаботился; никто не взял на себя труда присмотреть за ними. Члены жюри называли ее фильм смелым. И ее саму называли смелой. Только они и понятия ни о чем не имели. Не имели понятия о том, какая она на самом деле. Никакая это не смелость. Скорее целеустремленность, решимость. Впрочем, и смелость тоже. Скрытая съемка. Мужчины – похотливые

хищники. Но не стоило думать об этом сейчас. Не сейчас, когда она дома. Даже за новыми шторами она опасалась, что за ней наблюдали.

Вечера превратились в подобие ниши, в которой можно было отвлечься от навязчивых мыслей о том неизбежном моменте, когда ей придется забраться под одеяло и лежать в темноте без сна. Роберта ей обмануть удалось. Даже пот, который выступал на лбу, когда подходило время идти в спальню, она со смехом объясняла начавшейся менопаузой. Конечно, были и иные признаки, но пот здесь ни при чем. Она отправила его спать и пожалела, что он не остался рядом. Жаль, что не набралась храбрости все ему рассказать. Не получилось. А теперь слишком поздно. Все случилось двадцать лет назад. И если завести разговор об этом сейчас, он ничего не поймет. Он будет потрясен тем, что все это время она ничего ему не говорила. Держала в тайне нечто такое, что он имел право знать. «О Господи, но это же *наш* сын», – услышала она его голос.

Ей не нужна была эта гребаная книга, чтобы напомнить о случившемся. Она и так ничего не забыла. Ее сын едва выжил. Все эти годы она, как могла, оберегала Николаса. Оберегала от знания того, что случилось на самом деле. Она позволила ему жить в блаженном неведении. Он не знал, что едва не умер на пороге зрелости. А что было бы, если бы у него сохранились какие-либо воспоминания о случившемся? Что бы это изменило? Был бы ли он другим? Стали бы другими их взаимоотношения? Но она была совершенно уверена, что он ничего не помнил. По крайней мере ничего из того, что могло бы приблизить его к действительности. В представлении Николаса это был обычный день, сливающийся с множеством других дней его детства. Быть может, подумалось ей, он даже казался ему счастливым.

Будь там Роберт, все могло бы повернуться иначе. Точно повернулось бы иначе. Просто ничего бы не случилось. Но Роберта там не было. Вот она ничего ему и не сказала, потому что в этом не было нужды – он ничего не узнает. Так было к лучшему тогда. Так к лучшему и сейчас.

Она включила ноутбук и набрала имя автора. Это превратилось почти в ритуал. Она повторяла эту операцию вновь и вновь, в надежде найти хоть что-то. Ключ. Но ничего не находилось. Одно только имя: Э. Дж. Престон. Не исключено, имя вымышленное. «Идеальный незнакомец» – первое и, возможно, последнее произведение автора. Даже на пол указания нет. *Его* или *ее* первое произведение? В выходных данных значилось: Рамнузия. Когда она стала разбираться, выяснилось то, что пришло ей в голову с самого начала: книга выпущена самим автором. Раньше она не знала, что это такое – «Рамнузия». Теперь знает. Богиня отмищения. Немезида.

Вот это и есть ключ, не так ли? Хотя бы гендерный. Но нет, это невозможно. Просто невозможно. И такие подробности никто знать не мог. В живых никого не осталось. Кроме, разумеется, тех, других – безымянных других. Но это-то написано кем-то, кому не все равно. Для кого это дело личное. Она поискала в Интернете, появились ли отклики на книгу. Ничего. Быть может, она вообще единственная, кто ее прочитал. А если и есть другие, то они никогда не узнают, о ком она написана. Но ведь кто-то знает. Кто-то знает...

Как эта гребаная книга попала к ней в дом? Она не помнила, чтобы покупала ее. Просто появилась в стопке книг рядом с ее кроватью. Но ведь когда переезжаешь на новое место, всегда возникает беспорядок. Множество коробок с книгами все еще ждут, когда их распакуют. Может, она сама ее здесь бросила. Вынула из коробки, привлеченная обложкой, и бросила. А может, это книга Роберта. У него множество книг, к которым она даже не прикасалась и вряд ли бы узнала. Старых книг. Она так и видела его листавшим каталоги электронного книжного магазина. Какое-то название или переплет остановило его внимание, и он заказал очередную книгу.

Но в конце концов она пришла к убеждению, что книгу оставил здесь кто-то другой. Кто-то приходил сюда, в это место, не успевшее еще стать их новым домом. Заходил в спальню. Кто-то, кого она не знала, положил книгу на полку рядом с кроватью. Аккуратно. Ничего не переставляя. С ее стороны кровати. Зная, где она спала. Сделав так, что могло показаться, будто это она сама ее туда положила. Мысли у нее путались, сталкивались одна с другой, перемешивались. Вино и тревога – гремучая смесь. Следовало бы знать, что нельзя самой себе подмешивать яд. Она обхватила ладонями раскалывающуюся от боли голову. Все эти дни голова не переставала болеть. Она закрыла глаза и увидела полыхающий белый солнечный блик на обложке. Как эта гребаная книга попала к ней в дом?

Глава 4

Двумя годами ранее

Семь лет прошло после смерти Нэнси, а я все еще никак не разобрался с ее вещами. Одежда висела в гардеробе. Там же туфли, сумки. У нее был очень маленький размер ноги. Третий. Бумаги, письма – все это еще лежало на столе и в ящиках. Мне нравилось листать их. Нравилось отбирать письма, адресованные ей, даже если это были уведомления газовой компании. Нравилось перечитывать ее имя и наш общий адрес на официальных бланках. Но после выхода на пенсию у меня уже не осталось предлога откладывать. Давай, Стивен, сказала бы она, пора кончать с этим. И я принялся за дело.

Начал я с одежды, снимая ее с вешалок, извлекая из ящиков, раскладывая на кровати, словом, готовя к расставанию с домом. Ну вот и все, подумал я и в тот же момент увидел шерстяную кофту, соскользнувшую с вешалки и затерявшуюся в углу гардероба. Кофта была цвета вереска. Да нет, скорее пестрая. Голубые нитки, розовые, алые, серые, но в целом все же напоминала цвет вереска. Мы купили ее в Шотландии, еще до женитьбы. Нэнси использовала ее как шаль – не просовывала руки в рукава, которые свободно свисали по обе стороны. Я решил не выбрасывать ее и сейчас держал в руках. Кофта кашемировая. Моль поработала над ней, и на манжете образовалась дырочка, через которую можно просунуть палец. Нэнси носила кофту почти пятьдесят лет. Она пережила ее и, подозреваю, переживет меня. Если я буду и дальше сохнуть, а это неизбежно, то скоро она станет мне впору.

Помню, как Нэнси надевала ее посреди ночи, когда вставала кормить Джонатана. Он, приняв к соску своим крохотным ротиком, стягивал с нее комбинацию, а кофта оставалась накинутой на плечи и не давала замерзнуть. Если Нэнси замечала, что я наблюдал за ней с кровати, она улыбалась, а я вставал и готовил нам обоим чай. Она всегда старалась не разбудить меня, говорила: «Спи», говорила: «Я сама справлюсь». Она была счастлива. Мы оба были счастливы. Ребенок, появившийся, когда родители достигли среднего возраста и оставили всякую надежду на потомство, – это всегда внезапная радость. Мы никогда не пререкались, кому вставать и кто кому не дает спать. Не хочу утверждать, будто все труды делились пополам. Я бы и рад, но, по правде говоря, Нэнси нужна была Джонатану гораздо больше, чем я.

Кофта стала любимым одеянием Нэнси еще до начала этих полночных пиршеств. Она надевала ее, когда садилась писать: поверх летнего халата, поверх блузы, поверх вечернего платья. Сидя за письменным столом, я, бывало, поглядывал на нее: пальцы бегали по клавиатуре пишущей машинки, и по бокам свободно колыхались рукава. Да, до того как стать учителями, мы с Нэнси занимались сочинительством. Нэнси оставила это занятие вскоре после рождения Джонатана. Она говорила, что утратила вкус к писанию, а когда Джонатан пошел в младшие классы, решила найти себе работу в школе. Впрочем, я повторяюсь.

Ни Нэнси, ни я на писательской ниве особых успехов не достигли, хотя оба опубликовали по несколько рассказов. Если подумать, следует признать, что Нэнси преуспела больше моего, но именно она, отложив перо в сторону, настояла, чтобы я продолжал писать. Она верила в меня. Она не сомневалась, что в один прекрасный день это произойдет – я заявлю о себе во весь голос. Что ж, может, она была права. Во всяком случае, меня всегда вдохновляла именно уверенность Нэнси. И все же писала она лучше меня, и я всегда это учитывал. Все эти годы, пусть даже сама Нэнси этого не признавала, когда я писал слово за словом, главу за главой и написал-таки одну или две книги, она меня поддерживала. Все было отвергнуто издателями. И, слава Богу, в какой-то момент она наконец поняла, что я просто не хочу больше писать. С меня довольно. Я почувствовал, что занимаюсь не своим делом. Мне с трудом удалось заставить ее поверить, что, бросив писать, я испытаю облегчение. Но это действительно было так. Мне стало легче. Видите ли, мне всегда больше нравилось читать, чем писать. Чтобы стать писателем, хорошим писателем, необходимо мужество. Надо быть готовым к тому, чтобы открыться людям. Надо быть храбрым, а я всегда был трусом. Храброй была Нэнси. Вот тогда-то я и стал преподавать.

Но и для того чтобы заняться вещами жены, тоже следовало набраться мужества. Я сложил ее платья и рассовал их по саквояжам. Туфли и дамские сумочки я разложил по коробкам из-под винных бутылок. Когда их доставляли в дом, я и вообразить себе не мог, что в эти коробки когда-нибудь попадут вещи моей покойной жены. Мне понадобилась целая неделя, чтобы собрать их, и еще больше, чтобы вывезти из дома.

Слишком тяжело было избавиться от них сразу, поэтому я стал ездить в благотворительную лавку «Принимаем все». Близко познакомился с двумя дамами, которые там работали. Сказал им, что это вещи моей покойной жены, и теперь при моем появлении они всегда отрывались от дела и занимались мной. Если случалось подъехать, когда они пили кофе,

то и мне наливали чашку. Странно, но при мысли о том, что здесь скопились вещи покойников, почему-то становилось легче на душе.

Я боялся, что, разобравшись с вещами Нэнси, снова впаду в прострацию, в какой пребывал после выхода на пенсию, но этого не случилось. Как бы грустно мне ни было, я знал, что сделал то, что Нэнси одобрила бы, и принял решение: отныне я изо всех сил буду стараться вести себя так, чтобы Нэнси, войди она в эту комнату, испытала бы не стыд, а прилив любви ко мне. Она станет невидимым редактором, искренне отстаивающим мои интересы.

Однажды утром, вскоре после завершения уборочной кампании в доме, я направлялся к метро. В тот день я встал в рабочем настроении: умылся, побрился, позавтракал и к девяти был готов выйти из дома. Испытывая подъем сил, я собирался целый день провести в Национальной библиотеке. Уже давно я подумывал о том, чтобы вернуться к писанию. Не художественной прозы – чего-то более серьезного, основанного на фактах. В свое время мы с Нэнси иногда проводили каникулы на восточном побережье Англии и вот как-то летом сняли башню под названием Мартелло. Мне всегда хотелось побольше разузнать об этом месте, но все, что удавалось отыскать, было слишком пресно и безжизненно. Нэнси тоже занималась поисками – из года в год, желая сделать мне подарок ко дню рождения, – но ей попадались лишь пухлые тома, набитые датами и иной статистикой. Тем не менее я остановился именно на этой теме. Я оживлю это великолепное место. Столетиями эти стены впитывали в себя дыхание поколений и поколений людей, и я был преисполнен решимости выяснить, кто здесь жил с тех давних пор и поныне. Словом, в то утро я бодро шагал по улице. И вдруг увидел перед собой призрак.

Увидел ее не то чтобы слишком ясно. Между нами были люди. Какая-то женщина толкала перед собой коляску с ребенком. Разболтанной походкой шли два молодых человека. Курили. Я знал, что это она. Я узнал бы ее где угодно. Она шла быстро, сосредоточенно, я пытался не отставать, но она была моложе, и ноги у нее были сильнее. У меня бешено заколотилось сердце, пришлось на миг остановиться. Расстояние между нами увеличилось, и, когда я почувствовал, что снова способен передвигаться, она исчезла в подземном переходе. Я последовал за ней и неловко протиснулся через турникет, боясь, что она сядет в вагон и тогда мне ее не найти. Ступени были крутые, очень крутые, – догоняя ее, недолго было и упасть. Кляня собственную слабость, я ухватился за перила. Вот и она. Я с улыбкой направился к ней. Мне показалось, что она ждет меня. И она действительно обернулась и посмотрела мне прямо в лицо. Ответной

улыбки я не дождался. Она выглядела встревоженной, быть может, даже испуганной. Разумеется, это был никакой не призрак. Это была молодая, лет, пожалуй, тридцати женщина. На ней был плащ Нэнси – тот самый, что я отнес в благотворительную лавку. И волосы у нее были того же самого цвета, что и у Нэнси в этом возрасте. Или по крайней мере мне так показалось сначала.

Но когда я приблизился, выяснилось, что это совсем не так. Верно, волосы были коричневые, но крашенные, приглаженные, скорее мертвенно-бурые. Не было в них переливающихся живых оттенков, которыми отличались волосы Нэнси. Заметив, что моя улыбка встревожила ее, я отвернулся в надежде, что она поймет: ничего дурного у меня на уме нет, я просто обознался. Когда подошел поезд, я не стал садиться, дождался следующего – не хотелось, чтобы она решила, будто я преследую ее.

Долго еще в то утро я не мог сосредоточиться. Тишина библиотечного зала, красота интерьера, чтение, заметки, которые я делал в блокноте, вернули меня к тому месту, где начался этот мой день. Вернувшись домой, когда начало смеркаться, я уже вполне взял себя в руки. Поужинал легко, закуски, что продают в «Маркс энд Спенсер», показались мне настоящим лакомством. Открыл бутылку вина, но выпил только один бокал. Теперь я пил немного – надо держать мысли в узде. А то еще, если злоупотреблять алкоголем, пойдут куда-нибудь не туда, как малыш, за которым никто не присматривает.

Мне не терпелось перед сном просмотреть свои заметки, и я направился к письменному столу. Он был все еще завален бумагами Нэнси. Я принялся копаться в рекламных проспектах и старых счетах, заведомо зная, что ничего важного я тут не найду. Иначе давно бы уже почувствовал. Я смахнул всю кипу в мусорную корзину, снял с буфета пишущую машинку и водрузил ее в центр свободного теперь от бумаг стола – завтра с утра можно начинать работать.

Когда Нэнси еще занималась писательством, у нее был собственный рабочий стол – небольшой такой дубовый столик, находящийся теперь в квартире Джонатана. Когда же она бросила это занятие, мы решили, что нам вполне хватит одного стола. Ящики в тумбе справа принадлежали ей, слева – мне. Рукописи она держала в нижнем ящике – те, на которые возлагала наибольшие надежды; остальные теснились в книжном шкафу. Хотя я знал, что все на месте, открыв ящик, все же почувствовал комок в горле. «Вид на море», «На исходе зимы», «Необычный друг» – все неопубликованное. Я выбрал «Необычного друга» и взял его с собой в постель.

Лет сорок, наверное, прошло, как я не открывал этой рукописи. Она написала роман летом, за год до рождения Джонатана. Ощущение возникло такое, словно Нэнси лежала рядом со мной в постели. Мне ясно слышался ее голос – молодой Нэнси, еще не матери. В нем чувствовались энергия, бесстрашие, он возвращал меня в те времена, когда нас манило будущее; когда еще не свершившееся скорее возбуждало, нежели пугало. В ту ночь, засыпая, я чувствовал себя счастливым, признательный за то, что, хоть ее и нет больше рядом, мне выпала удача прожить с Нэнси целую жизнь. Мы открыли себя друг другу. Мы делили с ней все на свете. По-моему, мы знали друг о друге все, что надо знать.

Глава 5

2013, весна

– Подожди, я с тобой, – окликнула его Кэтрин с верхней площадки лестницы.

Роберт остановился около входной двери и оглянулся на нее.

– Извини, родная, я что, разбудил тебя?

Она знала, что он изо всех сил старался не сделать этого – быстро принял душ, одеваясь, ходил на цыпочках. Но все это время Кэтрин бодрствовала. Лежала с полузакрытыми глазами. Смотрела на него, мысленно благодаря за заботу. Она выжидала, сколько могла. А как только он вышел из комнаты, вскочила с кровати, оделась и поспешила вниз, за ним. Пока она не могла оставаться одна. Потом – может быть, но пока нет.

Кэтрин села на нижнюю ступеньку и засунула ноги в спортивные туфли.

– У меня голова раскалывается. Самое лучшее сейчас – подышать свежим воздухом, – сказала она, шнуруя туфли дрожащими пальцами. Она слышала себя, свой голос, звучащий так обыденно, так правдоподобно. А дрожащие пальцы – это, может, с похмелья. Она на неделю ушла с работы, чтобы распаковать вещи и расставить их по местам – превратить новое помещение в новый дом, – но этим утром ей ничто не по силам. К тому же это правда, у нее голова разламывалась от боли. Хотя это никак не связано со вчерашним празднеством.

Она увидела, что Роберт смотрит на часы. Ему надо рано быть на месте.

– Я быстро. Сию минуту, – заверила она и убежала на кухню, наполнила водой бутылку, схватила мобильный и вернулась. Они захлопнули дверь, заперли ее на двойной замок и вместе направились в сторону метро. Она взяла его за руку, он посмотрел на нее и улыбнулся.

– Славно вчера повеселились, – заметил он. – Много поздравлений по электронной почте получила?

– Пришло несколько, – откликнулась она, хотя на самом деле почту не проверяла. Это последнее, что ее сейчас занимало. Потом посмотрит, когда вернется домой, когда в голове прояснится. Он чмокнул ее в щеку, сказал, что скорее всего не задержится, выразил надежду на то, что голова у нее пройдет, и скрылся под землей. Как только он исчез из виду, она повернулась, вставила в уши наушники и побежала по дороге. Обратным

путем, к единственному в округе зеленому месту. Ноги ее отталкивались от земли в такт музыке.

Она миновала площадку наверху дороги и продолжила бежать. Сердце колотилось, струйки пота сбегали по спине. Она не в форме. Лучше было не бежать, а идти быстрым шагом, но ей нужно было превозмочь себя. Она достигла высоких железных кладбищенских ворот и вбежала внутрь. Сделала один круг и остановилась, тяжело дыша, наклонилась, положив руки на колени. Надо бы размяться, но она слишком устала. Она ведь не спортсменка, а просто женщина, вышедшая из дома на пробежку.

Не стой на месте, не стой на месте. Кэтрин распрямилась и снова побежала – легкой трусцой, не напрягаясь, собираясь с мыслями. Добежав до середины, она перешла на шаг, быстрый шаг, надеясь, что сердце выдержит, по-прежнему будет гнать кровь по венам. Она читала имена на надгробиях: Глэдис, Альберт, Элеонор – имена давно умерших людей. Ее взгляд выискивал детей. У их могил она останавливалась и внимательно читала надписи. Начала и концы коротких жизней. Разве не все так делают? Не все останавливаются перед могилами детей, навеки упокоенных в своих кроватках из зеленой травы? Места они занимают меньше, чем их взрослые соседи, но их присутствия нельзя не заметить, они взывают, чтобы на них посмотрели. Пожалуйста, остановитесь хоть на миг! И она останавливалась. И в ее воображении возникло надгробие, которое могло бы быть здесь.

Николас Равенскрофт

Родился 14 января 1988 года, отнят у нас 14 августа 1993-го.

Возлюбленный сын Роберта и Кэтрин

И она представила себе, как говорит Роберту, что Николас умер. И слышит его вопросы: «А ты где была? Как это могло случиться? Как это вообще возможно?» И она не выдерживает, выплескивая на него все, и его придавливает эта тяжесть. Она видит, как он сопротивляется, рвется на поверхность реющего потока, старается поднять голову, хватая ртом воздух, а его не хватает, чтобы вдохнуть полной грудью.

Но Николас не умер. Он жив, и ей не пришлось ничего говорить Роберту. Все они остались в целостности и сохранности.

Глава 6

Двумя годами ранее

Наутро после чтения «Необычного друга» я проснулся посвежевшим. Мне не терпелось приняться за работу и для начала просмотреть сделанные вчера заметки, а уж потом перепечатать их. Я помнил, что в кухонном шкафу должна быть бумага: в конце концов, все находилось в кухонном шкафу или на нем. Мне казалось, что стопка бумаги покоилась под коробками с играми «Скрэббл» и «Бэкгеммон», но, когда я засунул туда руку, там ничего не оказалось. Пачка пристала к задней стенке шкафа. Вернее, была прижата какой-то панелью. Я нажал на нее, но панель не поддавалась. Между шкафом и стеной что-то застряло. Я сунул туда руку, и ладонь коснулась чего-то мягкого. Это оказалась старая сумочка Нэнси – хитрюга, избежавшая судьбы тех, что отправились в благотворительный магазин.

Опершись о стену, я присел, вытянул перед собой ноги и положил сумочку на колени. Она была из черной замши с двумя переплетенными жемчужными застежками. Я смахнул с нее пыль и заглянул внутрь. Там оказались связка ключей от квартиры Джонатана, губная помада и чистый носовой платок. Я отвернул крышку тюбика и понюхал помаду. Аромат она утратила, но сохранила стесанную кверху форму, напоминая о годах, когда касалась губ Нэнси. Я поднес платок к носу, и запах духов пробудил воспоминания о наших походах в театр. Но чего я не предполагал обнаружить, так это желтого пакета с фотографиями, сделанными на пленке «Кодак», о чем свидетельствовала крупная надпись на лицевой стороне. Это была ценная находка, и я решил ее отметить.

Я сварил себе немного кофе и уселся на диван, предвкушая поток счастливых воспоминаний. По моим предположениям, это были снимки, сделанные во время каникул. Мне кажется, у меня даже мелькнула надежда, что на некоторых была запечатлена башня Мартелло: получалось, что Нэнси, на свой манер, старалась помочь мне в работе над будущей книгой. В общем, так оно и получилось, хотя и не в том смысле, в каком показалось мне в то утро.

Голова, столь ясная при пробуждении, словно наполнилась некой массой, которую поместила туда посторонняя сила. Трудно сказать, какие мысли были моими, а какие чужими, что было реальностью, а что – фантазией. Кофе остыл. Фотографии были разложены у меня на коленях. Я

надеялся увидеть что-то знакомое, но нет, эти снимки я видел впервые.

Она смотрела прямо в объектив. Кокетничала? Да, думаю так. Да, она кокетничала. Снимки были цветные. Некоторые сделаны на берегу. Выходной день, она лежит на песке в красном бикини – улыбающаяся прелестница. Груды выставлены вперед, как у красоток на обложках глянцевого журналов, и выглядела она в точности так, как если бы самой себе казалось весьма желанной женщиной. Другие фотографии были сделаны в номере гостиницы. Это уж было сплошное бесстыдство. И бесстыдница – она. Тем не менее я не мог оторваться. Все разглядывал и разглядывал снимки. Мучая себя, я тасовал их, как колоду, и чем пристальнее вглядывался, тем большая злость меня охватывала, потому что чем больше я вглядывался, тем лучше понимал.

Что меня ранило прямо в сердце, так это то, что я знал, кто все это снимал. Боль пришла, когда я понял, кто держал в руках фотоаппарат. Так и видел перед собой это красивое лицо, хотя на фотографиях его не было. Я всматривался и всматривался, но сколько ни перекладывал снимки, все, что сумел ухватить, – так это бледную тень на обресе одного из снимков. Я даже по негативам прошелся, держа их на свету, – а ну как остался хоть один не проявленный? Негативов было больше, чем отпечатков, и я надеялся, что хоть на каком-нибудь увижу его, но все они были смазаны, фокус сбит, толку никакого.

Как Нэнси могла принести эти фотографии в наш дом? Как могла прятать их от меня, как она могла допустить, чтобы они хранились у нас, отравляя домашнюю атмосферу? А ведь они лежат здесь, должно быть, уже много лет. Забыла про них, что ли? Или сознательно шла на риск, понимая, что я могу случайно на них наткнуться? Но теперь уже слишком поздно. Когда наткнулся, ее уже не было на этом свете. И мне никогда не поговорить с ней об этом. Она должна была уничтожить их. Если не хотела говорить, должна была уничтожить. А вместо этого оставила – чтобы я уже беспомощным стариком нашел их через много лет после того, как все случилось, через много лет после того, как я мог хоть что-нибудь сделать.

Едва ли не больше всего в Нэнси я ценил честность. Интересно, часто ли она просматривала эти снимки наедине с собой – и снова прятала их? Я представлял себе, как она ждет, пока я уйду из дома, чтобы разложить их; как прячет при моем возвращении. Всякий раз, как я достаю что-то из кухонного шкафа, например, «Скрэбл», знает, что они там, и не говорит ни слова. Я всегда доверял ей, но теперь задумался, что там еще может быть спрятано.

Удивительно, как много сил добавляет злость. Я перевернул вверх

дном чуть не весь дом в поисках новых секретов. Я набрасывался на дом, как на врага. Я переходил из комнаты в комнату, сметая все на своем пути, раздирая на куски, перетряхивая, создавая вселенский хаос, но так больше ничего и не обнаружил. Под конец у меня возникло ощущение, будто я спустился в колодец и прошелся по коллектору, пытаясь очистить его. Только ухватиться было не за что. Разве что возникло ощущение липкой грязи; она проникла мне под кожу и ногти на руках, вонь забила ноздри, заползла в волосы, просочилась в кровеносные сосуды, отравляя весь организм.

Глава 7

2013, весна

На подушку опустились пылинки. Никто бы этого не заметил и не услышал. Но Кэтрин слышала. Она слышала все – ее слух напряжен. И видела тоже все. Даже в кромешной тьме. Ее глаза к ней привыкли. Если Роберт сейчас проснется, то будет как слепой, а Кэтрин – нет. Она смотрела на его закрытые глаза – подергивающиеся веки, трепещущие ресницы – и думала, что за ними может скрываться. Он что-нибудь от нее утаивал? Может, у него это получалось не хуже, чем у нее? Ближе Роберта у нее никого не было, но ведь удалось ей все эти годы держать его в неведении. И неважно, насколько они близки, он просто ни о чем не догадывался, и это ее пугало. Храня тайну так много лет, она довела дело до того, что теперь уж поздно раскрывать ее, она стала слишком велика. Это как ребенок: когда все сроки выйдут и он становится слишком большим, чтобы появиться на свет естественным образом, приходится извлекать его при помощи хирургии. Процесс сохранения тайны стал едва ли не важнее самой тайны.

Роберт лег на спину и начал храпеть. Кэтрин мягко перевернула его на бок, спиной к себе. Стараясь не разбудить его – нельзя позволить себе риск разговора среди ночи, – она придвинулась к нему, чтобы вдохнуть его запах.

Она вспомнила один момент двадцатилетней давности, когда он обнял ее и спросил: «Ты как, у тебя все в порядке?» У нее было совсем не все в порядке, но не хотелось, чтобы он это заметил, потому что говорить правду она не хотела, а притворяться тогда так же хорошо, как сейчас, не умела. Вот она и ответила: «Да нет, вообще-то не совсем» – и, чувствуя, как под веками набухают слезы, все же сдержалась, потому что знала: стоит пролиться хоть слезинке, как за ней последует поток слов. Стоит расплакаться, и ей уж ничего не удастся скрыть, все выйдет наружу. Вот она и не расплакалась, просто кое-что сказала, и сказанное было неправдой.

– Я хочу вернуться на работу. Хотя говорить это тяжело. Я знаю, мне следует благодарить судьбу за то, что я могу оставаться дома, ты зарабатываешь достаточно для нас обоих, но... мне так одиноко. Так тоскливо...

Это были первые метры тоннеля, которым она убегала от самой себя – и от Николаса. Сын служил постоянным напоминанием, хотя Роберту она сказать этого не могла. Не могла сказать, что, оставаясь наедине с

Николасом, буквально с ума сходила; что его присутствие пробуждало воспоминания, от которых она хотела бы избавиться.

– Ты меня понимаешь? – спросила она и вспоминала, как поглядела тогда Роберту прямо в глаза, гадая, способен ли он видеть ее насквозь.

– Конечно, понимаю, – ответил он, привлекая ее к себе и целуя. Но она чувствовала его разочарование. Он пытался скрыть его поцелуем, пытался не выказать сожаления, что, оказывается, она не может быть такой матерью их сыну, какой он хотел бы ее видеть. Прямо он этого так и не сказал, ничем не обнаружил своего разочарования, и все равно она чувствовала, что, невидимое, оно висит между ними.

Был момент, когда она едва не открыла ему правду. Но все же вновь солгала, сказав, что собирается провести конец недели со старой школьной подругой. С подругой этой он был едва знаком – она жила не в Лондоне, – так что вряд ли сумел бы поймать ее на лжи. Кэтрин сказала, что дело срочное – у подруги нервный срыв. В пятницу она собрала сумку и, поручив новой няне взять Николаса из школы, уехала прямо с работы, до того как Роберт вернулся домой. Она взяла такси, в метро спускаться не стала, чтобы не встретить кого-нибудь из знакомых.

Когда она вернулась в воскресенье вечером, Николас уже был в постели. Роберт заметил, что она выглядит бледной, она ответила, что уик-энд выдался довольно тяжелый и она едва держится на ногах. Все это было правдой.

– Просто мне надо лечь пораньше, вот и все, – заверила она и тут же сменила тему – спросила насчет новой няни.

– Да вроде все в порядке, – ответил он. – Ник, когда я вернулся в пятницу домой, был веселым.

– Вот и хорошо.

Наутро Кэтрин постаралась приободриться. Щеки ее порозовели, и все же пришлось, перед тем как отправиться на работу, собрать Ника в школу так, чтобы не осталось времени на разговоры и он не заметил, что мысли ее чем-то заняты. На работе тоже было полно дел, и это было хорошо, это именно то, что ей нужно. Быть слишком занятой для того, чтобы не оставалось времени предаваться воспоминаниям. И ей удалось-таки от них избавиться. А это главное. Это то, что позволяло жить. А теперь прошлое вернулось, грубо вернулось, сметая все остальное, и вот оно здесь и не дает от себя отвернуться.

Книга по-прежнему лежала на ночном столике. Она никак не могла от нее оторваться. При всякой попытке трусливо возвращалась, перечитывала вновь и вновь одни и те же слова, застряв посредине. Она отодвинулась от

Роберта и соскользнула с постели, взяла книгу и неслышными шагами, как вор, спустилась.

Швырнув ее на кухонный стол, Кэтрин повернулась спиной – жалкое подобие бунта. Сегодня воскресенье, выходной, но не для нее. Она заварила чай, взяла с собой стакан, пошла еще в не меблированную комнату и села на пол. Рядом – пять ждущих, пока их распакуют, коробок; на двух имя Николаса, на остальных надпись: «Гостевая». Что в них, она не помнила. Голова у нее из-за недосыпа кружилась, дрожащими руками она начала вынимать вещи, разрывая газетные обертки, вытаскивала одну за другой всякие, никому не нужные, вещицы. А надеялась найти хоть какой-то след – записку, конверт, да что угодно, связанное с книгой и способное помочь проследить ее путь в дом. Но – ничего. Она взялась за другую коробку. Книги. Она вынимала их, швыряла на пустые полки, даже не пытаясь поставить в ряд, позволяя наползать друг на друга, со стуком падать на пол.

Кэтрин перевела взгляд на коробки Николаса. Он должен был приехать еще неделю назад и разобрать их, но не приехал, и она собралась было сделать это сама, но Роберт остановил ее. Это не твои вещи, это вещи Ника. И Кэтрин очень огорчилась, ибо прекрасно понимала, что сам Николас никогда не сделает так, как нужно. К тому же у него больше не было своей комнаты. Вместо нее – гостевая. Николас может приходить сюда когда угодно. Конечно же, может. И если захочет остаться на ночь – тоже. В гостевой. Теперь у него своя квартира. Он сам за нее платит. И это хорошо. Ему двадцать пять лет. Жизнь у него складывается лучше, чем они даже смели надеяться. У него есть работа. Есть своя колея. Независимость. Именно этого для него Кэтрин и желала. Шанс добиться всего, на что он способен. От потока нахлынувших мыслей она стала задыхаться – так, словно каждую из них выговорила вслух.

– Ты здесь, милая? – Голос Роберта прозвучал мягко, но все равно заставил ее вздрогнуть. Она посмотрела на него из гнезда, образованного обрывками газет; от типографской краски пальцы почернели. Девять часов. Она уже четыре часа как бодрствовала. Роберт выглядел озабоченным. Вид у нее был ужасный. Когда тебе сорок девять, нельзя рассчитывать на то, что бессонная ночь пройдет бесследно. Разумеется, он видел и бледность, и круги под глазами.

– Я хотела немного разложить вещи к приходу Николаса. Пусть ему будет легче, – попыталась выкрутиться она, обводя взглядом царящий в комнате беспорядок.

– Время есть. Не к спеху. Пусть сам разбирается. – Он положил ладонь

ей на плечо. – Яичницу?

Кэтрин кивнула. Ей ужасно хотелось есть. Теперь, когда она не спала, чувство голода сопровождало ее постоянно. Она пошла за ним вниз и тяжело опустилась на стул подле кухонного стола – безжизненное тело.

– Может, и обед приготовить?

Было воскресенье, они ждали в гости Николаса, и Кэтрин купила цыпленка.

– Нет, нет, я сама. – Она знала: в привычной роли хозяйки среди ароматов жареного мяса самочувствие будет лучше.

На дальнем конце стола Кэтрин увидела книгу. Она надеялась, что, если унести ее из спальни, можно хоть немного отвлечься. Роберт внимательно смотрел на нее, перебирая в уме вопросы: она чем-то расстроена? Переездом? Он уже собирался заговорить, но Кэтрин его опередила. Она обдумывала собственный вопрос, сосредотачивалась на нем, что и не заметила, как Роберт уже задержал дыхание и открыл рот. Иначе не отважилась бы спросить:

– Это твоя книга?

Она заранее озаботилась тем, чтобы набрать в рот побольше еды, так чтобы вопрос прозвучал как бы между делом. Следом за ней Роберт перевел взгляд на другой конец стола, потянулся за книгой, подвинул ее к себе. Ответил он не сразу, да и вместо ответа просто отрицательно покачал головой.

– Интересная? – Он взял книгу, перевернул, прочитал аннотацию на обложке.

– Да нет. Скучновато. – Она смотрела, как он снова перевернул книгу, на сей раз лицевой стороной, и прочитал заглавие.

– «Идеальный незнакомец». И о чем же это?

– Да чушь какая-то. – Она пожала плечами. – Сюжет слабый. Неправдоподобный.

Он отбросил книгу – небрежно, без всякой задней мысли. Как раз так, как ей хотелось.

– Тогда зачем же?..

– Я подумала, может, она твоя, – небрежно ответила она.

– Благодарю.

Она не заметила прозвучавшей в его голосе иронии.

– Просто не помню, чтобы я ее покупала, вот и подумала, как бы она могла попасть сюда... – Она умолкла, встала и отнесла тарелку в мойку. Роберт пожал плечами, рассеянно посмотрел на книгу, думая, с чего бы она могла ее так заинтересовать, и решил, что таким образом она отвлекается

от того, что ее действительно беспокоит. Он был уверен, что она пыталась завязать разговор о чем-то, и это его смущало. Не такая они пара. Им нет нужды «завязывать разговор». Они близки друг другу – а сейчас ближе, чем все эти последние годы. Он уловил сигнал: слишком много дел по дому свалилось на Кэтрин; слишком много она копалась в себе; слишком много думала о своей жизни.

– Кэт, – начал он. – Ты отлично поработала, я уже чувствую себя на новом месте как дома. Но ведь я хорошо тебя знаю. Тебе не терпится вернуться на работу, так? – Она посмотрела на него. Он действительно так считает. – Мне нравится то, что ты вовсе не домашняя богиня. Тебе надо заняться новым фильмом, не торчать здесь, разбирая коробки и обставляя дом.

Глаза ее наполнились слезами, что убедило Роберта в собственной правоте. Он ее опора. Что ж, пусть верит в это.

– Ты прав. Мне и впрямь как-то не по себе...

Он не дал ей договорить:

– Ну так и возвращайся к своему делу, не нужен этот двухнедельный отпуск. К тому же большая часть этих двух недель прошла, а все, что не доделано, доделаем вместе – вечерами, в выходные. Да и осталось-то всего несколько коробок разобрать. Так в чем проблема?

– Действительно, ни в чем. – Она изобразила улыбку. И тут ее мозг внезапно ожил. Она вспомнила. Она вспомнила, как эта книга попала к ним в дом. Вот так она и тогда лежала. Она вспомнила картинку. Это случилось вскоре после переезда. На столе валялась куча всяких вещей. Наполовину разобранный короб со стеклянной посудой и обрывки газет, прикрывающие обложку книги, терпеливо ожидающую, когда она возьмет ее в руки. Пачка непрочитанных писем и бумажный пакет, который она же сама и надорвала. И из которого вынула книгу. Пакет им переслали. Она вспомнила крупные буквы – их новый адрес был написан красными чернилами поверх старого, перечеркнутого. Она чувствовала, что Роберт следит за ней, пока она убирала стол после завтрака. Вернувшееся к ней оживление убедило его в своей правоте. Он слишком хорошо ее знал.

В голове ее метались мысли: книга была послана по их старому адресу, стало быть, отправитель, кто бы он ни был, не знал ее нынешнего местожительства. Никто не пришел к ней в дом, в ее спальню. Она позвонит тем, кто въехал в их прежний дом. И попросит больше ничего ей не пересылать. Зачем вам беспокоиться? – скажет она. Она с удовольствием придет и все заберет сама. А может, пойдет и дальше. Может, скажет, что они получили пару писем от какого-то надоедливого типа, так, ничего

серьезного, но, если что-нибудь будет приходить, лучше все-таки будет это просто выбрасывать. А если кто поинтересуется их новым адресом, то скажите, пожалуйста, что он вам неизвестен. То же самое касается и телефона: не надо давать номер. Все это она проговорила про себя, целуя Роберта в лоб и поднимаясь в душ. Осуществление замысла, однако, откладывалось до завтра. А сегодня она будет думать только о Николасе, о своей семье. О том, как лучше провести всем вместе воскресенье.

Глава 8

Двумя годами ранее

Я надеялся, что работа над книгой о замках восемнадцатого века отвлечет меня от всего остального, например, от мыслей об измене Нэнси. Так я это тогда называл. Тайна Нэнси – это ее измена. Я старался. Я очень старался сосредоточиться на книге о башне Мартелло. Я прикрепил ее фотографию к полке кухонного шкафа над пачкой открыток, которые Джонатан посылал нам во время своих путешествий. Постепенно скукоживаясь, она стояла там, серая и брошенная, и я убрал ее оттуда. Как тут сосредоточишься? В голове у меня все время стучал какой-то молоточек. Крохотный серебряный клинышек, насмешливо отрывающий меня от рабочего стола. На запасной связке ключей от квартиры Джонатана, которую я нашел в сумочке Нэнси, оказался еще один, совсем небольшой ключик. Слишком маленький для входной двери, и все же ключ от чего-то в его, а не моем доме. Оказываясь на свету, он всякий раз, когда я пытался сосредоточиться на работе, подмигивал мне. «Кто ты такой? – спрашивал я себя. – Человек, которого защищают от прошлого стены толщиной в десять футов?» Но башня Мартелло – это одно, а я – другое, я сделан иначе. Я – человек с тонкой, просвечивающей кожей, которому нужно понять, что еще могла скрывать его жена. Вот именно, я человек, в конце концов. Этот ключик прожег дыру в моем черепе, и я понял, что ни страницы не напишу, пока не открою тайны.

Квартира Джонатана располагалась на самом верху блочного дома довоенной постройки, возведенного лет за десять до моего рождения. Лифта в нем не было, но кто-то позаботился о тех, кому вроде меня трудно взбираться наверх, и расставил на лестничных площадках стулья. Я присаживался на каждый. Вперед и выше. Я одолел последний пролет и посмотрел вниз сквозь красивую ажурную металлическую балюстраду, которая, извиваясь, упиралась в холодный каменный пол. Мягко загибающаяся воронка, через которую можно нырнуть, не касаясь краев, и скользить, пока не превратишься внизу в кровавую жижу. У меня возникло ощущение, что не стоило приходить сюда, что не было у меня права вмешиваться. Это территория Джонатана.

Какое-то растение перед входом в его квартиру завяло. Его давно не поливали. Я вставил ключ в замочную скважину. Чтобы открыть дверь, нужно было, наверное, обладать известной сноровкой, во всяком случае я

возился, казалось, целую вечность и все это время ожидал, что кто-то похлопает меня по плечу и спросит, что мне здесь нужно.

Уже на пороге в ноздри мне ударила страшная вонь. Просто невыносимая. Что-то гнило, что-то умирающее или уже мертвое. Я сразу прошел в кухню, решив, что запах исходит от мусорной корзины, но она была пуста. На столе стояла ваза с цветами. Цветы были поникшие, увядшие, ломкие, на том месте, где в вазе когда-то была вода, остался лишь зеленый ободок. Я затоптался на месте, решая, могу ли я их выбросить. Потом перешел в гостиную, сел на диван и огляделся. Повсюду можно было заметить следы женского присутствия. На столике у окна тоже стояли цветы. Уродливые, безжизненные, иссохшие, их стебли взывали, казалось, к сочувствию их несчастной судьбе. Женское присутствие. Я не стал их трогать. Не я их сюда поставил. Они не имели ко мне никакого отношения.

У входа в спальню Джонатана я вообще едва не задохнулся. Кровать была не застелена, скомканное пуховое одеяло сползло на пол. Покрывало темно-синего цвета, простыня – темно-бордовая. Все это напомнило мне школьную форму: добрые черные цвета, благодаря которым не видна никакая грязь. Вонь исходила из угла, где стоял стол Нэнси. Зажимая ладонью нос и рот, я подошел поближе. Вот оно. Тельце. Истлевающее тельце. Сломанная шея, открытый рот, оскаленные зубы, и – гнилостный запах разлагающейся плоти. Мне следовало сразу понять. Смерть. Подобно похотливому коту, давно покинувшему место действия, она всегда оставляет свое зловоние – зловоние хищника. На кухне я нашел пластиковый мешок и, используя его как перчатку, поднял с пола мышеловку с мышью и бросил ее в мусорную корзину.

Я вернулся в спальню и сел за стол Нэнси. Он поменьше моего, так что колени у меня едва не упирались в его крышку. Джонатану было бы, наверное, еще неудобнее: я представил себе, как при своем шестифутовом росте он пытается втиснуть свои крепкие ноги в узкое пространство, принадлежавшее некогда его матери. Я порадовался, увидев следы бывшего ухода. Никаких тебе гниющих цветов. Никаких кружков от чашек или стаканов с водой, просто ровный слой пыли. Бумага сложена на столе ровными стопками, рядом – фотография, на которой изображены мы с Нэнси. Мама и папа. Муж и жена. Двое влюбленных. Двое любимых.

Я щелкнул выключателем настольной лампы, но патрон в ней был пуст. После этого я приступил к делу. Потянул на себя верхний ящик и заглянул внутрь: пусто, если не считать огрызка карандаша и сломанной шариковой ручки. Я прочесал остальные ящики и тоже ничего не обнаружил. Остался один, самый маленький. Притулившийся под крышкой

стола, он соединял две тумбы – эдакое дупло. Ящичек оказался заперт. Я вставил ключ, повернул его, немного отодвинул стул в сторону и потянул ручку на себя. Настоящий рабочий склад. Ручки, карандаши, точилки, скрепки, три блокнота. Именно такими всегда пользовалась Нэнси: ничего особенного, просто журналистские записные книжки в голубую полоску. Раньше, когда Нэнси еще писала, она всегда носила такие с собой, заноса в них мелькнувшую мысль, или описание показавшегося интересным пейзажа, или обрывок подслушанного разговора – такого рода заметки. Я пролистал один из трех блокнотов, но бегло. Заинтересовала меня оказавшаяся под ними рукопись. Я взял ее в руки. «Без названия». Наверное, работа какого-то другого сочинителя, потому что Нэнси всегда начинала именно с названия; к тому же датирована была рукопись годом, когда Нэнси давно уже оставила писательство. Может, автор – Джонатан? Я перевернул верхнюю страницу. На ней оказалось посвящение как раз Джонатану. Стало быть, написал ее не он. «Моему сыну Джонатану», – прочитал я, а внизу страницы было напечатано имя жены: так она удостоверяла свое авторство. Книга, написанная втайне от меня и спрятанная подальше от моих любопытных глаз.

Вообще-то слово – не дым, глаза не ест, говорил я себе, но как бы эти слова меня не ослепили. Я не готов был их выслушать. В ящичке болталось что-то еще, прижимаясь к рукописи моей жены: армейский нож швейцарского производства, полупустая пачка сигарет, дезодорант с каким-то дурацким эротическим названием. Я схватил его и принялся расхаживать по квартире с видом разгневанного санитарного инспектора, выкрикивая в пустоту нечто нечленораздельное и уничтожая зловоние отдохлой мыши, а также всего остального, оскорбляющего мои чувства. Несколько успокоившись, я вернул дезодорант на место, взял оставшуюся без названия рукопись Нэнси и прижал ее к груди, как крохотное, дрожащее от страха существо. Не следовало мне этого делать, это не мое, рукопись адресована Джонатану. И все же я взял ее. Я не тронул блокноты и взял рукопись. Джонатан никогда не узнает, что я был здесь, и я дал себе слово вернуть рукопись, как только прочитаю.

Глава 9

2013, весна

– Мам, как ты думаешь, что мне делать со всем этим?

Кэтрин допила бокал вина и в раздражении закрыла глаза. Пить днем – не самая удачная идея, но Роберт открыл две бутылки их лучшего вина, и она решила присоединиться к нему и Николасу.

– Возьми, что тебе нужно, а с остальным я разберусь, – откликнулась она. Молчание. Она услышала, как в гостевой валяются на пол книги и папки. Кэтрин оттолкнула стул в сторону, и от нетерпеливого скрежета его ножек по полу ее передергивало.

– Кофе? – услышала она у себя за спиной голос Роберта.

Николас сидел на полу в той же позе, в какой и сама Кэтрин сидела здесь на рассвете.

– Не знаю, что и взять. – Вид у него был растерянный.

– Бери все, что не хотелось бы выбрасывать. У нас тут слишком мало места, Ник.

Он кивнул, словно в знак понимания, но она видела, что это не совсем так.

– А тебе самой что, ничего из этого не нужно? – Она услышала боль в его голосе.

Она повторила ту же ошибку. Она задела его своей нетерпеливостью и чрезмерной деловитостью.

– Ладно, – мягко сказала она, усаживаясь рядом с ним на пол, – давай посмотрим, что тут.

Она взяла большой удлиненный конверт и заглянула внутрь. Он был набит перехваченными резинкой тетрадями Николаса – ученика начальных классов. Может, стоило взять какую-нибудь из них и почитать? Но понравится ли ему это? В те давние времена школьные тетради сына всегда производили на нее удручающее впечатление. Только какое это теперь имело значение? Ему двадцать пять лет. Может, они вместе посмеются, а она избавится от старого неприятного ощущения и прочитает отзыв мисс Чарлз. О, она прекрасно помнила эту школьную учительницу Николаса с перманентом и тонкими губами. Это был его последний год в начальной школе, и Кэтрин тщательно выбрала нужный отзыв.

– Николас пользуется успехом в своем классе, как среди мальчиков, так и среди девочек, – с улыбкой читала она вслух, опуская конец

предложения: «... но он с трудом сосредотачивается на заданиях, и это вредит его успеваемости».

Из года в год все то же самое. «Этого мало; нужно больше работать; ему трудно сосредоточиться на чем-то одном». Но в те годы у него хотя бы были друзья. А с годами их становилось все меньше и меньше.

– Это я оставлю. – Она улыбнулась, закрыла конверт и прижала его к груди, как нечто очень дорогое. – Как тебе квартира?

– Нормально. – Николас пожал плечами.

– Соседи?

– Туповаты немного. – Он снова пожал плечами.

– Как, все?

Он в третий раз пожал плечами.

– О Господи. – Кэтрин попыталась придать своему голосу нотку сочувствия, но подумала, что на самом-то деле соседи у Николаса – люди умные, занятые своим делом, сосредоточенные. Наверное, они много читали, и именно это делало их туповатыми в его глазах.

– Это студенты, – пояснил он.

– Тебе по-прежнему нравится твоя работа? – Она хотела сгладить возникшую между ними неловкость.

– Нормально, – пожал он плечами. – Ты же знаешь.

Да ничего она не знала. Как узнать, если он не говорит? Николас работал в отделе электроники в универмаге «Джон Льюис» – это не совсем то, о чем они с Робертом мечтали, думая о будущем сына, но, учитывая, что он ушел из школы в шестнадцать лет с кучей аттестатов о среднем образовании, это можно считать даром небес. Бывало, родители задавались вопросом, сумеет ли их сын закрепиться хоть на каком-то месте. Она вспомнила, как задевали ее телефонные звонки других матерей, в том числе и близких подруг, которым не терпелось поведать об успехах своих детей и которые между прочим интересовались делами Николаса, прекрасно зная, что будет удачей, если ему удастся хоть куда-то устроиться. Это было давно, но она так и не простила их. Не по-дружески они поступали, жестоко. Так или иначе, в «Джоне Льюисе» Николас пошел в гору, из чего следует, что эта работа ему хоть чем-то по душе.

– Вот что я возьму с собой, – сказал он и извлек из коробки заводную игрушку.

Аэроплан. Тонко сработан из бальзы и бумаги, крылья немного повреждены, тесемки спутаны.

– А Сэнди? – Он посмотрел на облезлую собачонку, которую Кэтрин держала в руках.

Теперь ее очередь обижаться. Она старалась пробудить в нем детские воспоминания; воспоминания о том времени, когда он не мог заснуть, если под щекой не было Сэнди; не мог спать, если она не положит ее ему в кровать. Все так невероятно перепуталось. Она хотела, чтобы он стал взрослым, но в то же время – чтобы помнил, как любил ее когда-то. Как нуждался в ней. Она боялась, что он и сейчас нуждался в ней больше, чем следовало в его возрасте, и это беспокойство делало ее жестче, и в конце концов она испытала облегчение от того, что Николас не взял с собой Сэнди. Она остановилась на пороге и повернулась к нему:

– Ник, ты ведь все понимаешь, правда?

Он подвесил самолетик к краю полки и старался распутать тесемки.

– О чем ты?

– О нашем переезде. Сам видишь. Нам больше не нужен такой большой дом. – Он не ответил, и она поняла, что не стоит развивать эту тему, но не смогла остановиться: – Разве ты не хочешь самостоятельности? Если возникнет нужда, мы всегда здесь, но уже пора, Ник, пора. Ты согласен?

– Что ж, ма, – пожал он плечами, – если ты это хочешь услышать, то да.

– Матч вот-вот начнется, – донесся из гостиной голос Роберта, и Николас бросился к отцу, отстраняя ее и оставляя с неприятным осадком от этих слов.

Кэтрин вернулась на кухню, вылила в бокал остатки вина и открыла дверь на террасу. Она закурила сигарету и попеременно затягивалась и попивала вино. Ей казалось, что это занятие успокаивало ее. Но на самом деле это было не так. Напротив, нервы у нее натянуты, как струна. Она не находила себе места. Хотела наказать себя. И сигарета – это часть наказания, медленное саморазрушение. А книга – другая часть. Она вернулась на кухню, извлекла ее из-под вороха воскресных газет, куда положила еще утром, и открыла на первой странице. Нет, тут еще нет ни малейшего намека на то, что последует дальше. Все спокойно. Тихо. Она пролистывала страницы, приближаясь к тому месту, которое – она знала – причинит ей боль. Навалившийся груз давил на нее, она чувствовала себя совершенно потерянной. Несправедливо все это. Глаза ее закрылись, слова заглушались звуком телевизора. Гол. Молчание.

Наверное, она заснула. Она не знала, надолго ли. На улице стемнело. Она с трудом пришла в себя. Телевизор был выключен, и она услышала доносящийся из коридора, от входной двери, шепот. Затем в кухне раздались шаги.

– Я ухожу. – Николас помахал на прощание рукой и подошел к ней. Он хотел ее поцеловать, и она приподнялась, подаваясь в его сторону. Его губы коснулись мочки ее уха. – Смотри-ка, а я это читал. – У нее замерло сердце. Пересохло горло. – Мне понравилось.

На верхней губе у нее выступили капельки пота.

– Твоя мама старается одолеть эту книгу, – улыбнулся Роберт.

– Правда? Что-то не похоже, ма.

Она почувствовала, как книга перешла из ее рук в руки сына. Он неверно понял выражение ее лица.

– Ну а я вот одолел. Мне, знаешь ли, вообще-то приходится держать книги в руках.

– Нет-нет, я не то хотела... Это твой экземпляр? Это ты его послал мне?

– Нет.

– Может, оставил здесь?

– Тоже нет. Мой экземпляр дома.

– А как тебе случилось прочитать ее?

– Кэтрин... – Роберту показалось, что она слишком наседает на сына.

– Да нет, я просто хотела сказать, что случилось какое-то странное совпадение. Эту книгу послали мне, когда мы переезжали на новое место, а вот кто...

– Ну а мне ее подарили.

– Подарили? Кто подарил? – У нее сорвался голос.

Он удивленно посмотрел на нее, пожал плечами.

– Благодарный клиент. Кажется, я оказал ему какую-то услугу. Не помню уж, какую именно. Ничего особенного.

– Так кто это был? – переспросила она.

– Не помню, ма. Да в чем дело-то? Какое это имеет значение?

Она отвернулась, опасаясь, что он увидит выражение ее лица, и невнятно ответила:

– Никакого. Оставим это. – Но сделать этого не получалось. – Так, говоришь, книга тебе понравилась?

– Ну да. Но почему, рассказывать не буду, чтобы не испортить тебе удовольствия.

Она некоторое время молчала.

– Не испортишь. Скорее всего, я не буду ее дочитывать.

– Ладно, увидимся. Позвоню на неделе. – В сопровождении Роберта он направился к выходу. Она последовала за ними.

– Итак, чем все кончается? – Ей не терпелось узнать. – Наверное,

дочитывать не буду, – повторила она. Он взялся за ручку двери и повернулся к ней.

– Она умирает. Печальный конец. Но она его заслужила. – Он обнял отца и с улыбкой помахал на прощание матери.

Глава 10

Полтора года назад

Слова, написанные Нэнси, не ослепили меня. Да, заставили сердце биться быстрее, задели, но не ослепили. Читая «Необычного друга», написанного молодой женщиной, я отчетливо слышал ее голос, и при этом звуке у меня слезы на глазах выступали. Теперь, когда мне попало в руки последнее произведение, последняя книга, я слышал ее голос не менее отчетливо, но это уже был голос зрелой женщины, с которой я прожил в браке почти пятьдесят лет. Голос женщины, от которой я не отходил, когда она умирала: помогал умыться, читал, кормил, обхаживал как только мог. Эту женщину я не предполагал увидеть на машинописных страницах, и тем не менее это была она. Я в свое время оставил писательство, а она нет. И, побыв с ее книгой некоторое время, перечитав ее не раз и не два, я почувствовал, что ее слова, поначалу выбившие меня из колеи, выстроились внутри меня в некий порядок, нашли удобные уголки и ниши, и я начинаю им верить, а они верят мне.

Я понял, что Нэнси хотела, чтобы я нашел рукопись, точно так же как хотела, чтобы я нашел фотографии. Она спрятала то и другое там, где, по ее убеждению, я в конце концов на них наткнусь. Она могла бы уничтожить их, но решила иначе. Она ждала, когда я буду готов, – а при жизни готов я не был. Мне надо было побыть с ними одному. Рукопись Нэнси встряхнула меня, перевернула, вдохнула жизнь. Она напомнила мне о том, в чем мы с Нэнси всегда были убеждены: литература – лучший способ освежить ум.

Сколько уж времени прошло с тех пор, как я написал на бумаге последние слова, и вот сейчас я впервые вернулся к этому занятию, когда Нэнси не было рядом, – раньше именно она служила мне стимулом. Сомнения остались позади, и вопросы, которые меня мучили, исчезли, ибо теперь я знал, почему эта книга должна была быть написана, и без колебаний мог бы сказать для кого.

Я придвинул стол к окну, чтобы видеть дом напротив и наблюдать за передвижениями жившей в нем молодой семьи. Утром – отправление в школу. Днем – возвращение из школы вместе с мамой. Их распорядок был для меня хорошим примером, он повторял расписание, по которому я жил много лет назад, когда Нэнси водила Джонатана в школу и возвращалась к полднику, а я как раз дописывал последнюю в этот день фразу.

Сначала я спрятал фотографии подальше от глаз, в ящик письменного

стола, но вокруг них строился сюжет, так что пришлось вытащить их и приколоть к оконной раме. Получившаяся композиция являла собой коллаж секса и измены: нечто вроде наглядного пособия. Всякий раз, наблюдая сквозь эту раму, как молодая семья уходит из дома или возвращается домой, я думал о том, как легко развращается невинность. Это заставляло меня сосредоточиться.

Я не подстегивал себя, месяцами перерабатывая рукопись Нэнси на свой лад. Мне хотелось понять, что она чувствовала, выстраивая эти предложения; хотелось забраться в ее мозг, увидеть то, что видела она, покрывая словами очередную страницу. Я писал от руки, так мне было легче осязать форму каждой буквы: рука скользила по странице слева направо, и пальцы соприкасались с бумагой, ощущая ее гладкость.

Так стиралась грань между мной и страницей. Кожа пальцев, перо, бумага – мне хотелось, чтобы они слились воедино. Я растягивал удовольствие, насколько возможно, и наслаждался самим ритмом слов, лаская каждое из них. Случалось, я чувствовал, что какое-то предложение можно было улучшить, но не останавливался, чтобы сразу же внести исправления, а продолжал писать, говоря себе, что, подобно скалолазу, взбирающемуся на вершину, позволю себе оглянуться, лишь достигнув цели. Ни за что не посмотрю вниз.

Я вспомнил, как мы с Нэнси когда-то потешались над писателями, абсурдно утверждавшими, будто следуют повелениям собственных персонажей, будто им кажется, что книга сама себя пишет. Но сейчас получалось именно так – по крайней мере у меня возникло то же ощущение. Я видел, как персонажи, живые, во плоти, дышащие полной грудью, вполне законченные, выскакивают из книги. А я ладонью – гладкой, но твердой – подхватываю слова, перелетающие от Нэнси ко мне.

Это был вдохновляющий опыт: через открывшуюся таким образом дверь Нэнси возвращалась ко мне, ее теплое, нежное присутствие согревало наш дом. Каждый день, когда под вечер рука уставала от писания, я кипятил чай, делал тосты и читал ей вслух – так, как если бы она сидела напротив меня на старом стуле.

Потом, довольный сделанным, я отпечатал рукопись на машинке. Тук, тук, тук – пальцы вбивали в страницу каждое слово, как гвоздик. Наконец с работой было покончено. Сколько времени она заняла? От старта до финиша? На переписывание рукописи Нэнси у меня ушел год, но, конечно, подлинное начало следовало датировать гораздо более ранним временем, просто тогда я этого еще не понимал. Она всегда говорила, что когда-нибудь мои сочинения заговорят в полный голос.

Глава 11

2013, весна

Дверь за Николасом захлопнулась, и Кэтрин тут же заперлась в туалете на первом этаже. Выходит, орудие пытки, которой она подверглась, было вложено в руки ее сына, хотя сам он еще, похоже, не осознавал, что связан с этой книгой самым непосредственным образом. Она услышала за дверью шаги Роберта, подняла с пола журнал и начала шелестеть страницами, давая ему понять, что выйдет не сразу. Она перевела взгляд вниз, на свои колготки, повисшие на щиколотках, и внезапно на нее накатила волна жалости к самой себе. Не заслуживала она всего этого. Зачем ее мучали? Почему именно сейчас? Она начала плакать, и ей почти захотелось, чтобы Роберт услышал и утешил ее. Он продолжал стоять за дверью.

– Ты как там, в порядке?

– Да, все нормально. – Она снова начала шелестеть страницами, подтянула колготки, высморкалась под шум спускаемой воды. Посмотрела в зеркало. Выглядела она кошмарно, но было воскресенье, в этот день можно. «Возьми себя в руки, глупая ты курица. Дочитай книгу, перестань откладывать ее в сторону. Тогда и поймешь, что делать, что тебе противостоит». Она улыбнулась своему отражению в зеркале, едва сдерживая смех, – настолько все это дико.

Было три часа утра, и Роберт спал. Ей удалось как-то перетерпеть вечер вдвоем, а когда пришла пора идти в постель – лечь как обычно рядом и притвориться спящей в ожидании, когда он задремлет. Дождавшись этого момента, она выскользнула из постели, неслышно спустилась вниз и снова заперлась в туалете. Теперь она читала описание собственной смерти. Описание того, какой она кому-то привиделась. Как и чем все это для нее закончится. И это нестерпимо. Это ужасно. Она видела то, что сможет увидеть после смерти. То, что увидят другие, глядя на нее со стороны. Череп ее раскрыт, мозги вытекли наружу. Язык откусан собственными зубами. Нос сворочен на сторону и застрял где-то в челюсти. Так все это выглядело, когда она попала под поезд, выскочив на железнодорожное полотно. Только Кэтрин, падая, осознавала, что на самом деле никуда она не выскакивала. Ей помогли. Слегка подтолкнули. Вытолкнули на полотно как раз в тот момент, когда поезд подъезжал к платформе. На ней полно народа. Какое ужасное несчастье! Такова цена, которую она должна

заплатить за то, что последние двадцать лет жила так, будто все прекрасно.

Для Кэтрин этот нестерпимый страх – отдаленное воспоминание. Она забыла, что это за чувство. Она пожилая женщина и достигла возраста, когда смерть уже подкрадывается и все чаще напоминает о себе в мыслях, но ей всегда удавалось их отгонять и двигаться вперед, ускользая от цепких когтей страха, всегда норовящего встать преградой на ее пути. Но теперь она попалась. Ненависть, выплеснувшаяся на нее, не имела пределов. Это такая ненависть, которую вызывают убийцы-садисты и насильники малолетних, но ведь она-то ни то ни другое. Автор превратил ее в какое-то чудовище. Изменил ее облик до неузнаваемости. Он – или она – ждет с ее стороны оправданий. Но с чего бы это? Она ничего и никому не должна. Такую роль она играть не будет.

Кэтрин – из тех, кто выманивает у людей правду. Она сделала из этого свою профессию. И добилась в ней немалых успехов. Она умела убеждать, она одна из лучших. Вытянуть из людей правду, вывернуть их наизнанку, заставить признаться в том, что они хотели бы сохранить в тайне, а затем выставить на всеобщее обозрение в качестве урока, – все это она делала с полной непринужденностью и никак не раскрывая самое себя. И сейчас она никому не позволит заглянуть внутрь. Она выследит охотника, того, кто вывернул наизнанку ее жизнь. Но кто это? Кто-то из знакомых? Да нет, не может быть. Она перечитала последнюю фразу: «Какая жалость, что она так и не поняла, что бездействие станет по-настоящему смертельной ошибкой».

Ей захотелось добить эту книгу до конца, но двести страниц – это слишком. Что ж, в таком случае она разорвет ее в клочья. Она не будет покорно выжидать. Кэтрин встала и, кутаясь в халат, пошла на кухню. Нашла спички – тонкие длинные спички, которые раньше использовались только для того, чтобы зажигать ароматизированные свечи, чиркнула одной и поднесла пламя к книге. Та разгорелась медленно, неохотно: ламинированный переплет сопротивлялся, и поначалу возник лишь ядовитый запах. В конце концов страницы поддались, края почернели, обуглились, постепенно занялись красным, а затем голубым и желтым пламенем. Она держала книгу в руках, пока огонь не начал обжигать пальцы, и, наконец, бросила полыхающий комок в раковину, открыла кран и уничтожила собственноручно разведенный огонь.

– Что ты здесь делаешь?

Кэтрин стояла неподвижно. Роберт, громко ступая, подошел к ней и молча посмотрел на почерневшую массу. Они оба взирали на бесформенное нечто, сохранившее, несмотря на все ее усилия, очертания

книги. Он перевел на нее вопросительный взгляд. Кэтрин отвернулась и еще плотнее запахнула халат.

– Кэтрин?

Она покачала головой. Она попалась. Ее поймали. Может, она сама этого хотела. Может, оно и к лучшему. Роберт захватил большим и указательным пальцами полусгоревшую бумагу. «Идеальный» – единственное слово, которое еще можно было разобрать на обложке.

– Это про меня.

Вообще-то говоря, она с тем же успехом могла сказать: «Сама не знаю, что на меня нашло». Так и надо было сделать, но что сказано, то сказано. Может, этого ей и хотелось? Все ему рассказать? Прямо сейчас?

– Дорогая... – В этом слове ей послышалось смущение и неизбывная горечь. Роберт бросил книгу назад в раковину, она перехватила ее обеими руками так, словно та все еще горела, и отправила в мусорную корзину. Вытащила черный пластмассовый мешок и завязала его. Все это делалось очень быстро, словно кто-то поставил запись на самую большую скорость. Она побежала с мешком к входной двери, выскочила на улицу, бросила его в ближайший мусорный бак и захлопнула металлическую крышку. Затем, уже медленнее, возвратилась домой и закрыла за собой дверь.

Издали она видела, что Роберт все еще на кухне – наблюдал за ней. Он не двигался, она тоже. Между ними коридор, расстояние в десять футов, в котором плавали произнесенные слова. Кэтрин мучительно соображала, какие из них проглотить, какие выговорить. Выбрав, в каком порядке их расставить, она сделала первый шаг, направляясь в сторону Роберта, готовясь заговорить.

– Это было отправлено на наш прежний адрес. На мое имя. Книга – о том, что случилось много лет назад. – Она запнулась. – Меня хотят наказать.

– Наказать? Кто хочет тебя наказать?

– Тот, кто написал эту книгу.

– Но за что? Это что, имеет отношение к твоему фильму? В таком случае я звоню в полицию...

– Нет, нет, ничего подобного.

– Тогда в чем дело? – В его голосе звучало нетерпение. Он устал. – Кто прислал ее?

– Не знаю.

– Что заставляет тебя думать, будто это про тебя? – В его голосе слышалась насмешка.

– Я узнала себя.

– Тебя называют по имени?

– Нет, но описывают меня и... – Она схватила его за руку в надежде почерпнуть силы для продолжения.

– Описывают тебя? Как это – пишут про блондинку? Про женщину средних лет? Кэтрин, ради Бога, опомнись!

Он высвободил руку и сел. Кэтрин почувствовала, что слова застряли в гортле, и ее охватила злость. Она злилась на его неведение. Винула за то, что он ничего не знал. За то, что не был там. За то, что ей так трудно рассказывать ему все это. Да и момент прошел. Она не могла ему ничего сказать, и бессловесность заставила ее разрыдаться. Она бессильно опустила на стул и склонила голову к коленям.

– Кэтрин, милая, нельзя так терзать себя. – Его тон смягчился, она почувствовала прикосновение его ладони к своим волосам. – Что там с этой книгой? Ведь Ник читал ее, верно? Похоже, это тебя беспокоит. Но почему?

Он ждал ответа, и она заставила себя поднять голову и повернуть к нему раскрасневшееся, залитое слезами лицо.

– Я испугалась... Я нашла там такое, что... – Она буквально выталкивала из себя слова, стараясь донести до него какие-то крупинцы правды. – Из-за этой книги я возненавидела себя. Извини, извини, пожалуйста... – Она запнулась, слова прилипли к гортани, и она говорила то, чему он, как ей кажется, должен был поверить: – Это паранойя, у меня что-то с головой, не могу объяснить...

Повисло минутное молчание, которое он нарушил:

– Да ничего и не надо объяснять, Кэт. Это я у тебя должен просить прощения. Нельзя мне было раздражаться, да я и не злился, просто забеспокоился. – Он взял ее за руки. – Знаю, у вас с Ником проблемы. Тебе нелегко. Но ведь он любит тебя, и ты это знаешь, разве не так? Просто со мной он легче находит общий язык. – Смягчая сказанное, он обнял ее, и все же она отстранилась. – Бывает, он откалывает разные штучки, я знаю. И прекрасно могу тебя понять. Книга явно чем-то тебя задела... задела. Она каким-то образом с тобой связана. Вообще – о чем она? О вине? Об отношениях матери с сыном? – Он ждал подтверждения и слышал его в ее молчании. – Но тебе не в чем себя винить, Кэтрин. Нику двадцать пять, пора ему жить своей жизнью. Конечно, если понадобится, мы всегда его примем. В конце концов, у нас есть свободная комната. – Он обхватил ее виски ладонями и заставил посмотреть на себя. – Единственный, кто наказывает тебя, Кэтрин, это ты сама. – Голос его звучал мягко и нежно. – Пора покончить с этим. Обещаешь? – Она кивнула. – Мы уже такое проходили, Кэт. На сей раз давай разберемся побыстрее – тебе совершенно

ни к чему себя мучить. Сходи к нашему доктору. Поговори с ней. Почему бы не попросить ее прописать тебе снотворное? – Он улыбнулся. – Я слишком хорошо тебя знаю. Ты пыталась ничего не показывать, но меня-то не проведешь. Выглядишь ты ужасно. – Он поцеловал ее.

Кэтрин снова кивнула.

– Извини, ты, должно быть, страшно устал, – произнесла она. – А ведь завтра тебе рано вставать.

– Все нормально, – ответил он. – Обещай, что сходишь к докторше.

– Схожу. Обещаю.

– От меня тебе ничего скрывать не нужно. Ты ведь это знаешь, правда? – Это не вопрос. Он взял ее за руку и повел вверх. – Ты просто поговори со мной, Кэт. Когда у тебя такое состояние, возьми да поговори.

Его слова – ласковые, добрые – контрастировали с видением, по-прежнему мерцающим в ее сознании: ее лицо, то самое лицо, которое муж теперь поглаживал, белело, растерзанное до неузнаваемости, на железнодорожном полотне.

Глава 12

2013, конец зимы – весна

Хорошо заточенный карандаш – смертельное оружие в умелых руках. С его помощью можно по меньшей мере выколоть глаза, а то и добраться до мозга через глазницу. Свой карандаш я заострил до предела. Но и смертельное оружие бессильно, если нет мишени.

Ну, моя мишень мне известна. Известна уже много лет. Вопрос лишь в том, как до нее добраться.

Я последовал совету одного местного типографа, который в свое время отпечатал церемониальные карточки к похоронам Нэнси. Он предложил мне не искать издателя и опубликовать роман самому. «Обращайтесь к читателю прямо», – сказал он, и эти слова музыкой прозвучали у меня в ушах. Но он добавил: «Он-лайн», и мы потеряли общий язык. У меня даже не было компьютера. У старости и одиночества немного преимуществ, но в данном случае мне удалось извлечь максимум из своего невеселого положения. Мне нужна была помощь, и этот добрый человек предоставил мне ее. «Ноутбук», – сказал он. Звучание слова мне понравилось, и он помог мне купить эту игрушку, настроил сложную систему и показал, как действует «он-лайн». Без него мне бы ни за что не справиться. Очень терпеливый человек, очень участливый. Он дал мне свободу, об отсутствии которой я даже не догадывался, – отправил меня в путешествие по безграничной вселенной. Теперь, в мои преклонные годы, я мог свободно направиться туда, куда душа пожелает.

Первый запрос – ее имя. Я набрал его на клавиатуре, и вот она – полная информация. Фотографии, краткое жизнеописание, степени и дипломы, полный перечень работ. Появилось и несколько самозванок, но, едва увидев ее, я быстро разобрался, что к чему. Пусть даже мы никогда не встречались. У меня не было ни малейших сомнений, какая из всех этих Кэтрин Равенскрофт – моя. А вдобавок и ее муж. Роберт. Роберт и Кэтрин. На одном из снимков он обнимает ее. Ее волосы развеваются на ветру, на лице – улыбка. К собственному удивлению, когда снимок появился на экране компьютера, я узнал точное место, где он был сделан: навигатор определил. Я сверился с картой, и вот, пожалуйста. Корнуолл, местечко под названием Фови. Скорее всего, подумал я, приехали на выходные, остановились в приличной гостинице. Снято на мобильный телефон. Наверное, фотографировал сын. Тогда он был совсем мальчишка, сейчас

молодой человек. Николас. Николас Равенскрофт. Вот он. Неужели не получил университетского образования? Недоучка, исключенный из школы? Нет, не может быть. Продавец? Я лично ожидал большего от отпрыска такой амбициозной и успешной супружеской пары. О, счастливые денечки. Столько лет прошло, и тем не менее я почти сразу сообразил, к чему стремились и она, и вся ее семья. И какую насыщенную, богатую жизнь она вела, и что получала в награду. Об этом можно судить хотя бы по ее зубам – ровным и белым, – свидетельство преуспевания, такое же безошибочное, каким в шестидесятые был загар. И прическа тоже шикарная, и седые волосы (сейчас она уже наверняка обзавелась натуральной сединой) искусно смешаны со светлыми. Да, все признаки процветания налицо.

Я превратился в неутомимого и бесстрашного путешественника. Меня привлекали разнообразные тропинки, и, должен признаться, порой я уклонялся от главного направления. Одна такая тропинка привела меня к моему бывшему ученику. Когда-то он был звездой, этот молодой человек, правда, теперь он не молодой, приближается к среднему возрасту. Я часто думал о нем, задаваясь вопросом, что с ним стало и как это можно выяснить. На ощупь, слегка касаясь клавиш, пробирался я по закоулкам его жизненного пути. Не женат, бездетен. С такого расстояния наблюдать за ним безопасно. Никто не узнает.

Но назад, к делу. Мне был нужен адрес – яблочко в моей мишени. Я знал, где она работает, но мне нужен был домашний адрес, а вот он-то никак не находился. В конечном итоге навел на след муж. Я прочел его биографию в одной газете. Сначала общие слова, а потом: «Роберт Равенскрофт живет в северо-восточном районе Лондона с сыном и женой Кэтрин, популярным кинорежиссером-документалистом». Пусть и не точный адрес, но уже что-то. А потом, продолжая неустанно работать пальцами, я наткнулся на телефонный справочник. Мистер Р. Равенскрофт. Я переписал номер. Теперь мне есть за что зацепиться.

Я походил на ребенка в ожидании Рождества, когда мой друг-типограф прислал первые экземпляры моей книги. По правде говоря, Рождество как пришло, так и прошло – я провел его в одиночестве. Все для одного – готовая индейка, жареный картофель, брюссельская капуста, подливка и клюквенный соус. Пахло это лучше, чем оказалось на вкус, – когда я снял крышку с коробки, по комнате распространился острый, щекочущий ноздри аромат праздничного застолья. Но наступления моего подлинного Рождества пришлось ждать еще целый месяц, и когда в конце января я открыл почтовый ящик и обнаружил в нем самый первый экземпляр книги,

стало ясно, что дело того стоило. Для обложки я выбрал одну из почтовых открыток Джонатана. Голубое небо, полыхающее солнце. Да, все получилось как надо: горячее белое солнце, которое видишь даже с закрытыми глазами. Мой друг всячески пытался заставить меня спокойно пройти под его руководством курс обучения книготорговле по Интернету, но у меня не было на это времени. Мне не терпелось сделать следующий шаг. Я убедил его, что в волнах мировой сети я плавать уже научился и справлюсь со всем сам. На самом деле я совершенно не собирался ждать, пока заказы начнут поступать он-лайн.

Когда я засовывал книгу в первый попавшийся бумажный пакет и надписывал адрес, руки у меня дрожали. Я так волновался, страхась перепутать какую-нибудь букву или цифру, что в конце концов решил доставить посылку самолично. Прямо из типографии – подарочный экземпляр особо уважаемой персоне. Чтобы подарок стал сюрпризом, я принес его рано утром, когда можно быть уверенным, что тебя никто не заметит. Пакет опустился на половик с легким, ласкающим слух стуком: граната, ждущая, когда кто-нибудь выдернет чеку. Я хотел, чтобы взрыв оглушил ее в самый неожиданный момент – например, когда она приляжет, свернувшись калачиком на диван с бокалом вина в руках. Никакой записки в книгу я не вложил. К себе внимания привлекать мне вовсе не хотелось, важно было только одно – чтобы она узнала себя. Не меня, а себя. Я хотел, чтобы она узнала в героине книги свое подлинное «я» – подлинное, а не выдуманное. Мне хотелось швырнуть ей в лицо правду.

Книга представлялась мне терьером, эдаким Джеком Расселом из другого моего романа, который разнюхает место, где она укрывается, и выгонит ее на открытое пространство. Его острые зубы вонзятся в нее и сорвут одежды в виде множества фальшивых «я», которыми она себя окружила. Как надежно она спряталась за долгим счастливым браком, за успешной карьерой и, да, не забудем еще о материнстве. Отличное укрытие. А теперь, будь добра, взгляни правде в глаза. Обрети себя. И посмотрим, каково тебе будет жить с самой собой.

Вернувшись домой, я почувствовал усталость и ненадолго прилег. Проснулся я ближе к обеденному времени и приготовил себе сэндвич из сыра. Получилось так себе – сыр высох, а хлеб зачерствел. Правда, оставалась еще полка в кладовке, где я держал соленья, маринады, варенья, заготовленные еще Нэнси. Я не прикасался к ним с самой ее кончины, но в тот день открыл банку с острой луковой приправой, снял с нее слой плесени и положил на сыр. Едва я отправил в рот первый кусок сэндвича, как в горле у меня что-то застряло. Я перестал жевать и, работая языком,

попытался извлечь инородное тело. Только оказалось оно совсем не инородным: это была частица Нэнси – длинный белый волос. Я мог открыть любую банку, но остановился почему-то именно на этой, в которой сохранилось нечто от Нэнси. Я облизал волос и положил его на тарелку. Это было знамение. Точно, тут не могло быть никаких сомнений. Такова была Нэнси, такова была ее природа – она никогда не оставляла незамеченным доброе дело. Это был знак одобрения, и он заставил меня задуматься над тем, что еще я мог для нее сделать. Будь тверд, сказал я себе.

День был ясен, воздух сух и прозрачен, и, сидя на верхней палубе автобуса, я с наслаждением подставил лицо ярким лучам солнца. Хотя идти от Оксфорд-серкус до универмага «Джон Льюис» было всего ничего, времени у меня это заняло больше, чем должно было, – через такую толпу пробиться нелегко. Но обед подкрепил мои силы. Нужен новый пылесос – вот на чем я остановился. Но какой именно? Я принялся оглядываться в поисках служащего, который мог бы помочь с выбором, и – вот он. Тот самый, кого я искал. Начать с того, что он действительно оказался полезен, – вежливый молодой человек в лоферах и с именной карточкой на лацкане пиджака. Кажется, он сразу понял, что мне нужно. Что-то не тяжелое, такое, что пожилой господин сможет носить вверх-вниз по лестнице. Он сочувственно покивал головой, услышав, что раньше домом по преимуществу занималась жена, ныне, увы, покойная. Он предложил «Дайсон» – этот пылесос можно волочить за собой, и у него есть ручка, с ее помощью его легко можно поднять по ступенькам. Многообразные аксессуары, мощный мотор – ничего подобного пока на рынке нет. Да, конечно, но у меня, видите ли, некоторая ностальгия по другой форме – вертикальной. Мне бы модель, которая напоминает прежние – с ней будет уютнее. Я не мог не почувствовать исходящего от него стойкого запаха табака, наверняка еще с тех времен, когда он тайком курил в школе. Вертикальный оказался еще тяжелее «Дайсона» – не уверен, что у меня хватит сил справиться с ним. Может, попробуем, что-нибудь на механической тяге, без электричества? Скажем, «Биззл» – так вроде это называется? Что-нибудь на роликах, которые, передвигаясь по ковру, всасывают пыль. Как насчет этого? Он вскинул голову и посмотрел на меня так, словно я попросил его проспрягать латинские глаголы. И, в свою очередь, задал вопрос: а что мне надо пылесосить? Ковры? Дорожки? Голый пол? Он делал все от него зависящее, и мы все ходили вдоль-поперек торгового зала, пока, наконец, ему стало трудно скрывать свое нетерпение.

Наверное, я отнимал у него слишком много времени. Может, у него должен был быть перерыв на чашку чая? Я видел, как у него начинали сжиматься челюсти и скрипеть зубы, он оглядывался на коллег и закатывал глаза. Уверен, заметь это кто-нибудь из начальства, ему бы не поздоровилось. «Ладно, что бы купили на моем месте вы?» – спросил я. «Дайсон», – ответил он. «Что ж, послушаюсь знающего человека», – откликнулся я, а он снял с полки коробку и сказал, что покупка меня «не разочарует». «Эта штука стоит тех денег, которые вы за нее платите. Пользуется большим спросом». Он проводил меня до кассы, и тут я передумал. Как бы это получше ему объяснить? Слишком дорого для пенсионера. «Мне не потянуть», – сказал я. Надеюсь, я не заставил его зря потратить время.

Мне хотелось дать ему шанс. Естественно, ему надо было очень постараться, чтобы заставить меня купить нечто мне не нужное. Но он оказался безнадежен. Просто занимает место. Сомневаюсь, что его сочли бы достойным кандидатом на обучение ремеслу менеджера. Пару дней спустя я вернулся с подарком и оставил его на кассе. «Передайте ему, – попросил я девушку, – что это от благодарного клиента».

Распорядившись таким образом первыми двумя экземплярами книги, теперь я должен был ждать, то и дело сверяясь со своим ноутбуком на предмет появления отклика, сообщения – чего угодно. Неудивительно, что от него ничего нет, но от нее я ожидал хоть какой-то реакции. Бессердечная сучка. Сначала я хотел сохранять анонимность как можно дольше, выманить ее наружу своим молчанием, но теперь почувствовал, что придется еще раз навестить ее дома и своими глазами посмотреть, что там, черт возьми, происходит.

Славное жилище. Стены свежеевыкрашены, перед входом разбит садик. Это уже не просто стены, это дом. Красивый дом, да только меня в нем не ждут. Я стоял перед ним около часа. Это был холодный, сумрачный весенний день. Наконец подъехала машина. Распахнулись задние двери, и на улицу выбежали ребяташки. Собственно, их было трое, все разного роста. Что-то тут не так. За детьми следовала женщина. Мать. Но не та мать. Может, и машина не та. То, что она остановилась у того дома, еще не значит, что машина та. Не та мать прошла по дорожке, ведущей к дому, открыла входную дверь и вошла внутрь. Я пересек улицу. Да, именно здесь я оставил свою гранату, но она попала не в те руки.

Я ступил на дорожку и увидел, что кто-то смотрит на меня из нижнего окна. Рядом с первым появилось еще одно лицо. Затем – третье, вплотную приблизившееся к первым двум. Я улыбнулся всем трем, и они мигом

исчезли за опустившейся занавеской. Не переставая улыбаться, я направился к входной двери и надавил на звонок. Изнутри слышались пронзительные голоса детей, взбудораженных, по-видимому, одним лишь появлением незнакомого человека у порога их дома. Три поросенка.

Дверь открыла мать. Было время полдника, но дверь оказалась закрыта на цепочку. Господи, сейчас же далеко еще не полночь, на улице совсем светло. И я улыбался ей. Я бы не стал улыбаться, если бы пришел с дурными намерениями.

– Добрый день. Извините за беспокойство... – *Помолчи секунду, пусть поймет, что тебе действительно неловко.* – Я ищу старую знакомую – Кэтрин Равенскрофт. Она ведь, кажется, здесь жила когда-то... – *Поморгай. Улыбнись еще раз.* – Несколько недель назад я оставил для нее подарок, но... никто так и не откликнулся. Это... это на нее не похоже.

– Они переехали, – пояснила женщина, даже не попытавшись улыбнуться в ответ.

– Ах, вот оно что. Тогда понятно. Мы давно не виделись и... – *Выжди еще немного. Постарайся не казаться назойливым.* – А нового адреса у вас нет?

Я снова моргнул. Я стар, немощен. На улице холодно. Проявите милосердие.

– Нет. – Она покачала головой и потянулась к дверной ручке. Вот стерва. Я мгновенно выставил ногу, не давая ей закрыть дверь.

– Пожалуйста, – заговорил я, – мне не хотелось бы отвлекать вас, но дело важное, мне непременно надо с ней увидеться.

Три поросенка прятались за спиной матери.

– Убирайтесь из моего дома, – сказала она. И это была не шутка. Голос у нее был металлический.

Естественно, я сразу сделал шаг назад. И извинился. Она захлопнула дверь прямо у меня перед лицом. Я меньше всего хотел напугать ее. Честное слово. В этом не было никакого смысла. И все же я не мог уйти просто так. Мне нужно было знать, передала ли она посылку по адресу. Я опустил на свои больные колени и попытался просунуть пальцы в отверстие для почты в двери.

– Пожалуйста. Скажите хотя бы, передали ли вы мой подарок? – И тут меня осенило. – Видите ли, я – ее крестный. И мне не хотелось бы, чтобы она подумала, будто я забыл про ее день рождения.

– М-а-а-ам, – раздалось жалобное повизгивание одного из поросят.

Вообще-то я всегда любил поросят. Умные, преданные существа. Как-то мамочка не очень добра по отношению к старику.

– Да, я переслала бандероль. А теперь уходите. Меня попросили не давать новый адрес. Уходите, иначе я вызову полицию.

Я поднялся на ноги. Треск в костях, боль, однако же не все еще потеряно.

– Большое спасибо, – пробормотал я и отошел от двери. Я оказался не в том доме, и мой снаряд полетел – на что я не рассчитывал – круглым путем, и все же, выходит, в конце концов достиг цели.

Я продолжал прочесывать Интернет в поисках откликов, но пока ничего не находил. Я пытался проследить ее перемещения с помощью ноутбука, стал настоящим наркоманом, которому каждые несколько часов нужна доза в виде общения он-лайн. Время от времени моя настойчивость вознаграждалась, и я узнавал нечто новое. Домашние любительские фильмы, звуковые. Болтовня. Воркование. А вот и она, с мужем. Весьма представительный мужчина. Судя по одежде, собрались на какой-то прием. Умная девочка. Получила премию. «Смелый документальный фильм Кэтрин Равенскрофт о воспитании юных девиц...» Ага, тонкая ирония. Мне не терпелось услышать ее голос. Я закрыл глаза и дал прокатиться звуковой волне: «Мне хотелось бы выразить признательность тем храбрым детям, которые не побоялись открытого разговора, которые поверили мне, потому что без их мужества, без их готовности сказать правду о том, что с ними случилось...» А что, звучит убедительно. Верно, ребята это храбрые. А она без колебаний пожертвовала бы ими ради собственной славы. А те люди, что наградили ее, они точно не имели ни малейшего представления о том, что она за человек. Мне хотелось заткнуть ей рот. Я не мог вынести самого звучания ее голоса. Надо сделать так, чтобы она исчезла. Крестик в красном квадратице. Щелк. Выход. Только что ты видел ее, а теперь уже не видишь. Очень просто.

Глава 13

2013, весна

Она погребена глубоко внизу, между ней и дневным светом по меньшей мере тридцать футов. Кэтрин не одна: здесь бесчисленное множество ей подобных. Но действительно ли это так? И здесь ли он? И она – здесь ли? Она судорожно прижала сумку к животу и бросила взгляд назад, налево, направо. Их взгляды встретились, и они отвели глаза.

...Она почувствовала чье-то прикосновение и обернулась. Вокруг множество лиц, но ни одно ее не интересует. Она посмотрела на расписание и увидела, что поезд прибывает через три минуты. Чего она не знала, так это того, что на табло обозначены также оставшиеся ей минуты жизни...

Она почувствовала, как ее охватывает паника. Это было ошибкой. Кто-то наступил ей на ногу. Хочет поставить подножку? Она поспешно отдернула ногу и посмотрела на какого-то типа с электронным устройством в руках: тот пробормотал слова извинения, перевел взгляд на свой гаджет и подтолкнул ее к поезду – к поезду, а не под поезд. Слева в шею ей кто-то дышал, она почувствовала запах мужского лосьона и задержала дыхание, иначе ее стошнит от этого запаха. Бросила взгляд исподтишка. Мужчина – рослый, выше ее, плотоядно поглядывал сверху. Вот черт! Надо было поехать на автобусе. Проклятие! Уходя из дома, она дала себе слово не думать больше об этой книге, которая способна только доконать ее, но автобус – это три пересадки, до работы получается слишком далеко. И слишком неудобно. Кэтрин храбрая, а не какая-то там хныкающая трусишка. Она старается быть достойной Роберта. После того вечера, когда она сожгла книгу, он снова в нее поверил. Все это время он так внимателен к ней, так заботлив. Она выполнила свое обещание, сходила к врачу, после чего Роберт увидел на ее ночном столике маленькие таблетки желтого цвета. Они немного улучшили ее сон и заставили его поверить, что она вновь обретает свое прежнее «я».

Ее толкнули, а она не может позволить себе оказаться слишком близко к подходящему поезду. С каждым новым составом она, готовясь сесть в следующий, оказывалась ближе к рельсам, но все же не вплотную. В ней вдруг проснулось почтение к желтой пограничной линии. Ее буквально трясло от страха перед каким-нибудь психопатом, который ненароком

толкнет ее на рельсы. С другими такое случалось, и она опасалась, что то же может произойти и с ней. Только на сей раз это не будет случайностью. Ее толкнут нарочно. Все будет выглядеть как несчастный случай, но Кэтрин знала, как легко это устроить.

Она впилась взглядом в железнодорожное полотно и увидела на нем себя – распластанную. Поезд подъехал, она нащупала ногой ступеньку и протиснулась вперед. Ее очередь. И она сделала шаг вперед. Двери закрылись. Свободных мест нет, но она даже рада, что вокруг столько людей, в толпе легче держаться прямо. Восемь остановок, и она будет на месте.

Восемь остановок, и она вышла из вагона и оказалась на улице. Она пошла вперед, не оглядываясь. Вперед – на рабочее место, за стол – ее надежное убежище. Чем ближе оно становилось, тем спокойнее было у нее душе. Она почти забыла, что совсем недавно подозревала совершенно незнакомых людей в том, что они выслеживали ее, выжидали момент, чтобы толкнуть. Но сейчас она не испытывала ничего подобного. Сейчас она в безопасности. Она предъявила пропуск, миновала охрану и подошла к лифту, где уже стояли в ожидании несколько человек. Все они знали ее, а она знала их.

– Ну, как новоселье?

Кэтрин улыбнулась Ким – милой Ким, юной, неизменно бодрой Ким. Она со стуком поставила на стол сумку, извлекла из нее свой трофей – уродливую металлическую фигурку – и с насмешливым торжеством водрузила ее на полку позади себя. Здесь тоже много воздуха, как и дома.

– Жуть какая-то, правда? – сказала Кэтрин, разглядывая свою награду.

– А что, как подсобный инструмент сгодится, – возразила Ким. – Мы еще будем рады ему, когда появится Саймон.

– Ну да, а кровь легко стереть какой-нибудь из этих тряпок... – Кэтрин сдернула с компьютера салфетку и протерла экран, с приятным удивлением ощущая, насколько же легко ей удалось подыгрывать Ким с ее черным юмором.

– Кофе? – предложила Ким.

– С удовольствием. – Кэтрин улыбнулась.

Начинали подходить остальные – продюсеры, редакторы, обслуживающий персонал. Раздались приветствия, поздравления, добрые пожелания. Даже Саймон, который ворвался в комнату, фонтанируя какими-то новыми названиями, даже он вел себя терпимо. Саймон – это ее коллега, тоже режиссер-документалист. Он пришел в кино из журналистики и считал себя тяжеловесом, но сегодня утром Кэтрин не до

него. Все дело в том, как она чувствовала себя раньше и как чувствует сейчас. А чувствует она себя почти нормально.

– Неплохая работа, между прочим. – Саймон подмигнул, бросая беглый взгляд на трофей Кэтрин.

Она не обратила на него внимания и открыла новую записную книжку.

– Ну и что дальше? – спросил он.

Господи, ну что за болтун, совершенно невозможный тип.

– Да вот, кому-то захотелось сделать из моего репортажа художественный фильм, – на ходу придумала она и с удовольствием отметила, каких трудов ему стоило сохранить на лице улыбку.

– Здорово, – сказал он.

– Еще бы, – откликнулась она, не отрывая от него взгляда.

– Ну что ж, если захочешь посоветоваться, милости просим – мне приходилось немного общаться с этими киношниками. – Он снисходительно ухмыльнулся.

– Непременно, Саймон. – Она подмигнула ему, отвернувшись, достала ручку и принялась барабанить ею по записной книжке. Список – вот с чего надо начать. Список – это всегда хорошая отправная точка.

Книга: «Идеальный незнакомец».

Автор: Друг (чей?)... Родственник (чей?)... Свидетель (чего?)...

Кэтрин постучала ручкой по бумаге и постаралась вспомнить, когда она виделась с Нэнси Бригсток. Да, это был 1998 год. Они встретились с глазу на глаз, и это случилось только один раз. Нэнси связалась с Кэтрин. Она вспомнила, что, получив письмо, почувствовала укол раскаяния, ведь Нэнси, скорее всего, ожидала, что Кэтрин сама проявит инициативу. Ей было бы не сложно разыскать ее, впрочем, и Нэнси найти Кэтрин не составило особого труда. У кого бы хватило черствости отказаться передать ей подробности? Письмо было написано шариковой ручкой, черными, с голубым оттенком, чернилами. Кэтрин до сих пор помнила этот наклонный почерк с округлыми заглавными буквами в начале каждого предложения. Письмо достигло своей цели. Кэтрин почувствовала себя обязанной увидеться с ней.

Дело было в октябре, в пятницу, днем. Белесое небо, влажный воздух. Влажность в октябре? В октябре редко бывает влажно, но в ощущениях у Кэтрин это было именно так. Удушливая атмосфера. Она вспомнила, что, уходя из дома, сняла шляпку и сунула ее в карман. А уходя с работы, надела – думала, на улице холодно, а оказалось душно. Тепло

накапливалось внутри, в голове, пока ей не начало казаться, что мозг медленно разогревается, превращая мысли в какое-то месиво. Она сняла шляпку и расстегнула пальто. А Нэнси Бригсток – нет. Пальто словно всасывало ее в себя. Это была крошечная женщина. В перчатках, с непокрытой головой. Кэтрин вспомнила, что, глядя на нее сверху вниз, рассмотрела проглядывающую сквозь редкие седые волосы розовую кожу. Она прикинула, что Нэнси должно быть примерно столько же лет, сколько ее матери, но выглядела она старше. У нее был рак. Об этом она написала в записке, да и выглядела, как человек, проигрывающий сражение. Еще она написала, что недавно потеряла мужа, – это была еще одна причина, по которой Кэтрин согласилась тогда с ней встретиться. А что, если Нэнси Бригсток не умерла? Что, если она жива? Живет себе со своим раком? Кэтрин включила ее имя в список.

Встреча прошла напряженно. Кэтрин было много чего сказать, но она не могла себе этого позволить и предоставила говорить Нэнси. У той в голосе слышался вызов – она словно подначивала Кэтрин, побуждала ее раскрыться. Нет, этого не будет. Она не готова к этому. «Я не могу сказать ничего, что могло бы помочь вам», – произнесла она. Тогда Нэнси попросила о встрече с Николасом, и Кэтрин вынуждена была отказать. Она попыталась смягчить свой отказ, заметив, что он слишком молод, потому она и не может допустить этого. Кэтрин прикоснулась к руке этой слабой женщины и явственно ощутила дыхание смерти. Она увидела ее и в глазах женщины, которая, не отрываясь, смотрела на нее. Кэтрин не выдержала этого взгляда и отвернулась, попрощалась и пошла прочь. Она шла, не оглядываясь. Ей не хотелось, чтобы Нэнси увидела ее слезы. Она оплакивала все то, о чем не сказала, оплакивала и саму эту крохотную женщину, завернутую, как кокон, в свой модный, в елочку, твидовый жакет. Кожаные перчатки. Гладкие, искусно ухоженные волосы. Удобные туфли. Поразительно, сколько усилий она приложила к тому, чтобы придать себе достойный вид. Чтобы выглядеть сильнее, чем она была на самом деле. Впрочем, может быть, Кэтрин просто недооценила ее мужество, и эта женщина победила смерть, а теперь вступила в борьбу с ней, Кэтрин. И, может быть, в глазах ее была не смерть, а нечто иное, столь же холодное. Способна ли Нэнси Бригсток, какой она предстает в книге, изготовить яд?

– Тебе что-нибудь нужно? – Ким склонилась у нее над плечом. Кэтрин захлопнула записную книжку.

– Да нет. Просто записала кое-какие мысли. А впрочем, может, у тебя есть какие-нибудь наброски сюжетов? Тогда пройдемся по ним.

Ким кивнула. Она на все для нее готова. Кэтрин – ее единственный

шанс на продвижение, только она давала ей возможность почувствовать себя чем-то большим, нежели просто толковым ассистентом.

– Вообще, пока тебя не было, я и правда кое-что надумала. И набросала на бумаге. Интересно, что ты скажешь?

– Отлично! – Кэтрин улыбнулась. Вот это ей и нравилось в Ким. Ей не сиделось на месте, она все время в деле. И ее ни о чем не надо было просить дважды, по крайней мере в этом не было нужды у нее, Кэтрин. Интересно, что сказала бы Ким про «Идеального незнакомца», прочти она эту книгу?

Кэтрин рано ушла с работы. Она вспомнила, что не выбросила записку, оставленную Нэнси. В спальне еще две нераспакованные коробки с разными вещами, и что с ними делать, совершенно непонятно. Вроде ту записку она положила в папку вместе со случайными фотографиями и письмами от матери и старых друзей. Упаковывая вещи накануне переезда на новое место, она собралась было все это выбросить, но потом передумала. Ее пальцы впились в выцветшую обложку, и она извлекла папку из коробки. Начала перелистывать – точно, здесь. Бледно-голубая писчая бумага и темные чернила. В верхнем правом углу адрес. Только адрес, номера телефона нет. Маловероятно, конечно, что Нэнси еще жива и живет по тому же адресу, но попробовать все же стоило. Сердце колотилось у нее в груди – выброс адреналина. Все правильно: попытка не пытка. Лицом к лицу – таков стиль Кэтрин. Чье лицо встанет перед ней, пока не ясно, но кто-то должен ответить за все то, через что ей пришлось пройти. Она посмотрела на часы. Четыре пополудни. Времени на то, чтобы наведаться туда и вернуться домой до появления Роберта, хватало.

Кэтрин одолела последний лестничный пролет и попыталась представить себе, как могла подниматься по этим ступенькам женщина, умирающая от рака. А если Нэнси Бригсток все же жива, то как поднимается сейчас? Она точно знала, что ее мать ни за что не смогла бы это сделать. Кэтрин щелкнула выключателем на последней площадке – он не сработал. Еще одна попытка. Тот же результат. Кто-то даже не потрудился заменить перегоревшую лампу. И еще полить растения в горшке перед входной дверью. Листья высохли, пожухли, съежились. Сквозь маленькое, запыленное окошко на крыше пробивался тусклый свет, при котором едва можно было разглядеть номера двух квартир. Она остановилась перед дверью той, что была указана в последнем известном ей адресе Нэнси Бригсток, и нажала на кнопку звонка. В квартире ни звука. Она постучала – дважды, костяшками пальцев и, поправив сумку на

плече, стала ждать. Ничего. Никого нет. Она нагнулась и посмотрела сквозь щель почтового ящика. Зеленый ковер, деревянные ножки столов и стульев – и никаких признаков присутствия живого существа.

Кэтрин села на верхнюю ступеньку и порылась в сумке в поисках блокнота и ручки. Слова надо подбирать очень тщательно. «Дорогая миссис Бригсток», начала она. Нельзя принимать ни наступательную, ни защитную позу. Нельзя выдавать раздражения. Кажется, ей удавалось быть убедительной и объективной. Она вырвала листок из блокнота, сложила его вдвое и протолкнула под дверь. Нет, все же это безумие. Шансы на то, что Нэнси Бригсток жива и прочитает ее записку, не просто малы – они ничтожны. Кэтрин на мгновение прижалась ухом к двери и почувствовала чье-то приближение. Она услышала затрудненное дыхание человека, поднимающегося по лестнице. Кэтрин огляделась. На нее смотрела какая-то женщина с длинными седыми волосами; с плеча у нее свисала сумка с продуктами, дышала она прерывисто.

– Миссис Бригсток? – спросила Кэтрин.

Неужели это Нэнси – после стольких лет болезни, неухоженная, с немытыми, слишком длинными волосами, в толстых носках, выбивающихся из сандалий со стертymi подошвами? К тому же эта женщина как будто много выше ростом. И все равно... Кэтрин сделала шаг вперед, взглядела в ее лицо, попыталась найти знакомые черты и не нашла. Женщина прошаркала мимо нее, остановилась у соседней квартиры. Она опустила на пол сумку и с трудом вставила ключ в замок.

– Я разыскиваю Нэнси Бригсток. Не знаете, она все еще живет здесь?

– Нет, ее уж много лет как здесь нет, – невнятно пробормотала женщина.

– А не знаете, она еще... – Кэтрин запнулась. – Куда она переехала? Мы как-то потеряли связь, давно не виделись... при последней встрече она показалась мне не совсем здоровой...

Женщина уже вошла в квартиру, но дверь оставила приоткрытой. Она оглядела Кэтрин – взгляд ее был неприветлив, буквально скреб по коже. Взгляд, исполненный подозрительности.

– Я друг семьи... мы потеряли связь... – Кэтрин мучительно подыскивала слова, а глаза сверлили ее, улавливали лукавство, молча говорили: *хороша подруга*.

– Вы из управления социальной защиты? – спросила женщина.

– Да нет, ничего подобного... Просто я потеряла ее адрес и... потом нашла... захотелось поговорить...

– Это насчет ее пенсии?

– Да нет, говорю же, я не имею никакого отношения к этим делам... Просто захотелось повидаться.

– В таком случае вы опоздали. Ее увозили отсюда уже умирающей, и это было несколько лет назад. Бедняга – ее опутали ремнями с головы до ног. Сейчас-то ее уж наверняка нет на этом свете.

– Извините, – пробормотала Кэтрин и отвернулась. Головой думать надо. Разумеется, Нэнси давно умерла. Кэтрин сделала шаг к лестнице.

– Но он мог бы взять... ну то, что вы сунули в почтовый ящик.

Кровь прилила к лицу Кэтрин. Она оглянулась.

– Кто это он?

Женщина с подозрением посмотрела на нее, прикидывая, стоит ли отвечать.

– Кто мог бы взять это? – повторила Кэтрин, и в ее голосе прозвучал легкий оттенок безнадежности. Женщина нахмурилась: в устах друга такой вопрос казался странным. Она начала закрывать дверь, но Кэтрин бросилась вперед и отчаянно попыталась остановить ее. – Пожалуйста...

– Мистер Бригсток. Он иногда здесь появляется.

– Мистер Бригсток?

– Ее муж.

– Но ведь ее муж умер.

– Мне кажется, вы представились другом семьи? – Глаза женщины сузились, свидетельствуя, что Кэтрин разоблачена, лгунья.

– Ее другом. Я знала Нэнси Бригсток. И она говорила мне, что ее муж умер.

– Значит, она вам не доверяла.

Эти слова заставили Кэтрин вздрогнуть: может, так оно и было.

– Мы были подругами... – вновь начала она. Но они не были подругами. Никогда не были. Они были едва знакомы, это слышно даже по ее голосу. – Мы потеряли друг друга... Я пытаюсь понять, что произошло... – На глазах у Кэтрин выступили слезы, и, быть может, именно это заставило женщину сжалиться.

– Я его не видела некоторое время, но вообще-то он здесь появляется. В конце все было очень плохо. Жилье провоняло, но она отказывалась проветривать его, дверь не открывала, так что людям из Союза жильцов пришлось позвонить ему и вызвать сюда. Ключ у него был. Могу себе представить, что он увидел внутри. А потом приехала «Скорая», и ее увезли. С тех пор я ее не видела.

– А что, разве он не жил с ней здесь?

– Нет, это квартира сына. Она обосновалась здесь, когда он был в

одной из своих поездок – все время куда-то уезжал. По крайней мере она так сказала. А муж никогда здесь не жил, хотя в последнее время за жильем присматривал. Когда ее увозили, он до самого конца не выпускал ее руки. Говорил, что возьмет ее домой и будет ухаживать. Я своими ушами это слышала. Тут стояла, смотрела, как ее выносят, – может, понадобится. Приятно думать, что в конце они были вместе.

– А номер его телефона у вас есть? Или адрес?

Женщина нетерпеливо фыркнула. Слишком много вопросов. Она покачала головой и закрыла дверь. Кэтрин постучала, ей необходимо было знать больше.

– Скажите хотя бы, как зовут его! – Она ждала. Снова постучала в дверь. – Пожалуйста.

Дверь не открыли. В конце концов Кэтрин начала спускаться по лестнице, скользя вспотевшими ладонями по железным перилам. Она была потрясена тем, что, оказывается, очень многого не знала, и думала про записку, валяющуюся по ту сторону двери и адресованную женщине, которая скорее всего давно умерла. И тут вспомнила, что оставила в записке номер своего мобильного. Проклятие! Интересно, когда он позвонит ей? И что скажет? Что ему, в конце концов, от нее нужно? Этому «мертвому» мужу. Она задалась вопросом, по своей ли воле Нэнси оставила эту квартиру. Или она просто слишком ослабла, чтобы оказывать сопротивление? Может, он заставил ее? Силой увез? Нэнси сказала ей, что он умер. Почему? Боялась того, что он может сделать?

– Стивен... – Имя эхом отдалось на лестнице.

Кэтрин подняла голову и увидела смутную тень, повисшую на верхней площадке.

– Его зовут Стивен.

Она продолжила спускаться, и в сознании у нее мелькали образы книги. Кое-что он ухватил верно. Например, детали ее туалета. Откуда бы ему знать их? И тут до нее эхом донеслись звуки прошлого: тук, тук, тук.

Глава 14

2013, конец весны

Итак, они увиделись – эта женщина и Нэнси. Тайком от меня. Я нашел ее записку, вернувшись в квартиру, чтобы положить на место рукопись. Записку мне пришлось перечитать несколько раз, чтобы убедиться, что я все понял правильно. И, дочитав до конца в очередной раз, я буквально задохнулся, переломился пополам, словно получил мощный удар в солнечное сплетение. Узнать о том, что они встречались, было само по себе тяжело, но что по-настоящему шокировало, так это то, что Нэнси сказала ей, будто я мертв. Эта фраза прямо-таки подкосила меня: «... мы встретились вскоре после того, как вы потеряли мужа». Ее «поразило» то, с каким «достоинством» Нэнси держала себя. Это «навсегда осталось в моей памяти». Она не могла поверить в то, что «вы действительно являетесь автором этой книги, которая каким-то образом попала в мой дом». Она даже не была уверена, что Нэнси вообще знала о ее существовании. Естественно, откуда ей знать? Она же мертва, глупая ты сучка.

Нет, какая все же самоуверенная, самодовольная тупица. Но, надо отдать должное, пишет в уважительном тоне. Называет жену «прямодушной», наделенной «даром глубокого понимания». С этим не поспоришь. Нэнси действительно понимала людей. Дальше в записке говорилось, что им с Нэнси «надо бы встретиться и поговорить», телефон она предусмотрительно оставила.

Я сам виноват в том, что все это стало для меня такой неожиданностью. Не отбрось я дневники Нэнси как случайные заметки и возьми их с собой вместе с рукописью, я бы узнал об их встрече гораздо раньше, ведь все это в них было. В блокнотах содержалось нечто гораздо большее, нежели наметки будущего романа. Я открыл их, лишь прочитав записку этой женщины, и вот, пожалуйста, здесь есть все: время встречи, место, даже погода в тот день. И превосходное описание КР: «Я узнала ее с первого взгляда, и от вида этой женщины мне стало тошно. Она и представления не имела, что мы уже встречались. Она была холодна, словно все случившееся просто омыло ее волной и не оставило ни следа, словно все тело у нее покрыто клейкой лентой. Ничто, кажется, к ней не пристает. Она чиста – ни пылинки на ней, ни пятнышка...» *Нэнси видела ее насквозь, и увиденное ей не нравилось.*

Я взял дневники домой, читал и перечитывал их и нашел многое,

отчего на сердце сделалось легче. Как хорошо, что она их сохранила. Как и фотографии, дневники представляли собой части головоломки. Я впитывал в себя каждое слово, пробовал на вкус чернила, брал их с собой на ночь в кровать и засыпал, положив их под подушку в надежде на то, что слова со страниц дневника скользнут в мое сознание и самые сокровенные мысли Нэнси станут моими мыслями. Я поедал эти страницы, я заглатывал их. Теперь она пребывает внутри меня, моя дорогая девочка. Теперь мы – единое целое. Она придала мне сил, внешний мир больше не способен ничего мне сделать, зато я способен сделать ему то и тогда, что и когда захочу.

В квартире казалось на удивление жарко. Апрель был холодный, но в мае – настоящее пекло. Окна мне открывать не хотелось, хотя прохладный ветерок освежил бы воздух в комнате. Но нет, пусть остаются закрытыми, а занавески – задернутыми. Я запечатал себя, обложился кирпичами. Полдень. Единственная моя уступка жаре – снятые носки, а голые ноги я сунул под стол, так чтобы не видеть их. Не слишком приятное зрелище. Последнее время я не особенно следил за собой, и ногти изрядно отросли. На конце они загибались вопросительным знаком, словно не уверены, в каком направлении двигаться дальше. Твердые, как кость. Я покусывал ногти на пальцах рук и выплевывал остатки – острые и зазубренные, они прилипали к крышке стола, и я их не убирал. Но я не какой-то там фокусник и проделать то же самое с пальцами ног не могу. Да и зубы, подозреваю, не справятся с такой задачей.

Раздался стук в дверь. Я никого не ждал. Поднялся из-за стола и выглянул в окно. Мой друг – типограф Джефф. Я задернул занавеску. Ну что, впустить его? В квартире полный бардак. Я немного выжидал. Если он уйдет, пока я не подойду к двери, так тому и быть.

Я открыл дверь. Джефф все еще стоял на месте.

– Хотел узнать, как вы поживаете, – сказал он.

– Все нормально.

У него в руках моя книга.

– Я прочитал, – сообщил он. – Честно говоря, ожидал чего-то совсем другого.

Я приподнял брови, но он улыбнулся, и я решил рискнуть. Отступив в сторону, пригласил его войти. Он сделал шаг вперед, и я увидел, что он с удивлением оглядывается по сторонам. Я все еще не прибрался с тех пор, как нашел те, приведшие меня в ярость, фотографии.

– Ко мне тут вломились, – пояснил я.

– О Господи, Стивен, этого еще не хватало.

Я пожал плечами:

– Все перевероростили, но главного не тронули. – Я кивнул в сторону стоящих на столе ноутбука и магнитофона.

Я предложил ему чая, он кивнул в знак согласия и пошел за мной на кухню. Я помнил, что на линолеуме остались царапины от моих ногтей. Интересно, Джефф их заметил? Тапочки стояли под кухонным столом, и, направляясь к плите, я остановился и засунул в них ноги.

– Ну, так как дела? – повторил он.

Что-то Джефф нервничал, тон у него какой-то неестественно оживленный. Я налил воду в чайник и лишь потом ответил:

– Все в порядке. – Я оглянулся на него.

– А книга как? Продается?

– Ну да. Медленно, но верно. – Лично меня продажи не волновали, хотя ему это невдомек. Я подождал, пока закипит вода, потом согрел заварной чайник. Интересно, подумал, знает ли он, что я выпустил из рук всего два экземпляра? Впрочем, откуда ему знать? Я был уверен, что, кроме меня одного, никто этого не знает.

– Видите ли, если вы собираетесь продавать тираж он-лайн, надо для начала представиться покупателям, блог, что ли, завести... не уверен, что вы знаете, как это делается. Ну вот, я и подумал, что могу оказаться полезен, если...

– Ладно, как вам показалась книга? – прервал его я и повернулся к нему спиной, волнуясь, как школьник. – Вы говорите, что прочли ее. Что скажете?

– Очень понравилась, – ответил он, и я обернулся, нетерпеливо ожидая продолжения.

– Откровенно говоря, она не из тех книг, что мне обычно по душе, но – зацепило. Мне кажется, вы, если захотели бы, могли бы найти себе настоящего издателя.

– Спасибо на добром слове, но вряд ли такая книжица могла бы заинтересовать профессионала. – Я вылил воду из заварного чайника, бросил в него три пакетика, залил кипятком, набросил чехол и отнес на стол.

– А по-моему, могла бы. Ваша книга ничуть не хуже того, что публикуется сплошь и рядом.

Я отыскал в буфете две чистых чашки и на всякий случай протер их салфеткой. Сел напротив гостя.

– Молоко, сахар?

– Да, пожалуйста, молоко и два куска сахара.

Джефф мне нравился. Он не слишком много рассказывал о себе и меня ни о чем не расспрашивал. Мы прогуливались по полям литературы и музыки, он не слишком заботился о своем виде, и было в этом что-то привлекательное. Волоски в ноздрях не обрезаны, и когда он дул на чай, они шевелились, как паучьи лапки. Он был весь какой-то неприбранный, а это, в моем рассуждении, свидетельствовало о здоровом уме. В то же время он был человек респектабельный и вовсе не старался выглядеть неряшливым. Побрит, хотя, казалось, бритва у него затупилась; носил не футболку, а обыкновенную рубашку, правда, тесноватую, животик выпячивался, пуговицы на поясе едва застегивались, оставались просветы, и через них виднелись волосы, а верхняя пуговица не то что не застегнута, просто оторвана. Я испытывал к нему симпатию, и он, по-моему, ко мне тоже. Может, рано потерял отца, а может, страшился кончить, как я. Как бы то ни было, он приветлив без снисходительности. И ему нравилась моя книга, действительно нравилась.

– Стивен, я знаю, что вы хотите все делать сами, но, надеюсь, не будете возражать... уж раз я прочитал вашу книгу, то подумал... в общем, небольшая поддержка не помешает, и я отнес несколько экземпляров в местный книжный магазин, и там сказали, что выставят их на продажу. Так это обычно и делается. Они любят продвигать авторов-земляков, и когда я рассказал о вас, сразу заинтересовались.

Я онемел от изумления:

– В книжный магазин? Вы имеете в виду, тот, на главной улице?

– Ну да. Я что-нибудь не так сделал?

Ему показалось, что я огорчился? Ничуть, просто удивился.

– Нет, нет. Просто сам бы я никогда до этого не додумался. Спасибо. – Я был тронут.

– По-моему, вы не понимаете, насколько это важно.

Отчего же, я понимал, хорошо понимал.

– Видите ли, мало кому нравится самому надувать щеки.

Мысли лихорадочно метались у меня в голове. Можно ли всерьез рассчитывать на то, что она окажется в наших краях и зайдет именно в этот книжный магазин? На мгновение мне вдруг представилось, что я подписываю экземпляры книги, а она стоит и ждет своей очереди. Джефф улыбнулся, я чувствовал, что тоже улыбаюсь – улыбаюсь этой смешной фантазии.

– Кое-что в книге меня по-настоящему удивило. – Он приподнял брови. – Слишком уж откровенно.

Я перестал улыбаться. Джефф вроде понял, что переступил черту. Я

вздернул подбородок и снова натянул на лицо улыбку. Кажется, он успокоился.

– Есть еще порох в пороховницах, – сказал я и, отхлебывая чай, посмотрел на него поверх кружки.

Мне хотелось рассказать ему, что все написанное – правда. И что книгу следовало бы поставить на полку с документальной литературой. Но, с другой стороны, у меня не было никакого желания пугать его, и в данный момент финал по-прежнему оставался в зоне желанного вымысла – художественное произведение, сюжет которого еще не осуществился в действительности.

– Ну и как вам героиня? – спросил я. – Как вам кажется, заслуживает она такой судьбы?

Он задумался.

– Даже не знаю. Трудно сказать. Ну да, конечно, она дура, которую все дергают за веревочки, но мне показалось, что она просто воспользовалась возможностью освободиться, разве не так?

Я почувствовал, как у меня сжалось сердце. Ему легко говорить. Ему не приходилось испытывать последствий того, что она сделала и чего не сделала.

– Вы не ответили на мой вопрос, – выдавил я из себя. – Заслуживает все-таки или нет?

– Ну, что сказать, в общем, я не испытал сочувствия, когда все это случилось, – произнес он, – так что, наверное, заслуживает. А написано отлично.

Так-то оно лучше. Я кивнул и сделал очередной глоток чая. Мне все больше нравились неожиданно открывающиеся передо мной перспективы. Судя по всему, день мне предстоял хлопотный – переходить в ее районе из одного книжного магазина в другой. Но почему бы и нет? Что я теряю? Придется притворяться – или Джефф лучше справится с ролью посланника? Милый Джефф, мой невинный сообщник.

– Думаете, есть надежда? Думаете, другие книжные магазины тоже могут заинтересоваться?

– А что, вполне вероятно. Давайте посмотрим, как здесь пойдет дело, а там, глядишь, двинемся дальше.

– И если пойдет неплохо, вы поможете мне донести до людей свое слово?

– Буду счастлив, Стивен, буду счастлив.

Мне показалось, что в его глазах заблестели слезы.

– Затрудняюсь даже сказать, как важна мне ваша поддержка. Это

пустынная дорога, Джефф, и знать, что есть кто-то, кто в меня верит... – Я запнулся.

А он улыбнулся. Знаете, мне показалось, я доставил ему истинную радость.

Глава 15

2013, конец весны

Шел второй день по возвращении на работу, и Кэтрин вновь вошла в форму. По крайней мере так казалось ее коллегам. Все было как обычно: Кэтрин сидела, выпрямившись, за столом, стучала по клавишам компьютера, читала и делала заметки, наматывая на палец локон волос на затылке. Собирала что-то воедино, прошивала нитями какой-то сюжет. Поблизости кружила Ким, но Кэтрин была погружена в дело, а Ким знала, что в такие моменты ее лучше не беспокоить. Потому она просто ставила на стол чашку кофе и отходила в сторону.

Кэтрин нашла подтверждение тому, что Нэнси Бригсток нет в живых. Рак. Она умерла десять лет назад. Но муж ее жив. Стивен Бригсток, бакалавр. Теперь это уже не покойный – под знаком вопроса – муж. Это учитель-пенсионер. Черт, что мешало ей выяснить все раньше? Что мешало приложить ту же энергию по отношению к себе, которую она обнаруживает, когда речь идет о жизни других людей? Ей не пришло в голову, что Нэнси обманула ее, сказав, что муж умер. Но теперь она это знает. И знает, как он выглядит.

Ей позвонила женщина, купившая их прежний дом. Она была раздражена. Упрекнула Кэтрин в двуличии, в том, что она не предупредила ее о возможности появления на пороге некоего гнусного старикашки. Кэтрин рассыпалась в извинениях, сказала, что это действительно ее крестный, но ей и в голову не приходило, что он может заявиться по старому адресу. Она заверила, что ничего дурного не происходит и больше ее собеседницу никто не побеспокоит.

После этого звонка у нее долго дрожали руки. История расплзалась. Все шире и шире. Круги расходились по воде. Пока не поздно, пока он не нанес настоящего вреда, необходимо вмешаться. Ибо пока такого вреда он еще не нанес. Он только припугнул ее. И продемонстрировал свое злопамятство в многословном ядовитом письме, а отправив его сыну, ясно дал понять, что яд предназначен не только ей. На кону теперь ее репутация, ее честь. Она всем нравится, ею восхищаются, ей верят, а некоторые любят. Он угрожает всему этому, ибо, если история выплывет наружу, будет рассказана вслух, обратного хода уж не будет. Она никогда не станет такой, какой представляется всем сейчас. Он исказит их видение. Николас прочитал книгу и ничего не заметил. Ничто в нем не шевельнулось. Точно

не шевельнулось. Героиня книги – это вовсе не его мать. А Нэнси умерла. И кто скажет, что это вывернутое наизнанку изложение событий – правда? Это продукт больного сознания; сознания отчаявшегося старика. Или сознания убийцы? Нет-нет, этого не может быть. И боится она не за свою жизнь, а за свою репутацию.

– Ким, есть свободная минутка? Я хочу, чтобы ты занялась кое-чем.

Ким живо подтянула стул, уселась рядом с Кэтрин, взяла в руки блокнот и ручку.

– Стивен Бригсток. Учитель на пенсии. Немного за семьдесят. Живет в Лондоне. Возможно, преподавал в южной части города. Попробуй установить, где он работал в последнее время. Напрямую с ним не связывайся, мне просто надо знать, чем он занимался последние несколько лет. И, по возможности, домашний адрес и номер телефона. Начни с союзов учителей. – Кэтрин смотрела, как Ким записывала имя – *Стивен Бригсток*, – затем, поколебавшись секунду, добавила слово *педофил* — в скобках и с вопросительным знаком. Кэтрин не стала ее поправлять. С чего бы? Она лишь смотрела, как Ким бросилась к своему столу и схватила телефонную трубку. Ей не терпелось пуститься по следу предполагаемого насильника.

Ким не понадобилось и часа, чтобы отыскать школу, в которой Стивен Бригсток преподавал, прежде чем выйти на пенсию. Рэтбоун-колледж. Это название Кэтрин было знакомо. Частная школа в Северном Лондоне. Та самая, куда они с Робертом чуть не отдали Николаса. Та, где учились дети некоторых из их друзей. А до того – общеобразовательная школа Саннимид. Там он проработал много лет. Почему перешел из государственной школы в частную? Кэтрин попыталась читать между строк. Отказ от принципов? Деньги? На пенсию вышел в 2004 году.

– Староват для того, чтобы все еще трудиться, а? – Ким читала, перегнувшись через плечо Кэтрин. Та вернулась к началу станицы: *родился в 1938 году*.

– Пожалуй, хотя в частных школах свои законы, – заметила она. – Никого не нашла, чтобы расспросить о нем поподробнее?

– Пока нет. Жду звонка. Буду копать дальше.

– Отлично. Спасибо.

– А в чем, собственно, дело? – Вполне резонный вопрос.

Кэтрин немного поколебалась.

– Пока сама точно не знаю. Может, и ни в чем, – и она одарила свою помощницу улыбкой, которая должна была уверить ее в том, что, если у Кэтрин появится что-то конкретное, она будет первой, кто об этом узнает.

Ей вовсе не хотелось, чтобы Ким слишком много знала о ее расследовании. Хотя, конечно, спасибо ей за помощь.

– Кофе? – спросила Кэтрин, меняясь с Ким ролями, и унесла чашки на кухню, плавно кладя тем самым конец разговору.

Кэтрин потребовался час времени и две чашки кофе для того, чтобы выяснить, что едва речь заходит о Стивене Бригстоке, нынешний глава Рэтбоун-колледжа сразу замыкается и становится неразговорчив. Его предшественник вышел в отставку следом за учителем английского, и нежелание говорить о последнем убеждает Кэтрин в том, что с уходом Бригстока из школы все было не так просто.

Пара звонков друзьям (между прочим, это большое искусство – позвонить давно забытым друзьям и, не обижая их, свести обмен любезностями к минимуму и получить при этом то, что тебе нужно) – и путь к тому, кого весьма обрадует возможность потолковать о Стивене Бригстоке, был открыт. Это мать ребенка, который у него учился. Мать, гордящаяся тем, что в свое время возглавила кампанию по удалению Бригстока из школы.

Мерзкий тип. Учитель, ненавидевший детей. И, более того, в школе об этом знали и пытались прикрыть его поведение, переведя туда, где, по мнению начальства, он мог принести минимум вреда, – к самым младшим, подальше от учеников выпускных классов. Эту мамашу ничто не остановит. Она все еще была полна негодования. Все, что было нужно школьному начальству, – так это оправдать свои шаги, а о том воздействии, которое этот тип окажет на сознание и самооценку семилетних детей, оно даже не задумывалось. Безобразие. Полное безобразие.

Мамаша вспомнила свою первую встречу со Стивеном Бригстоком. Это было на родительском собрании, он сидел напротив и говорил о ее сыне с явно скучающим видом. Судя по всему, этому человеку было совершенно наплевать на то, что думают другие. Попросту наплевать. И это показалось ей опасным. Как это – наплевать? Это ведь нечто большее, нежели просто дурные манеры, не правда ли? Ведь для большинства-то так или иначе имеет значение, что думают другие, верно? А для него – нет. Кэтрин подтвердила, что да, это, должно быть, весьма смущает. Помимо того, мамаша убеждена, что он был человеком пьющим. Они с мужем просто чувствовали это. И речь шла не о бокале вина за ужином – нет, о напитках покрепче. О спирте. Все приметы указывали на то, что это был запойный пьяница. Что-то гнилое в нем было, явно гнилое.

Конечно, школа изо всех сил старалась прикрыть его. Едва возникли первые вопросы касательно его уроков, он был тут же отправлен в отпуск

по болезни. Намекали на то, что живется ему тяжело. Несколько лет назад у него умерла жена, и, естественно, все пытались выразить сочувствие. Но он вернулся. Скорее всего, его связывали какие-то особые отношения с прежним директором, потому что... короче, от него следовало бы избавиться уже давно. Прочитав его совершенно неприличный отзыв на сочинение сына, она буквально пришла в ужас. И ее сын – не единственная жертва. Он применял насилие и к другим детям.

– Насилие? – прервала ее излишняя Кэтрин.

О да. Мамаша была убеждена, что страдания ее сына стали результатом именно насилия со стороны Стивена Бригстока.

– Он не из тех, с кем можно спокойно оставить своего ребенка, в этом я совершенно уверена.

– А физическое воздействие на детей он оказывал? – настаивала Кэтрин.

Повисла пауза.

– Ну, как сказать... Да, я слышала, что причиной, по которой ему пришлось оставить школу, где он преподавал раньше, была слишком тесная привязанность к одному из мальчиков. Давайте так это сформулируем.

– Что вы имеете в виду? – Кэтрин нужно было нечто большее, нежели это неопределенное слово – «привязанность».

– Это был его бывший ученик. И когда тот окончил школу, он явно обнаружил к нему нездоровый интерес. Я слышала, к нему угрожали принять суровые меры. Впрочем, все это выяснилось уже после его отставки. И, честно говоря, я не была удивлена.

– Я правильно понимаю – речь идет об ученике прежней школы, Саннимид?

– Совершенно верно.

– И как вам все это стало известно?

Мамаша постаралась вспомнить.

– Через одну знакомую. Ее дети учились в той школе.

– А имя этого ученика вы знаете? Мне хотелось бы поговорить с ним.

– Боюсь, что нет. Но наверняка могла бы узнать.

– Вы окажете мне огромную услугу. Благодарю вас. И спасибо, что нашли время встретиться со мной.

Еще бы она не нашла. Кэтрин – человек известный, она пользуется уважением в обществе. У нее хорошая репутация, она женщина, чьим словам и делам можно доверять. Впервые за последние несколько недель сознание у нее прояснилось, ее перестала мучить совесть. Она набрасывала в голову сценарий, собирая сведения о своем противнике.

Глава 16

2013, конец весны

У меня был номер ее телефона, адрес. И я видел ее воочию. Теперь она уже не просто виртуальный образ в моем ноутбуке. Я выяснил, на какой станции метро она пересаживалась, отправляясь на работу. И в данный момент стоял у нее за спиной.

Между нами было несколько человек. Кэтрин выше меня, и я мог видеть ее даже за спинами впереди стоящих. Шаг-другой вперед, и я бы ее коснулся. Волосы Кэтрин зацепились за воротник, она освободила их, затем опустила плечо, чтобы поудобнее накинуть сумку. Она нервничала. И это мне по душе. Но ногти у нее покрашены. А это мне не нравилось. Из-за них мне хотелось плакать. Это свидетельство того, что ей все равно. Что она ведет себя так, будто ничего не произошло. Я не мог с этим смириться. Нельзя, чтобы ей было даровано блажество амнезии. Так не должно быть. Нельзя, чтобы она могла спокойно красить ногти, делать прическу. Она не должна ухаживать за своей внешностью. Она знала, что сделала, и тем не менее находила, что все еще достойна того, чтобы следить за собой. Мне хотелось бы видеть ее ногти изгрызанными и кровоточащими. Мне нужно было зримое свидетельство того, что она хоть что-то чувствует.

Пошел поезд, люди подались вперед, я последовал вместе со всеми, позади нее. Меня несло, как по воздуху. Ее тоже толкали, но это был не я. Я даже не прикоснулся к ней. Она оглянулась, но меня не заметила. Будучи на голову ниже, я не попал в поле ее зрения. Мы еще не готовы, я и Нэнси. Я взял с собой Нэнси. Я ощущал на себе ее руки, мы стояли вплотную друг к другу. Почти каждый день я надевал ее жакет. Двери поезда раздвинулись. Кэтрин вошла в вагон. словно не замечая толпы, продвинулась вперед. Неужели я упустил момент? Двери закрылись, я посмотрел ей вслед. Это мне показалось или она действительно вздохнула с облегчением? Не уверен, но вообще должна бы. Не в этот раз. Пока рано. Но теперь мы знали, каким маршрутом она ездит. Мы знали, где и когда ее искать.

А ждать я умел. Много лет назад я был рыбаком. Конечно, рыбаком-любителем. Я ловил рыбу со скал близ башни Мартелло. И сейчас я вроде как тоже занимаюсь ловлей. Я забросил удочку и теперь должен ждать поклевки. Просто ждать, когда клюнет.

Джефф тоже ждал своей очереди с наживкой и начнет действовать, как только я дам отмашку. В ее районе два книжных магазина, и по моей

команде он отправится в путь. Старина Джефф, добрый славный малый. И поклевка будет, в этом я уверен, а когда клюнет, я сразу же потяну. Ну, не в буквальном смысле потяну, это же не невод, так что нет, не потяну. Достаточно, чтобы клюнуло один раз, это все, что мне нужно от этой скользкой рыбешки. Я так и чувствовал, как у меня чешутся руки, когда натягивается леска. Вот бы увидеть, как крючок впивается в горло и добыча разевает рот в попытках вдохнуть воздух. Ее судьба в моих руках. Один удар по голове каким-нибудь тупым предметом. Или достаточно будет просто извлечь ее из глубин и смотреть, как она, расширив от страха глаза, судорожно хватается ртом воздух? Что-то есть во всем этом необыкновенно привлекательное. Рыба, вытащенная из воды. Рыба, грубо заброшенная в чуждую ей среду. Выживет? Вряд ли. Внезапная перемена среды обитания скорее всего убьет ее. Рыбы, они ведь тонут, верно? Если слишком долго остаются без воды? Итак, для начала перемена среды обитания, ну а там, глядишь, я избавлю ее от страданий.

Глава 17

2013, конец весны

И на сей раз Кэтрин беседовала не с «мальчиком», а с его матерью. Она была менее разговорчива, чем первая мамаша, и все же, приложив некоторые усилия, Кэтрин удалось выудить из нее кое-что. Да, это было нелегкое время. А для ее сына Джейми, которому сейчас тридцать семь, даже, как бы сказать, страшноватое. Кэтрин терпеливо слушала, демонстрировала понимание. Она ничуть не хотела давить на собеседницу. Можно поговорить и в другой раз. Может, стоит прийти к ней домой? Нет, давайте уж лучше по телефону.

Стивен Бригсток был преподавателем Джейми в выпускном классе, который мальчик, благодаря ему, закончил с отличными оценками. Это был хороший учитель, и Джейми любил его. Бригсток проявлял к нему внимание, если нужно, занимался с ним во внеурочное время, и семья была ему признательна. Если бы не мистер Бригсток, сын, может, не закончил бы школу так успешно и не поступил в Бристольский университет. Это было большим событием – Джейми первым в семье стал студентом университета. Она вспомнила, как отвезла его туда в воскресенье со всеми пожитками и оставила на ночь. Заплакала – так жалко было бросать мальчика одного. Впервые в жизни он уехал из дома больше, чем на сутки, а муж повторял: не плачь, дурочка, все будет хорошо. Оба они считали, что университет – это для сына самое безопасное место для начала самостоятельной жизни.

– Короче, в первую же неделю занятий Джейми столкнулся на территории университета с мистером Бригстоком. Тот прогуливался, и Джейми решил, что это просто случайная встреча, что у того здесь какие-то дела, либо пришел он к знакомому. Потом он увидел его еще раз. Мистер Бригсток стоял около входа в лекционную аудиторию, но, когда Джейми вышел и направился к нему, поспешно удалился. Сделал вид, что не заметил. Он начал преследовать Джейми. Заходил в тот же, что и сын, паб, болтался по университетской территории или факультетским коридорам, но всегда держался на расстоянии, никогда не подходил, никогда не заговаривал с Джейми, просто наблюдал издали. И это совершенно выводило Джейми из равновесия. Он говорил, что мистер Бригсток смотрит вроде как сквозь него, как если бы он был невидимкой. Мы уговаривали Джейми рассказать об этом кому-нибудь, но он не хотел

поднимать шум. А однажды вернулся к себе в общежитие и застал мистера Бригстока сидящим у него на кровати. Одному из сокурсников сына он представился его дядей. Потом Джейми рассказывал нам с мужем, что мистер Бригсток все время повторял одно и то же – что надо извлекать максимум из занятий, не тратить время попусту. Раз за разом, одно и то же. В какой-то момент Джейми испугался. Казалось, школьный учитель просто тронулся умом. В конце концов, Джейми пришлось придумать, что у него назначено свидание, иначе было не избавиться. А потом мы узнали еще много чего – уже не от Джейми, а от одного из его приятелей. Сам он никогда об этом с нами не говорил. От этого приятеля мы узнали, что Джейми казалось, будто Бригсток в его отсутствие копается в его вещах. В смысле, в личных вещах. Вообще-то слухи такие ходили, но до нас они донеслись гораздо позже, иначе... ну, муж бы отправился прямиком в университет и разобрался на месте.

– Вы все же предприняли хоть какие-то шаги?

– Хотели сообщить в полицию, но Джейми воспротивился. Муж поговорил с университетским начальством, и ему пообещали принять меры. Какое-то время ничего не происходило. А как-то потом, поздним вечером, когда Джейми уже засыпал, появился Бригсток. Он начал барабанить в дверь, ломиться внутрь. Говорил, что опоздал на последний поезд, требовал впустить – он, мол, на полу переночует. Сосед Джейми по комнате увел его из общежития.

– Хоть на сей-то раз полиция вмешалась?

– Нет, Джейми туда не обращался и нам не позволил, когда все выяснилось. А выяснилось благодаря его соседу, он молчать не стал. Больше Бригсток не появлялся. Мы отправились в университет при первой же возможности и узнали от приятеля Джейми, что Бригсток рыдал под дверью, колотил в нее кулаками, требуя, чтобы Джейми впустил его, и в конце концов пришлось выйти и оттащить его. Силой оттащить, иначе было никак. Просто чокнутый, говорил приятель, плакал, как ребенок. Сам Джейми нам этого никогда не рассказывал. Понимаете ли, он любил мистера Бригстока, всегда смотрел на него снизу вверх.

– Благодарю вас, миссис Росси, большое спасибо. Как вы думаете, Джейми согласится поговорить со мной?

– Да что вы, упаси Бог, знаете, как он разозлится, если узнает, что я с вами разоткровенничалась? Хотя сколько уж лет прошло. Он держит рот на замке – никогда на эту тему не заговаривает. Знаете, иногда я задаюсь вопросом: а ну как что-нибудь случилось еще до его поступления в универ? Слишком уж Бригсток обхаживал Джейми.

– Что вы имеете в виду? У вас что, возникали какие-то подозрения, когда сын еще учился в школе?

– Не знаю... просто не знаю. Впрочем, нет, ничего определенного. Джейми доверял мистеру Бригстоку. Это ведь мистер Бригсток подготовил его к экзаменам. Они много времени проводили вместе.

– Знаете что, позвольте мне оставить номер моего телефона, и если вам покажется, что Джейми все же мог бы поговорить, позвоните мне, пожалуйста. Вполне возможно, ваш сын – не единственный, к кому Стивен Бригсток проявлял внимание.

За сегодняшний день удалось сделать немало. Продуктивно поработалось. У Кэтрин в сознании начал постепенно составляться портрет Стивена Бригстока, и симпатии он не вызывал. От этого самочувствие у нее улучшилось, ощущала она себя увереннее. Она – не единственная, кому приходится что-то скрывать. Кэтрин уже собралась уходить с работы, когда подошла Ким и протянула ей клочок бумаги с адресом и номером телефона, которых она так ждала.

Домой она не торопилась. Роберт предупредил, что будет поздно, потому она вышла из метро за остановку до дома и остаток пути прошла пешком. Славный сегодня вечер. Она прошла мимо книжного магазина, остановилась, бросила взгляд на витрину. Там была масса соблазнов, даже на вкус хотелось попробовать, нёбо чесалось. Она переступила через порог и услышала, как кто-то окликнул ее по имени с противоположной стороны улицы. Обращиваться не было никакого желания – она чувствовала, что магазин буквально затягивает ее внутрь, влечет к полкам, – но голос прозвучал вновь, на сей раз ближе, прямо из-за плеча.

– Кэтрин!

Она обернулась и увидела улыбающееся лицо приятельницы, с которой довольно давно не виделась.

– Ты как?

– Да все хорошо. А ты?

– Все нормально, нормально. Ты как сейчас, занята?

– Да вот, собралась книгу купить – подарок на день рождения. – И зачем ей понадобилась эта ложь?

– Да ладно, пошли лучше выпьем. Пошли, по-быстрому, по бокалу вина...

Провести время с подружкой занято. Вечер обещал быть приятным. Роберт будет поздно. Можно посидеть в открытом кафе, выпить по бокалу вина, выкурить сигарету. Она согласилась, позволила увести себя.

Домой она попала еще засветло. И все равно задернула шторы и включила свет. Роберт вернется только через час. Тишина в доме позволила вновь задуматься о Стивене Бригстоке. Какое-то время он словно оставался на привязи – общество подруги и бокал вина позволили на время избавиться от него, – но теперь снова выскользнул на свободу. В сумочке у нее был листок бумаги с номером его телефона. Она достала его, взгляделась в номер и забила в мобильный. Палец повис над словом «вызов». Что она скажет? Во рту пересохло. Что, если от звонка станет только хуже? Она не знала, что сказать. Что ему от нее нужно? Почему сам не позвонил? Может, не был в той квартире с тех пор, как она просунула записку сквозь щель в почтовом ящике? Может, просто у него нет ее номера? А может, есть, но он не хочет звонить? Он послал ей книгу – он написал ее, – стало быть, она должна прочитать. И прочитала. И теперь должна дать ему знать. Но ведь он и Николасу послал экземпляр. Зачем? Чтобы таким образом до нее добраться? К книге, полученной Николасом, могла бы быть приложена записка, которая все проясняла. Но записки не было. Стало быть, это ей предупреждение: пусть знает, что ему известно, кто ее сын и где он живет. Это угроза. Ему надо знать, что она прочитала книгу. И она может пойти ему навстречу. Но, возможно, ему нужно еще и извинение? Нужно, чтобы она извинилась? Признала свою вину? Но это уж слишком. Положим, кое на что она пойти готова. Например – протянуть руку, при том условии, что он оставит ее в покое. Да, шаг навстречу она сделать готова. Лучше написать, чем сказать на словах. Телефонному разговору доверять нельзя. Он в любом случае ей не поверит, так что лучше написать несколько слов и отправить ему. Она стерла его номер из памяти мобильного и вернула листок бумаги в сумку.

Кэтрин откинула крышку ноутбука и открыла сайт под названием «Идеальный незнакомец». Не перечесть сколько раз она заходила на эту страницу. И ничего не менялось. Она выбрала раздел «отклики». Внимание и еще раз внимание. Его жена говорила ей, что он умер. Родная жена отрицала его существование на этом свете. Она не доверяла ему. Внимание. Этот человек болен. Он уже продемонстрировал, насколько помрачено его сознание. Кэтрин медленно, подбирая слова, вывела фразу: «Бесспорно, в самой основе этой книги есть что-то глубоко болезненное. Нечасто произведения литературы пробуждают у читателя столь мощные чувства». Подписать своим именем? Нет, это было бы слишком рискованно. Никому не следует знать о том, что она имеет хоть какое-то отношение к этой книге, а если кто-нибудь начнет копаться в Интернете, эта связь может

выйти наружу. С другой стороны, ему следует знать, что написала это она, вот Кэтрин и подписалась именем «Шарлотта» – тем самым, под которым фигурирует в книге, подписалась и нажала на кнопку «отправить».

Глава 18

2013, начало лета

Теперь я спал днем, а ночью бодрствовал. Мне нравилась темнота. Я был не один. Со мной Нэнси и еще ноутбук. Это мой любимец, я посылал его за покупками, как за газетами посылают собаку: еду доставляли к самому порогу дома. До чего же толковый малый. Еда – главным образом консервы. Как во время войны – мясо в консервных банках. Впрочем, то, что я ел, значения не имело, на вкус все едино, потому что в любом случае господствовал один и тот же запах, даже если почистить зубы до крови в деснах. Я никак не мог избавиться от него. От этого запаха все становилось кислым. А сегодня он был особенно пронзителен.

Я прочитал отклик. Это что, наживка? Сейчас она, должно быть, уже знает, что Нэнси умерла, так что разговор идет со мной. Я чувствовал, как натягивалась моя леска. «Бесспорно, в самой основе этой книги есть что-то глубоко болезненное. Нечасто произведения литературы пробуждают у читателя столь мощные чувства». Она назвалась Шарлоттой. Что это – признание вины? Но чем больше я вчитывался в эти строки, тем отчетливее понимал, что за ними стоит. «Столь мощные чувства» – она не уточнила, какие именно «чувства». Мощное отталкивание? Мощное отвращение? Мне нужна определенность, а не какие-то смутные чувства. Мне нужен стыд, страх, ужас, раскаяние, признание.

Неужели я слишком многого требую? Этот короткий отклик потряс меня до глубины души. Он был так аккуратно написан – ни намек на извинение, ни намек на признание своей ответственности. Мне с самого начала следовало бы знать, что она попытается каким-то образом ускользнуть от меня. Как она смеет хотя бы надеяться, что всех этих пустых слов, пусть даже так умело выстроенных в ряд, будет достаточно? Даже по прошествии столь многих лет миссис Кэтрин Равенскрофт, кинодокументалист-лауреат, мать Николаса – продавца пылесосов, продолжала поигрывать ножиком, крутя его в своих наманикюренных пальцах и сочиняя хитроумные отклики. Только она ошиблась, решив, что ее лаконичное послание удовлетворит меня. Оно меня подстегнуло. Это оскорбление. Наплевать мне на ее сочувствие моей боли. Для таких признаний уже слишком поздно. Пусть сама почувствует, каково это. Лишь тогда мы поквитаемся. Пусть ей будет так же больно, как мне.

Глава 19

2013, начало лета

Кэтрин проснулась. Она не помнила, как засыпала, но сознание подсказывало, что какое-то время она спала. Глаза слиплись. Кровать пуста, через шторы снизу пробивался свет. Она откинулась на подушку. Солнечные лучи согревали комнату. Славный, похоже, денек ожидается. Время – десять с небольшим утра. Роберта давно нет дома. Вот, должно быть, обрадовался, подумала она, увидев ее крепко спящей.

Вчера вечером он сказал ей, что должен будет уйти на работу рано утром. За последние годы он в первый раз вообще заговорил о работе. Она была слишком поглощена собой, но вчера его словно прорвало: накопилась масса дел, завалило буквально с ног до головы. Кэтрин знала, как он ненавидел попадать в такое положение – Роберт всегда хотел быть хоть на шаг впереди, чтобы контролировать ход событий. А иначе... ну, не то чтобы впадал в панику, но начинал нервничать. Он адвокат, и люди доверяют ему свои дела.

Они засиделись допоздна вчера вечером, беседуя о его заботах, и впервые за долгие годы Кэтрин почувствовала себя на своем месте. Ее поразило, когда он сказал, что благотворительная организация, на которую он работает, оказалась в центре внимания парламентского комитета по финансам. Парламентарии заподозрили, что бюджетные средства, выделяемые на некоторые ее проекты, расходуются не должным образом.

– Что, растрата? – спросила она.

– Да нет, просто безалаберность.

– Собираешься выступить на слушаниях?

– Нет, – покачал головой Роберт, – хотя для дела было бы лучше, если бы выступил. Но в любом случае придется подготовить бумаги, доказывающие, что директора – это не какие-то преступники, а просто шуты гороховые, желающие людям добра, но не разбирающиеся в делах.

– Повезло этим директорам с адвокатом, – сказала она и взяла его за руку.

Когда они познакомились, Роберт работал юрисконсультom в министерстве внутренних дел. Ему было около тридцати, ей – двадцать два, но, будучи человеком замкнутым, он казался моложе своих лет. Кэтрин работала в редакции газеты – это была первая ее служба. У обоих были амбиции, оба были преисполнены решимости добиться успеха, и у обоих

это получалось. Она помнила, как удивилась его уязвимости: он был настолько незащищен, что она чувствовала себя по отношению к нему чем-то вроде наседки. При знакомстве он сказал, что имеет «политические амбиции». Именно так и сказал, но прозвучали эти слова как-то застенчиво, так, словно он извинялся за что-то. Пришлось ей разговорить его. Это был первый из многочисленных разговоров «не для протокола», который они вели в одном из кабачков Стоук-Ноттингема, на нейтральной территории, где ни ей, ни ему не нужно было опасаться встречи с сослуживцами. Роберт еще со студенческих времен был членом лейбористской партии, Кэтрин – тоже. Только она вскоре о своих партийных пристрастиях забыла, а он нет. Он рассчитывал на выдвижение в парламент и в случае избрания стал бы одним из самых молодых депутатов в истории. Ничего не получилось, но она знала, что он все еще лелеет эту мечту. Вчера вечером они вернулись к этой теме. Он улыбнулся, довольный, что она сама затеяла этот разговор, но покачал головой.

– Нет, сейчас не время, – сказал он.

– Смотри, а то, если нужно, я всегда подставлю плечо. – Ей приятно было думать о ком-то другом, не только о себе. Она увидела в этом признак душевного выздоровления и села в кровати.

Прошла почти неделя, как она написала свой отзыв, и чутье подсказывало ей, что это был правильный шаг. Стивен Бригсток нуждался в ее признании. Теперь ему было известно: для нее не секрет все то, через что ему пришлось пройти. Да и ей эти несколько слов пошли на пользу. Может, отчасти потому она и стала лучше спать. Набрасывая отзыв, она просто вынуждена была думать не только о своей, но и о его боли. Принять на себя ответственность за нее она не может, но может прийти к пониманию того, что подтолкнуло его к этой холодной ненависти. Да, ей явно пошло на пользу то, что она хотя бы задумалась об этом. Быть может, таким образом они оба словно обрели равновесие, хотя каждый на свой лад.

Она поднялась с кровати и раздвинула шторы. На улице ослепительно сияло солнце. На работу идти не хотелось – что ж, она позвонит и скажет, что сегодня поработает дома. Она спустилась вниз, заварила чай, села за стол и открыла ноутбук. Нашла нужный сайт. Ее отклик все еще на месте, но никаких комментариев за это время не появилось. В углу экрана мерцало изображение обложки книги, и при воспоминании о том, как она вошла в ее жизнь, Кэтрин начало трясти от ярости. Больше она ни за что не посмотрит на эту картинку.

Глава 20

2013, начало лета

Утро. Я не спал всю ночь. Завтракать не хотелось. Если верить моему ноутбуку, было десять утра, и от слишком долгого сидения на стуле у меня затекли ноги. Надо подвигаться. Кажется, я слегка помешался на компьютерах, слишком много времени провожу у экрана. Не слишком типично для людей моего возраста. Три шага к окну, и я раздвинул шторы. День потрясающий. А я и представления не имел. Начал моргать, как если бы в полной тьме вдруг оказался прямо перед машиной с включенными фарами. В такой день на улице лучше, чем дома.

У меня были копии фотографий, сделанных с тех же негативов, которые много лет назад проявила Нэнси. Я думал, из лаборатории мне вернут их с какой-нибудь сердитой запиской, но нет, ничего, прислали новые блестящие отпечатки. Я набросил на плечи легкую летнюю куртку и засунул в карман конверт с фотоснимками. Да, сегодня на улице явно лучше, чем дома.

Оказываясь на любой из чудесных лондонских площадей, я всегда жалею, что захожу сюда слишком редко: они так взбадривают. А Беркли-сквер – это вообще жемчужина. Тут все на виду, она сама отдает себе отчет в собственной красоте и демонстрирует ее без всякого стеснения. Самое место для обладателей «Роллс-Ройсов». К числу которых я, конечно, не принадлежу, да и, судя по виду, те, кто пришел сюда, как и я, в этот обеденный час, – тоже. Я закрыл глаза, подставил лицо солнцу и на какое-то мгновение порадовался тому, что жив. Я все еще здесь, я дышу и готов нанести удар. Но сначала я доел свой сэндвич, с приятностью ощущая себя частью публики, пришедшей перекусить в этот обеденный клуб на свежем воздухе. Меня объединял дух товарищества со всеми ними: одни сидели на скамейках, другие улеглись прямо на траву, третьи подложили под себя пиджаки. Все мы незнакомы, но нам приятно быть в обществе друг друга, наслаждаться видом этой буйной растительности, в том числе и древними платанами – единственными живыми существами на этой лондонской площади, которым лет больше, чем мне. Я скомкал обертку из-под сэндвича и бросил ее в мусорный бак, благодарный за то, что он есть, за то, что охрана не убрала его из страха, что там запрятана бомба. Здесь чувствуешь себя в безопасности. Пересекая площадь, я достал из кармана конверт и еще раз проверил адрес. Беркли-сквер, 54.

Фронтон дома под этим номером был частично перестроен, кирпич заменен стеклом, огромными стеклянными плитами, и выглядел сейчас так, будто зев здания был насильно отверзнут и внутрь засунуты эти блестящие глыбы, дабы он никогда уже не закрывался. Здание с вечным кляпом во рту. Дурно, конечно, говорить так о некогда благородном фасаде. Я прошел через открытую пасть, представился юной девушке за стойкой администратора и с улыбкой протянул ей конверт.

Глава 21

2013, начало лета

Кэтрин решила провести день в домашней неге. Она отправила Роберту эсэмэску, извещая о том, что решила взять на работе отгул, и спрашивая, как дела. *Нормально*, ответил он, *вернусь к семи*. Она простилась с ним смайликами. Сегодня она приготовит приличный ужин. Они выпьют бутылку белого сухого вина, съедят что-нибудь, приправленное свежей зеленью, а потом насладутся друг другом. В обществе Роберта ей по-прежнему интереснее, чем в любом другом: нет человека, с которым она с большей охотой провела бы вечер, или такого, чьим мнением дорожила бы больше, чем мнением мужа. Она вспомнила вечер десятидневной давности, когда едва не рассказала ему все. Слава Богу, удержалась в последний момент. Роберт считал себя сильным, но на самом деле это не так, и брак их хрупок, как, впрочем, и любой другой брак. Надо поддерживать равновесие, и ей представлялось, что с этой задачей она справлялась.

Роберт ненавидел любые разногласия. Она почти никогда не видела его рассерженным, даже с Николасом, даже когда он находился в самом воинственном настроении. Это не он, а она, Кэтрин, всегда повышала голос. А он всегда сглаживал углы. И хотя временами это ее раздражало, заставляло чувствовать себя кукушкой в гнезде, ей было понятно, почему он ведет себя именно так. Если Ник не может или не хочет говорить с ней, он по крайней мере знает, что может поговорить с отцом.

Роберт вырос единственным ребенком в семье, где родители постоянно воевали друг с другом, и стал экспертом по части посредничества. Ей было больно думать, что им с Николасом нужен посредник, но временами это было именно так. По ее вине, признавала Кэтрин. Она так и не добилась с ним той близости, какой хотела бы. Он, казалось, улавливал в ее голосе, в ее тоне, выражении лица что-то не то. Хватало какой-то мелочи, чтобы Николас начинал на нее злиться, и со временем между ними выросло нечто вроде стены. Все стало казаться неестественным. Так было не всегда, но точно начиная с отрочества Николаса и далее. Ей никогда не приходило в голову сомневаться в собственной любви к сыну, но нити, некогда связывавшие их, явно ослабли. Возможно, будь у них с Робертом еще один ребенок, все могло бы сложиться иначе.

Кэтрин было трудно думать обо всем этом; обычно она отталкивала от

себя подобные мысли, но все же надеялась на то, что теперь, когда Николас зажил самостоятельной жизнью, возникшее между ними – в буквальном, пространственном смысле – расстояние, возможно, поможет им лучше увидеть и понять друг друга.

Она не припоминала даже, появлялись ли у нее прежде мысли о том, чтобы сходить в супермаркет, но сегодня пошла туда. Славно, право, сосредоточиться на рутине повседневной жизни, и она с удовольствием погрузилась в эту атмосферу. Купила пучок петрушки, захватывая ладонью ее длинные стебли, и бросила в тележку. Затем наступил черед свежих продуктов, таких, что если не съесть сразу, загниют и начнут вонять, и это подсказывало ей, что она снова утрачивает душевное равновесие.

Скучная задача раскладывания покупок по полкам доставила ей не меньшее удовольствие, чем поход в супермаркет. Когда чувствуешь себя так, как Кэтрин, нечто совершенно обыденное и неблагодарное становится истинной роскошью. Она наслаждалась самыми простыми вещами – извлечением продуктов из сумок и их сортировкой: у всего свое место, а она следит за тем, чтобы порядок не нарушался.

Было только четыре часа – до начала приготовления ужина еще масса времени. Она пошла в гостиную и легла на диван. Она напоминала кошку, нежащуюся на солнце. Закрыла глаза, хоть усталой себя не чувствовала, просто расслабленной. А затем сделала то, чего не делала уже несколько недель. Взяла первую попавшуюся книгу и начала читать. Это была безопасная книга – она ее уже читала, – и Кэтрин вернулась на диван и погрузилась в чтение.

В шесть она налила себе бокал вина и позвонила матери. Этого еженедельного звонка она никогда не пропускала, хотя в последнее время разговоры получались скомканными, поспешными, а мама явно заслужила большего.

– Мама? Ты как? Как прошла неделя?

– Отлично, дорогая. Все, знаешь ли, тихо... но хорошо. Давно вернулась из отпуска?

Кэтрин ответила не сразу, колеблясь, стоит ли поправлять ее: они с Робертом не ездили в отпуск с прошлого лета. В последнее время мама стала путать даты и время суток.

– Да уж не помню и когда, ма, мы ведь с тобой с тех пор не раз встречались. – Кэтрин старалась говорить мягко, не беспокоить мать. Впрочем, беспокоиться и не о чем – пока. Да, время в ее представлении съежилось, но многие события она помнила очень хорошо. Кэтрин продолжила: – Ты ездила к Эмме посмотреть на новорожденного? –

Младшая двоюродная сестра Кэтрин недавно родила своего третьего ребенка.

– Да, она с мужем сама за мной заехала. Очень мило с их стороны. Славная крошка. Выглядит веселой. А как Ник? Ему по-прежнему нравится его работа?

– Ну да, он очень доволен ею.

– Вот и отлично. Он такой умный мальчик.

Ник и его бабушка всегда были близки. Сразу после его рождения мать Кэтрин переехала к ним на несколько недель помочь по дому. Это заставило дочь еще больше заботиться о ней. Она ухаживала за Ником, но и не только, за Кэтрин и Робертом тоже. Готовила еду, укачивала малыша, давая его родителям возможность вздремнуть после обеда, и вообще делала все, что, по ее разумению, им могло помочь. И никогда не строила из себя мученицу, никогда не учила Кэтрин, что ей следует делать, просто предлагала поддержку и любовь.

– Извини, ма, что пропала так надолго. Совсем замучилась с переездом. Знаешь что, давай пообедаем вместе в воскресенье и Ника тоже позовем. Я заеду за тобой.

– Это совершенно не обязательно. Я и на автобусе могу приехать.

– Ладно, там видно будет. – В последний раз, когда мать села на автобус, она буквально впала в панику, не зная, на какой остановке сойти, и в конце концов вернулась на автовокзал.

Кэтрин отдавала себе отчет в том, что мать постепенно сдает, болезнь еще не объявлена, но признаки ее уже появлялись. Кэтрин помогла найти домработницу, та приходила дважды в неделю убрать квартиру и купить продукты. Зная, что за матерью есть кому присмотреть, чувствуешь себя увереннее.

– Ладно, ма, пойду доделывать ужин. На днях позвоню. Я люблю тебя.

– И я тебя, дорогая. Береги себя.

В семь она отправила Роберту эсэмэску с уведомлением, что ужин будет готов через четверть часа. Включила музыку, увеличила громкость, позволила себе выпить еще бокал вина и ни о чем не думать.

В девять Роберт не появился. Кэтрин начала волноваться. Он не ответил на ее эсэмэску и не позвонил. Такая небрежность на него совершенно не похожа. Просто взять и не прийти? В желудке возникло неприятное чувство. Она набрала номер Николаса, наговорила в автоответчик просьбу перезвонить, если папа объявится, но и сын молчал. Она уже составила сообщение для полиции, когда Роберт наконец вышел на связь. Он написал, что застрял на работе. Ни слова раскаяния. Ни

смайлика-поцелуя. Вот черт. Она задета. Вот сволочь. Мерзавец. Даже не подумал о ней.

Глава 22

2013, начало лета

Кэтрин заблуждалась. Роберт только и делал, что думал о ней. Часами. Не шевелясь. Сидя за столом, когда все остальные ушли домой, с пылающей головой, готовый лопнуть от мыслей о жене. Весь день пакет пролежал нетронутым на его столе, и, только собираясь уходить, он взял его в руки.

Уже наполовину накинув пиджак, направляясь домой, где его ждала Кэтрин, он надорвал пакет. Подобно ей, он весь день предвкушал вечер вдвоем и, открывая конверт, думал о том же. Он нахмурился, вытряхнул на стол пачку фотографий и равнодушно, без всякого интереса, посмотрел на них. Беглый взгляд. В пакете было еще что-то. Книга. Та же, что сожгла Кэтрин. «Идеальный незнакомец», автор Э. Дж. Престон. Он открыл книжку на первой странице: «Любое сходство с реальными людьми, живыми или мертвыми, является случайным...»

И тут он сел на стул и снял пиджак.

Он снова просмотрел фотографии, на сей раз с большим вниманием, одну за другой. Всего их оказалось тридцать четыре. Затем изучил пакет. Почерк на лицевой стороне. Почерк был ему незнаком. «Доставлено отправителем», – значилось в углу пакета, там же от руки было написано имя Роберта – не шариковой ручкой, а пером, синими чернилами. Роберт встал, чтобы задержать уходящую помощницу.

– Откуда это? – осведомился он. Удивленная его тоном, она остановилась.

– Кто-то оставил на вахте.

– Кто именно?

– Сейчас узнаю. – Она подняла трубку и тут же повернулась к нависшему над ней Роберту.

– Какой-то мужчина. Пожилой. Люси говорит, он оставил пакет для вас лично. Больше ничего не сказал. Она говорит, он выглядел немного... неряшливо. Показался бродягой, но держался вежливо, болтаться под ногами не стал, просто отдал пакет и ушел.

– Спасибо, до завтра. – Роберт жестом отпустил помощницу.

Он все еще сидел за столом, разложив фотографии, которые походили теперь на какой-нибудь из коллажей Дэвида Хокни^[1]: небольшие изображения, формирующие в своем единстве картину более крупного

формата. Но что она означает, Роберт понять не мог. Перед ним была Кэтрин. Кэтрин на пляже, касающаяся пальцами завязок своего розового бикини, неподалеку улыбающийся в объектив Николас. Кэтрин безмятежно спит. Еще один снимок: Кэтрин опирается на локоть, поддерживая ладонью улыбающееся лицо, бикини не скрывает красивой пышной груди. Кому она улыбается? Кэтрин и Николас сидят у самой кромки воды. Николас смотрит в сторону моря, Кэтрин прямо в камеру. Выглядит она соблазнительно и сама это знает, а их маленький мальчик, тогда ему было пять лет, сидит у ее ног.

Снимали не один день – несколько дней подряд. А может, больше, чем несколько? Он попытался вспомнить. Николас появляется на всех пляжных снимках, но есть и другие, где его нет. Может, остался в стороне и не попал в кадр? Вообще-то должен был быть где-то поблизости. В одной комнате с Кэтрин? Или в соседней? Один? Спал? Что видел? Что слышал? На этих других фотографиях Кэтрин не в бикини – в нижнем белье. Лифчик, трусики. Точно не бикини. Кружева. Бретельки, готовые в любой момент соскользнуть с плеч. Сквозь кружево проглядывают острые соски. Да, трусики, а не бикини. Воздушные, невесомые. Под водой не удержатся. Ему ли не знать – он сам купил их перед отъездом на отдых. Рука ее касается трусиков, а взгляд устремлен вверх, в потолок, словно там что-то есть. Только ясно, что там ничего нет. Она пребывает где-то в ином месте, там, где что-то заставляет ее приоткрыть губы и закрыть глаза. Раствориться в собственном драгоценном пространстве. Но не в одиночку, потому что там есть кто-то еще. Безмолвный ценитель. Невидимый свидетель. За единственным исключением. Есть смазанный снимок, и на нем тень на обрезах кадра.

Как хорошо, что Роберт сейчас был один; как хорошо, что некому было увидеть его слезы. Первоначальный шок от созерцания фотографий уступил место боли, пронизывающей, как стальное лезвие, все тело, от затылка до желудка. Он чувствовал, как через кровоточащую рану вываливаются наружу внутренности. Пальцы его дрожали, когда он писал эсэмэску, объясняя Кэтрин, что, мол, застрял на работе. Это самое большее, на что он был способен. Разговаривать с ней он не мог, не мог заставить себя начать разговор, которого, он понимал это, не избежать. Но не сейчас.

Ему хотелось думать, что все это ошибка, но он не мог не верить своим глазам. Это она. В цвете. Крупным планом. Он едва ли не физически ощущал аромат ее тела, исходящий от этих глянцевого снимков. Кадры говорили сами за себя – кадры, для него новые, и в то же время смутно знакомые. Нижнее белье. Он сам выбирал его, как и розовое бикини. У нее

то же лицо – более молодое, но то же самое, – а вот выражение он не вполне узнавал. И от этого было больно, так больно. Никогда он не видел ее такой отрешенной. Да, это она, Кэтрин, но это не его жена. Узнавал он и место. Испания. Когда это было? В 91-м? 92-м? Небольшой приморский городок в Испании. Летний отдых, на который они собирались все вместе. Тут его охватил гнев, и он только обрадовался этому, потому что гнев на мгновение подавил боль. Он вспомнил, что часть отдыха он пропустил, улетел домой раньше, оставив Кэтрин и Николаса вдвоем. Появилось какое-то дело, которое тогда, наверное, казалось важным, но теперь представлялось ничтожным в свете того факта, что из-за него он потерял жену и сына.

Пусть даже Кэтрин, как она выглядит на фотографиях, не похожа на его жену, но Николас-то – точно его сын, его ни с кем не спутаешь. Его улыбка. Его худощавое тельце. Младенческий жирок сошел – в общем, уже не ребенок, а маленький мальчик. Угловатый, с шишковатыми коленями, острыми локтями. Непоседа, все хочет знать. Роберт смотрел на этого паренька и еще больше закипал гневом. Стал ли Николас свидетелем всего этого? И много ли увидел? И много ли понял? У бедного малыша не было выбора. Он не мог улететь домой. И не мог попросить папу приехать за ним.

Роберт заставил себя вспомнить тот год, когда Кэтрин с Николасом вернулись с отдыха. Это было вскоре после того, как Кэтрин заявила, что хочет снова пойти на работу. Он хорошо помнил этот момент. Ее решение стало для него полной неожиданностью. Он рассчитывал, что еще какое-то время она побудет дома, а потом пойдет работать на полставки. Это не был вопрос денег: он зарабатывал больше, чем она, – вполне достаточно для обоих. Он расстроился, но ничего не сказал, скрыл свои чувства, потому что ее желания ставил выше своих.

Он сглотнул мокроту, скопившуюся в горле. Тогда она сказала ему, что не находит себе места, скучает по работе. Что быть только матерью ей недостаточно, она не заикнулась, но он и сам все понял: собственные потребности были для нее важнее нужд их ребенка. Как, впрочем, и для него. Для него желания Кэтрин тоже были важнее нужд Ника. Стало быть, дело было не в работе – все упиралось в эту историю, случившуюся во время отдыха.

Не домом она тяготилась, а браком. Он вновь перевел взгляд на фотографии, разложенные на столе. Там, на отдыхе, она нашла нечто головокружительное. Проклятие, каким же идиотом он оказался! Надо было надавить на нее в тот вечер, когда он застал ее сжигающей книгу. Она

была готова признаться и призналась бы, если бы он настоял. Но он не стал настаивать. Поддался ей, как обычно. Вот почему, стало быть, у нее пропал сон; и вот почему, мать ее, она так замкнулась в себе. Дело не в том, что Ник переехал от них, и не в том, что она почувствовала себя виноватой – плевать ей и на Ника, и на него, Роберта. Нет, все дело в том, что ее разоблачили. В том, что давний роман выплыл наружу. Роман, который она завела под носом у сына. О Господи!

Бедняга Николас, в Испании он оказался в ловушке, с матерью и – кем еще? Кто там с ними был? Мать с незнакомцем – и он, пятилетний свидетель Бог знает чего. Идеальный незнакомец? Он рылся в памяти, надеясь поймать обрывки какого-нибудь разговора с Кэтрин после ее возвращения домой – может, там появится след? Но вспоминались лишь совершенно невинные фразы вроде «Мы так скучали по тебе» или «После того как ты уехал, все стало не так». Это уж точно, сучка ты этакая.

А что насчет Николаса? Может, можно зацепиться за какие-нибудь из его слов? Или он как-то иначе стал себя вести? Ушел в себя? Но нет, Роберту не вспомнилось ничего такого особенного вроде «Мамин друг сделал то-то и то-то», или «Мы познакомились с одним хорошим дядей», или «Мама подружилась...». Роберт вообще не припоминал, чтобы сын хоть что-то говорил о том, как они с мамой проводили время после его отъезда. И о незнакомце не заикался. Да и был ли незнакомец? Может, как раз кто-то, кого он знал? Его беспокоило молчание Ника. Это ненормально, если ребенок вообще ничего не говорит. Ребенок ничего не говорит только в одном случае – если есть что скрывать, если чего-то просто нельзя сказать.

Ожил мобильный. Эсэмэска от Кэтрин: *а предупредить нельзя было?* На сей раз – никаких смайликов. Он не ответил. Он не хотел с ней не только говорить, но даже переписываться. Но с сыном он поговорить должен. Должен повидаться с ним. Сравнивая Ника, каким он выглядел на фотографиях, с нынешним молодым человеком, Роберт поразился их несходству. Бойкого, подвижного паренька никак нельзя было узнать в медлительном, неуклюжем молодом человеке двадцати пяти лет от роду. Ребенок исчез – рассеялся – в отрочестве и так и не вернулся. Роберт постоянно спрашивал себя: почему? Что с ним случилось? Отчего он утратил интерес к жизни? Мать на этот счет ничего не говорила. И вот, быть может, причина раскрылась. Быть может, маленький Ник увидел или услышал то, чего не должен был видеть и слышать. И Роберт, вполне вероятно, напал на след того – что бы это ни было, – что подкосило его сына.

– Ник? Привет, это папа.
– Привет. – Голос прозвучал ровно.
– Слушай, ты ужинал? – Роберт старался говорить с преувеличенной бодростью.

– Нет, а что?
– В таком случае, может, я заскочу за тобой, и поужинаем вместе? Я тут заработался и умираю с голода... – Николас заколебался, но Роберт настаивал: – По-быстрому. Перехватим что-нибудь рядом с твоим домом. Мне все равно по пути.

– Между прочим, мама никак не может до тебя дозвониться.
– Я уже поговорил с ней, так что не беспокойся, – на ходу придумал Роберт. – Через четверть часа буду.

На двери подъезда, где жил Ник, было четыре звонка: три с именами хозяев, четвертый, верхний, – безымянный. На него Роберт и надавил. Он не был здесь с тех самых пор, как они с Кэтрин помогали Нику переехать, то есть три месяца. Ему представилось, как сын спускается вниз на четыре пролета. Дверь, наконец, открылась. Вид у Ника был хмурый.

– Ну что, пошли? – Роберт расплылся в улыбке, словно компенсируя таким образом недостаток энтузиазма со стороны Николаса.

– Я еще не собрался.
– Ничего страшного. Поднимемся, я подожду. – Роберт последовал за сыном, соизмеряя свой широкий шаг с медлительной походкой Ника; в глаза ему бросились его голые ноги с грязными подошвами; валяющиеся на полу передней газеты; ковер, покрытый пятнами и прожженный в разных местах сигаретами. Роберт подождал в гостиной и заглянул в кухню: раковина, забитая немытыми тарелками, почерневшая от сажи сковородка на плите, мусорная корзина, которую давно следовало бы очистить от пустых пакетов молока и сока да объедков, выбивающихся из черных бумажных оберток. А чего еще ждать от квартиры, в которой теснятся студенты, успокаивал себя Роберт. Да вот только Ник – единственный из жильцов, который не являлся студентом. Его соседей нет дома, вся квартира пропахла гашишем. Роберт надеялся, что это они покуривали, не он. Только бы снова не пристрастился к травке. Но раздражать сына было бы слишком рискованно, и он промолчал.

– Готов? – Роберт открыл дверь в спальню, и желудок его снова взбунтовался. Брюки, тарелки, джинсы, чашки – все валялось в грязи. На пуховом одеяле виднелось желтоватое пятно – там, где отпечаталась вмятина от щеки Ника. Сам он сидел на кровати и натягивал носки. Роберт смотрел, как Ник засовывает ноги в лоферы – те, в которых он ходит на

работу, и в нем снова поднялась злость на Кэтрин. Это она во всем виновата. Это она оттолкнула от себя Ника. Это она убедила Роберта, что сыну будет полезно пожить отдельно от родителей. Даже абажура на лампе нет. У Роберта запершило в горле. В глаза ему бросилась игрушка, которая сохранилась у Ника с детства. Она висела на крюке, явно предназначенном для чего-то другого, – крылья самолетика из папиросной бумаги упирались в стену, здесь для них было слишком мало места.

– Ладно, приятель, пошли. – Он поощрительно улыбнулся сыну. Он был преисполнен решимости сохранять спокойствие весь вечер.

Отец и сын. Бутылка красного вина. Стейк с жареной картошкой. В принципе, горячее уже не подавали, но Роберт уговорил хозяина, чтобы кухня обслужила их внеурочно. Любящий отец, которому давно уже следовало пригласить сына поужинать. Да и вообще превратить это в привычку. Он спросил Ника про работу, но ответ слушал вполуха. Продавец-стажер в универмаге «Джон Льюис» – не та карьера, о которой они с Кэтрин мечтали для сына, тем не менее Николас нашел что сказать, чтобы убедить отца, что у него все в порядке. Перекусив, он оживился. Он явно проголодался. Рассказал Роберту про работу, про премиальные. Неужели это и вправду то, чего он хочет от жизни? Этого достаточно? Неужели ему нравится жить в таком убожестве?

– Ну и как тебе там? Я имею в виду квартиру, – спросил Роберт.

Николас пожал плечами, потом губы его изогнулись в легкой улыбке.

– Вообще-то я не часто там бываю в последнее время, – сказал он, втыкая вилку в картошку на тарелке Роберта.

– Ах вот как?

– Да я тут с одной девушкой познакомился. Ну и большую часть времени провожу у нее.

– Может, расскажешь про нее? – Хорошая новость.

– Ну, что там рассказывать. Боюсь, мама была бы от нее не в восторге...

– При чем здесь мама? – Удивленный тоном, Николас поднял голову и посмотрел на отца. – Так что она собой представляет? – продолжал настаивать Роберт.

– Славная. Мы собираемся летом съездить куда-нибудь вместе, если, конечно, денег наскребем.

– Да ну? И куда же?

– Так, чтобы вышло подешевле. Может, в Испанию. Или на Майорку. – Ник ухмыльнулся.

Итак, в Испанию. Отлично.

– Слушай, а ты помнишь, как мы ездили в Испанию на отдых, когда ты еще был маленьким?

Похоже, Нику не понравилось, что отец сменил тему.

– Нет. Не помню.

– Тебе было лет пять. Мне тогда пришлось через какое время уехать, по работе. И вы с мамой остались вдвоем. – Он внимательно смотрел на Ника, надеясь уловить хоть какой-то знак, но его не было. Из чего с очевидностью следовало, что, если что и было, из его памяти это стерлось.

– Да, кажется, что-то такое припоминается. Но смутно. Толком нет, не помню.

– Речь идет всего о нескольких днях. – Роберт попытался заставить сына хоть что-то вспомнить, но так, чтобы не испугнуть его. – Мне до сих пор не по себе из-за этого. Не следовало мне оставлять вас. Одних. Тебя и маму.

Николас посмотрел на отца и пожал плечами:

– Говорю же тебе, папа, не помню. И не переживай ты так.

Роберт снова взгляделся в лицо сына в поисках хоть тени тревоги, но не уловил ничего подобного. Что бы он ни пережил тогда, это похоронено глубоко, не доберешься.

– Знаешь, стоило бы тебе свозить свою девушку в какое-нибудь действительно хорошее место. Если надо, помогу. А то с такой зарплатой, как у тебя, особо не разгуляешься.

Николас потрясен. Это было явно против правил, против маминых правил, но, конечно, он с радостью примет все, что даст ему отец.

– Спасибо.

Добросив Николаса до дома, Роберт долго кружил по улицам, выжидая, пока Кэтрин ляжет и уснет. Он поставил машину рядом с домом и посмотрел на окно спальни. Свет погашен. Он вынул из портфеля книгу, и, направив на первую страницу светящийся экран мобильного телефона, прочел: «Вокзал Виктория в серый дождливый полдень четверга. Если хочешь исчезнуть, лучше дня не придумаешь...»

Он слишком устал, чтобы читать дальше, да к тому же сердце ему разорвали фотографии. Завтра прочтает. Он вошел с телефона в Интернет, набрал в поисковой строке название «Идеальный незнакомец». Как и Кэтрин, он не нашел ничего, что пролило бы свет на личность автора – мужчина это или женщина, возраст. Наверное, мужчина, подумал он, моих лет. Прочел отклик. Чей, интересно? Выбрался из машины, захлопнул

дверь, зашел в дом. На мгновение остановился, прислушался, затем, стараясь не производить ни малейшего шума, направился в комнату для гостей.

Глава 23

2013, начало лета

Вторую ночь подряд Кэтрин ложилась одна. Вчера она долго бодрствовала, ожидая возвращения Роберта, но в конце концов не выдержала и уснула. А проснувшись наутро, не обнаружила ни единого признака его возвращения. И лишь услышав, как он хлопнул входной дверью, сбегала вниз и убедилась, что дома он все же был, но ушел, не желая будить ее.

Верно, он совсем завален делами, раз приходит домой так поздно и уходит так рано. Она хотела поговорить с ним, спросить, почему он не позвонил, не сказал, в чем дело, отчего не вернулся к ужину. Он ведь обычно такой заботливый. Да, заботливый. Настолько заботливый, что лег в комнате для гостей, лишь бы не потревожить ее. Наверняка рад, что бессонница у нее прошла, и не захотел будить. И утром, когда уходил, должно быть, тоже. Так что ей следовало бы быть благодарной, но благодарности она не испытывала. Ей было не по себе. И на протяжении дня беспокойство только усиливалось, когда на звонки он не отвечал вообще, а на эсэмэски – не сразу и сухо.

И вот сейчас, вновь оставшись одна в постели, она вслушивалась, не раздадутся ли шаги в доме. Скоро полночь. Она слышала стук колес проходящего поезда, шелест шин на влажной дороге, скрип тормозов подъезжающего такси. Хлопанье двери. Кэтрин села в постели. Наверное, он. Она ждала, что в замке повернется ключ, но услышала лишь, как вдали пробил полночь церковный колокол. Она встала и вышла на лестничную площадку. И только тут услышала, как звякнула связка ключей на столике в холле – так тихо, что, если бы она не напрягала слух, ни за что бы не услышала. И если бы лежала в постели, как, должно быть, думал Роберт, не узнала бы, что он вернулся и находится внизу. А теперь она слышала лишь, что он старается скрыть свой приход. Она ждала, что он поднимется, и, так и не дождавшись, направилась вниз, на ходу затягивая пояс халата и усмиряя внезапно возникшую боль в желудке.

Роберт не произнес ни слова, лишь, не сводя взгляда, смотрел, как Кэтрин приблизилась, подвинула стул и села рядом с ним за кухонный стол. Он отпивал виски и все смотрел, смотрел на нее.

– Роберт, – мягко произнесла она. Кроме его имени, больше она ничего сказать не смогла.

Он отставил бокал, полез в карман пиджака и извлек из него конверт. Нащупав фотографии, стал раскладывать их на столе, точно собираясь показать карточный фокус. Она смотрела на них, поначалу в недоумении, как и он, когда увидел их впервые. Потом до нее дошло. Она видела снимки. Слышала звук. Тук, тук, тук.

– О Господи. – Невольную путешественницу во времени, ее отбросило назад. Она не прикасалась к фотографиям, только смотрела.

Он стиснул ее запястье, заставил взять их в руки.

– Смотри. Как следует посмотри. На себя.

Она повиновалась. К глазам ее подступили слезы, в горле пересохло, она задыхалась. Прижала к глазам рукав. Плакать она не могла – если заплачет, уж не остановится, будет рыдать и рыдать и в конце концов потонет в слезах. Они все потонут. Это и есть худший миг? Нет, и она знала это.

– Смотри, я сказал. – Он никогда не говорил с ней таким тоном, никогда от его голоса не пронизывало холодом все ее тело. Голоса он не повышал, но в нем не было и тени любви, лишь ярость. – Смотри, смотри, все смотри.

И ей пришлось подчиниться, она начала рассматривать снимки, один за другим.

Когда черед дошел до фотографии, на которой она изображена мастурбирующей, он остановил ее. Таких снимков было несколько, и он не хотел, чтобы она лишь бегло взглянула на них и принялась за другие. Нет, пусть рассмотрит получше. Затем он выхватил у нее снимки и выложил все три в ряд. Триптих: жена-бесстыдница. Его жена, в глянце, в цвете, лежала на кухонном столе, с влажными пальцами, запущенными внутрь себя. Легкие, проворные пальцы. И тут Роберт не выдержал и заплакал, от чего сердце Кэтрин разрывалось.

– Право, Роберт, мне так жаль... давно надо было все рассказать тебе... – Она подалась к нему, хотела обнять, прижать к себе, но он отстранился, оттолкнул от себя ее стул. Он не хотел, чтобы она к нему прикасалась. Он схватил со стола фотографию, на которой она и Николас сидели на пляже.

– Что там, мать твою, было? – В его голосе опять больше гнева, чем боли.

– Давно надо было тебе все сказать... но... Нет, Николас ничего не знал. Правда... Ничего не знал... все это было так давно... я...

– А то я не знаю, когда это было, – прервал ее он. – Да и какое это имеет значение? Давно, недавно. Ты сделала это. – Он сгреб фотографии в

кучу и швырнул ей лицо.

От неожиданности и страха она задохнулась. Большая часть снимков упала на пол, два-три опустились ей на колени. Она смахнула их.

– Да, Николас, – продолжил он. – Что он видел? Я – это одно дело, поступай со мной как знаешь, но он-то здесь при чем? Как ты могла? Никогда бы не подумал, что ты способна...

Он запнулся, а она молчала и ждала, когда ему удастся договорить, облечь мысль в слова. А ждать было опасно. Лучше бы прервать его, пока не сказано слишком много, но она тоже не находила слов. Она погружалась в прошлое, вспоминала.

– Кто это был? Мне надо знать, кто это, мать твою, был. И что это было – долгий роман? Или тебя просто, как какую-то шлюшку, приехавшую на курорт поразвлечься, трахнул местный официант? А что, легкая добыча. Этакая английская потаскушка – немного солнца, бокал другой вина, и под любого ляжет. Правда, как правило, такие не берут с собой своих ублюдков. Тебе что, скучно стало? Захотелось чьего-то внимания?

– Нет, нет, все было совсем не так... – Ей казалось, что с ней разговаривает не Роберт, а совершенно незнакомый человек.

– Да? А как же в таком случае? Он фотографировал нашего сына. Ну, валяй, говори, как это было.

– Не кричи на меня!

Потому что он действительно кричал, и от этого у нее путались мысли. Холодности в нем больше не было, он оттаял, ярость согрела его.

– Пожалуйста. Прекрати. Я все тебе объясню. Просто выслушай меня... попробуй послушать... – Она схватила его бокал с виски и осушила его. Она готовилась все произнести вслух, признаться в том, о чем – и почему – раньше ничего ему не говорила. – Помнишь, я не хотела, чтобы ты уехал, оставил нас там вдвоем? Я просила тебя остаться, не думать о работе... – Она остановилась, подбирая слова, но он не дал, прервал ее и, не в силах сдержать ярость, заговорил вновь:

– Неслыханно! Получается, это я во всем виноват? Получается, мой ранний отъезд оправдывает то, что ты трахалась с каким-то незнакомым типом прямо под носом у нашего сына? Напоказ ему? Выходит, ты и впрямь считаешь, что тебе все позволено? Что ты всегда права? Что правда всегда на твоей стороне? Кэтрин – святая шлюха.

Она была потрясена. В тот момент он ее ненавидел, она это осознавала ясно. Как же быстро он перешел от любви к ненависти! Да, он оскорблен, сказала она себе, но, кажется, дело не только в этом. Из горла у нее

вырывались какие-то хриплые протестующие звуки. Она видела, как у него открылся рот, слова полились потоком:

– Ты что же, четыре дня не могла без меня вытерпеть? Четырех дней без секса вытерпеть не могла? А ведь, насколько я помню, мы с тобой и так тогда сексом почти не занимались. Потому я и купил тебе это чертовое нижнее белье. – Он ткнул пальцем в одну из фотографий. – Ладно, и сколько все же времени это продолжалось? Потом вы встречались время от времени? Уже в Англии, за бокалом красного? А может, во время командировок? С собой его брала?

Чего она ожидала? Только не этого. Она смотрела на разбросанные по полу фотографии, потом наклонилась, чтобы собрать их.

– Как они к тебе попали?

Роберт не ответил, схватил портфель и швырнул на стол книгу. «Идеальный незнакомец».

– Стало быть, это про тебя.

Она почувствовала, как ее халат пропитывается потом.

– Да, только все было не так... не так, как тут описано... – Ощущение было такое, будто он стиснул ей горло и слова бессильны вырваться наружу.

– Да ну? А чего же в таком случае ты так разволновалась? Зачем в огонь бросила? Ты только что сказала, что Николас ничего не знал, но ведь ему тоже послали книгу, разве не так? Стало быть, и он каким-то образом связан с этой историей...

– Да, но... – начала она и тут же остановилась. – Ты прочитал?

– Нет. Не смог заставить себя. С меня и этого хватило. – Он снова пнул ногой фотографии. – Так это *он* написал.

– Нет, – едва слышно прошептала она.

– Что? Не слышу. – В его голосе презрение. Угроза.

Она покачала головой.

– Кто в таком случае? Его жена? Она что, все узнала?

– Его отец. Мне кажется, это его отец.

– Отец? О Господи. Так это был молодой человек? Нельзя ли точнее – насколько молодой? Только не говори мне, что он несовершеннолетний.

И тут уже Кэтрин повысила голос, но это не крик, а вопль. Пронзительный и отчаянный:

– Он мертв! Он умер...

Она видела, как перекосилось от ужаса лицо Роберта. Это была волна ужаса, которой понадобилось двадцать лет, чтобы докатиться от нее к нему и смести все с таким тщанием выстроенные ею сооружения, обороняющие

ИХ СОВМЕСТНУЮ ЖИЗНЬ.

Глава 24

1993, лето

Была не полночь и не три утра. Была вторая половина солнечного, лучезарного дня. Мы с Нэнси сидели у себя в саду, читали газеты и пили чай. Мы передвинули стулья на угол террасы, ловя последние лучи солнца перед тем, как наш сад, выходящий на север, окажется в полной тени. Поначалу я ничего не услышал, лишь, выйдя на кухню долить чая, увидел через стеклянную входную дверь две фигуры. А потом и услышал. Лишь по прошествии времени я сообразил, что, скорее всего, они какое-то время стучали, ибо, оказавшись на кухне, услышал уже не просто стук – в дверь колотили кулаками. Не угрожающе, но настойчиво. В руках у меня был чайник, я уже наклонил его над чашкой, но теперь отставил в сторону и посмотрел через открытую кухонную дверь на Нэнси: защищаясь от солнца, она надвинула на глаза шляпу и погрузилась в чтение. Что именно она читала? Сейчас уж не помню точно. Кажется, это был раздел рецензий, так что, скорее всего, речь шла о спектакле, или фильме, или концерте, сообщение о котором она собиралась обвести кружком и предложить мне купить билеты. Но этого не произошло. И вообще с тех пор мы ни разу не сходили в театр и не слушали музыки.

Я оставил ее наедине с газетой и пошел к выходу. Знаете, всегда чувствуешь, когда что-то неладно. И мне хотелось, чтобы Нэнси как можно дольше оставалась в этом старом мире, где читают воскресные газеты и сочувствуют бедам других людей, не переживая собственных.

– Мистер Бригсток? – осведомился мужчина. Я кивнул, не отступая в сторону, не желая впускать их в дом.

– Позвольте войти, сэр? – на сей раз заговорила женщина, твердо глядя мне в глаза.

Я заколебался, затем сделал шаг назад, открыл дверь пошире и предложил им войти.

– Ваша жена дома, сэр? – осведомилась она. Я кивнул.

– А что, собственно, случилось? Кто вы такие?

– Боюсь, у нас дурные вести. Позовите, пожалуйста, жену.

Я повиновался. Они последовали за мной в гостиную и сказали, что подождут здесь. Я вернулся на кухню, вышел через боковую дверь на террасу и остановился в тени как раз в тот момент, когда шляпки Нэнси коснулся последний блик заходящего солнца.

Жена подняла голову.

– Что там? – Она прищурилась и, моргая, посмотрела на меня. – Стивен?

– Полиция. Нас ждут в гостиной.

Она не сводила с меня взгляда, рот у нее слегка приоткрылся, и вид был такой, словно она осознавала, как и я, что нам предстояло постареть раньше времени. Согнуться под бременем невыносимой тяжести. С трудом, словно жизненные силы уже покидали ее, она выбралась из глубин шезлонга. Я протянул ей руку, мы прошли в гостиную и сели на стулья. Полицейские устроились на диване.

– У вас есть сын Джонатан? Девятнадцати лет? Сейчас он в Испании.

Мы оба кивнули в ответ. Стало быть, он жив, мелькнуло у меня в голове... Ведь они употребили настоящее время. Нэнси, видно, подумала о том же: «Вчера мы получили от него открытку. Из Севильи». Она улыбнулась так, словно это доказывало, что с Джонатаном все порядке, что это хороший, любящих своих родителей мальчик, что он никоим образом не хочет их волновать.

– Очень жаль, но мы вынуждены сообщить, что Джонатан вчера погиб. Несчастный случай. Право, мы от души вам сочувствуем.

Я машинально кивнул. Нэнси даже не пошевелилась. Мы оба сидели на стульях, затем я поднялся и подошел к ней. Взял за руку. Рука была вялая, неподвижная.

– Что за несчастный случай? – Я думал, речь шла об автокатастрофе. Что-то случилось на дороге, как это часто бывает. Его сбила машина. Он вылетел из седла мотоцикла. Попал под грузовик. Что-то мгновенное и бесповоротное, не оставляющее надежды на спасение.

– Он утонул, – сказал полицейский, а его напарница встала и предложила согреть чай. Я указал ей на кухню. – Это был несчастный случай. У испанской полиции нет на этот счет никаких сомнений. Гибралтар, понимаете ли, морские течения там... такие коварные. Совершенно непредсказуемые.

Что нам оставалось сказать? Что делать? Мы ждали подсказки со стороны. И полицейский понимал это.

– Вам придется поехать в Испанию, опознать тело, – сказал он. – Это формальность, но иначе тамошние власти не выдадут его. Впрочем, может быть, кто-то сумеет сделать это от вашего имени...

– Так вы не уверены, что это Джонатан? Может, это ошибка? – Нэнси цеплялась за надежду, как за соломинку.

– Мне очень жаль, миссис Бригсток, но никакой ошибки нет.

Испанская полиция нашла вещи вашего сына... его сумка была на пляже... Но все равно нужна формальная процедура опознания.

– А что, если сумку украли? – умоляюще спросила Нэнси.

– Обнаружен его паспорт. Нет, это точно Джонатан.

Вернулась его напарница с чаем. Слишком много молока, слишком много сахара.

– До формального опознания тело не выдадут, – подтвердила она, ставя поднос на стол. – Потом можно будет отвезти его домой. Если есть кто-нибудь, кто мог бы сделать это за вас...

– Нет, никого нет, – ответил я.

– Может, кто-нибудь из членов семьи?

Я покачал головой.

– В таком случае консульство окажет вам всевозможную поддержку, – продолжала она. – Сделает все, что нужно.

Тело. Нашего сына. Я почувствовал, как рука Нэнси выскальзывает из моей ладони и тянется к чашке.

– Вот номер телефона консульства. И мой на всякий случай, – сказала женщина-следователь, царапая что-то на листке блокнота. – Вдруг у вас возникнут какие-нибудь вопросы.

Листок она протянула мне, но Нэнси перехватила его. Она села, уставившись на цифры, и даже не посмотрела вслед полицейским, когда они направились к выходу и за ними захлопнулась дверь.

Вопросы, конечно, были, только у меня голова настолько пошла кругом, что я не задал их вовремя. Как все это в точности случилось? Что за несчастный случай? Были ли свидетели? В конце концов все эти и иные подробности выяснила Нэнси, позвонившая в консульство, и она же пересказала их мне. Вот тогда-то я и услышал впервые имя Равенскрфот. Нэнси хотела связаться с ней, но я ее отговорил. Я сказал, что это она должна найти нас, и тогда Нэнси со мной согласилась. Тот факт, что Кэтрин Равенскрфот даже не попыталась сделать этого, лишний раз убедил меня, что поступили мы правильно. Но позже, когда Нэнси проявила пленку из фотоаппарата Джонатана, она передумала. Но мне не сказала. Сохранила в тайне.

Когда полицейские ушли, я обернулся и, увидев, что Нэнси вся дрожит, сдернул со спинки дивана одеяло и укутал ее. Она по-прежнему не смотрела на меня.

– Нэнси, Нэнси, – прошептал я, опустился на колени и притянул ее к себе – именно притянул, поскольку она застыла на месте. Это был шок, она просто не могла пошевелиться. Разумеется, я тоже был в шоке, но в каком-

то смысле мне повезло больше, чем ей. Я должен был сосредоточиться, должен был помочь ей, так что о своих чувствах думать не приходилось. Я погладил ее по голове, как ребенка. Я снова произнес ее имя, и еще, и еще раз, негромко, словно стараясь разбудить. И в конце концов она проснулась и посмотрела на меня, сбросила с плеч одеяло и, резко отстранившись от меня, встала.

– Закажи билеты на самолет, Стивен. – С этими словами Нэнси ушла наверх, и я услышал, как она вытаскивает чемодан из-под кровати.

Глава 25

2013, лето

Шея у Роберта онемела, глаза были сухими. Любовник Кэтрин мертв. О Боже! Поэтому она и решила, что можно ничего не рассказывать. Решила, что все осталось позади. Любовник никогда не появится на пороге их дома. Неудивительно, что она выглядела такой подавленной. Оплакивала его гибель. Может, влюбилась? Да нет, не может быть, слишком малый срок. Иное дело, чувствовала, что лишилась чего-то. Это возможно. Роберт провел ночь в машине, прикладываясь время от времени к бутылке виски, которую прихватил с собой, выбегая из дома. Она умоляла его остаться, выслушать ее. Даже бросилась следом.

Отъехал он недалеко, на соседнюю улицу, где припарковался, не зная, куда двигаться дальше, и откинулся на спинку сиденья, в тайной надежде, что Кэтрин появится на перекрестке, побежит за ним. Он то и дело поглядывал в зеркало заднего вида, но она так и не появилась, и он опустил спинку, лег и сделал глоток виски.

Его могло стошнить, но не стошнило. На самом деле это жена вызывала у него тошноту, ее лживое поведение. Он ничего больше не хотел слышать, на звонки ее не отвечал и в конце концов отключил телефон. Гнев в груди рос комом, и он лелеял его, удерживая себя таким образом от отчаяния. Ему противно было думать, что все это время она манипулировала им. Давно следовало бы понять. Это ведь ее профессия, ее инструментарий, то, чем он всегда восхищался, – способность заставить людей делать то, чего им не хочется. Только он никогда не думал, что она и на нем опробует свои таланты.

Читать он начал вчера вечером, то и дело прикладываясь к виски. Далеко не продвинулся – был слишком подавлен, никак не мог сосредоточиться, – но дочитает сегодня, уже утром. Ночь он провел на заднем сиденье, прижав колени к груди и свернувшись, как ребенок. Сейчас он распрямился, но оставался там же, сзади, словно ждал водителя. Глова болела, во рту такой запах, словно он, не успев спустить воду, проглотил содержимое унитаза. Он потянулся к переднему сиденью и положил в рот сразу три пластинки жевательной резинки. Надо поесть, надо выпить кофе и найти место, где можно почитать. Но за руль он сесть не мог, это слишком рискованно. Наверняка алкоголь еще в крови. Поэтому Роберт запер машину, одернул одежду и направился к автобусной остановке.

Половина шестого утра. До первой деловой встречи у него полно времени, несколько часов. День обещал быть прекрасным, солнечным, безветренным. На остановке, кроме него, никого не было, но когда подошел автобус, там оказались два пассажира. Они не из тех, с кем Роберт обычно ездил на работу. Возможно, молодая африканка возвращалась домой после ночной смены. Из-под куртки с капюшоном у нее виднелась форменная одежда. Выглядела она усталой, под глазами залегли темные круги. Возможно, работала в больнице, скорее всего медсестра или уборщица. Хорошая женщина, подумал Роберт. Женщина, содержащая себя и свою семью; женщина, лишенная тщеславия, у которой нет времени на любовные похождения и обман. Не отдают ли его мысли расизмом, спросил себя Роберт и решил, что, пожалуй, так оно и есть: внешняя простота как доказательство достойного существования. Другой пассажир – судя по внешности, уроженец одной из восточноевропейских стран. Даже летом на нем была вязаная шапка, а в руках рюкзачок с едой, запах которой Роберт уловил, сидя за два места от него. Наверное, строитель, предположил он, едет наводить лоск на какой-нибудь из лондонских домов, где живут состоятельные люди. Вроде его дома. Где этому человеку, которому давно бы пора выйти на пенсию, даже не предложат чашки кофе и не позволят воспользоваться ванной. Ему Роберт приписал спокойное достоинство, с которым он наблюдал за жизнью своих нанимателей, никак не выказывая своего к ним отношения. Направляясь к выходу, Роберт улыбнулся – сначала женщине, потом мужчине. Никто из них его не заметил. Ханжа, любитель поболтать – такую оценку Роберт вынес самому себе.

Рассвет, время ранних пташек. Он нашел небольшое кафе, из таких, куда обычно не заходит, но было только шесть, и в районе Беркли-сквер только оно и открыто. Роберт заказал сэндвич с помидорами. Хлеб черный, пожалуйста, не белый. Нет, нет, просто сэндвич, подогревать не надо. И чашку чая, который при ближайшем рассмотрении оказался цвета кофе. Он устроился в дальнем углу зала и открыл книгу.

Уступая соблазну, начал с последней строки. Он согласен с ней. Действительно, это вызывало *сожаление* — умолчание со стороны его жены, ее *нежелание* открыть ему хоть что-нибудь. Только теперь, когда ее загнали в угол, она хотела поговорить. Он восхищался ее сдержанностью, но принять ее не мог. Нет, это не просто гребаное *сожаление*. А какое? *Убийственное*? Пустая угроза. У него не было ни малейшего желания защищать ее.

Минувшей ночью она пыталась убедить его, что в книге все описано

не так, как было на самом деле. Все случилось иначе. Но он был не в состоянии ее выслушать, сам звук ее голоса казался ему невыносим. Выдумка, сказала она. Все, что касается ее, – выдумка. Естественно, а что еще она могла сказать? Роберту же представлялось, что она давно упустила возможность изложить свою версию случившегося. И теперь ему оставалось лишь верить печатному слову. Она упустила свой шанс много лет назад, и отныне он просто не мог верить ни одному ее слову, потому что знал: это увертки. Она изо всех сил будет стараться найти оправдание тому, что оправдано быть не может. Не может из-за Николаса. Который был там, рядом.

Всего неделю назад это представлялось бы роскошью – найти несколько свободных часов и посидеть за чтением в кафе, но сейчас у него пересохло во рту и дрожали пальцы. Он листал страницы, возвращаясь к началу.

Вокзал Виктория в серый дождливый полдень четверга. Если хочешь исчезнуть, лучше дня не придумать. Двое молодых людей стоят в очереди в билетную кассу, крепко взявшись за руки, потом расцепляют пальцы, но ненадолго. Им трудно быть не вместе больше пары минут...

К таким книгам Роберта обычно не тянуло, хотя чтение, ничего не скажешь, увлекательное, и он понимал, почему книга задела и до конца не отпускала Николаса. Все просто и понятно, легкий стиль, взглядом скользишь по строчкам, повествующим о молодом, моложе Николаса, человеке, путешествующем по Европе со своей подружкой. Роберт читал про то, как они предвкушают каждый новый день, как влечет их дух приключений. Не желая зря потратить свои юные годы, они оставили работу, чтобы отправиться в путешествие. Лет им еще немного, ездят по льготным билетам. Запахи поезда, летящего в ночи; утреннее пробуждение в новой стране; воздух Средиземноморья, врывающийся через открытое окно, за которым разворачиваются пейзажи свободы. Они влюблены. Они созданы друг для друга.

Что угадывалось за пустым в общем-то текстом и что, как казалось Роберту, заставило Кэтрин отбросить книгу по прочтении уже самых первых глав, так это медленное сгущение трагической тени. Этот рай для двоих недолговечен. Все эти замечательные вещи – ароматы, вкусовые ощущения, тепло, – все это таит в себе угрозу быстрого конца. К тому моменту, когда Роберт перешел с чая на кофе, а парочка прибыла в Ниццу, из дома приходят дурные вести, и девушке – ее зовут Сара – надо

возвращаться в Англию. Ее спутник – Джон – рвется ехать вместе с ней, но она и слышать об этом не хочет. Она знает, как много значит для него это путешествие, как долго он думал о нем, составлял планы, копил деньги. Сара – из тех девушек, с которыми любые родители мечтают видеть своего сына. Сцена печального, со слезами, прощания на вокзале в Ницце. Джон покупает почтовую открытку и садится за столик в кафе, написать родителям. Потом покупает пачку сигарет «Голуаз», закуривает. Сара не любит табачного дыма. Даже его родители не знают, что их сын курит. Он покупает марку, бросает открытку в почтовый ящик и продолжает путешествие в одиночку. Вот это и есть настоящее начало книги, подумал Роберт и заказал еще чашку черного кофе.

Глава 26

1993, лето

В аэропорту мы определенно являли собой довольно странное зрелище. Может, конечно, это всего лишь мнительность и никто не обращал на нас внимания, но все же мне казалось, что наблюдательные пассажиры непременно обратили внимание на супружескую пару средних лет: оба с покрасневшими глазами, оба выглядят так, словно отчаянно нуждаются в отдыхе, но боятся подняться на борт самолета. Могло прийти в голову, что это страх полета. Но на самом деле для нас с Нэнси это был страх приземления – страх встречи с действительностью. До сих пор нам оставалось рисовать картину в своем воображении. А теперь предстояло увидеть тело нашего сына, который забежал вперед и испытал то, что мы с Нэнси должны были испытать до него.

Отправляясь в аэропорт, я взял из туалетного столика три открытки, которые Джонатан прислал нам: из Парижа, Ниццы и Севильи. Глянцевые, с блестящей поверхностью. Стремительный почерк, слова, которые мало что значили при первом прочтении, но впоследствии будут перечитываться вновь и вновь. Последнюю весточку мы получили из Севильи: на открытке был изображен купающийся в солнечном свете собор и на переднем плане туристы в конном экипаже. Откуда было этим туристам знать, что их лица навсегда запечатлеются в нашем сознании? Что, когда открытка скользнет к нам на порог, мы увидим их, а потом прочитаем слова, которые станут последними словами, сказанными нам сыном:

Дорогие мама и папа, я здесь уже два дня. Завтра уезжаю на побережье. Собираюсь сесть на паром до Танжера. С любовью, Дж.

Ни я, ни Нэнси не говорили по-испански, так что все бюрократические процедуры пришлось проходить с помощью нашего консульства в Хересе. А их было немало. Бумага за бумагой, и все следовало подписать, заверить печатью, прогнать через различные кабинеты и лишь потом можно будет отвезти нашего мальчика домой.

Сколько уже лет мы не видели Джонатана обнаженным, и вот он лежал перед нами, почти полностью голый, только гениталии прикрыты клочком ткани. Он выглядел безупречно. Смерть пощадила его черты, глаза закрыты – это несомненно наш сын. В консульстве нам сказали, что перед транспортировкой тело будет забальзамировано – этого требовали

испанские законы. Я представлял себе технологию этого процесса, Нэнси тоже, но ни ей, ни мне не хотелось особо задумываться над этим.

Джонатан утонул, но лицо у него – чего я боялся – не распухло. Через всю левую руку, с внутренней стороны, шел длинный шрам. Я потрогал его пальцами. Нам объяснили, что это травма, полученная Джонатаном, когда произошел несчастный случай.

Я всхлипнул, совсем негромко, и все же не сдержал слез. Нэнси вздрогнула. Дрожь пробежала не только по ее плечам – охватила все тело. Она содрогалась от рыданий. Это длилось долго, очень долго. Что-то внутри нее переворачивалось, волна за волной. Ощущение было такое, словно ее подключили к электричеству, а штепсель не вынимался. Я обнял ее, пытаюсь унять дрожь, но безуспешно. Но самым страшным было ее молчание. Полное молчание. Я попробовал было поднять ее и вывести на воздух, но она даже не пошевелилась. Лишь подалась вперед и взяла Джонатана за руку. Рука не гнулась. Не обвиться ей уже вокруг плеч матери. Мы заметили, что ладонь у Джонатана покраснела, кожа ободралась и вздулась как от ожога – в том месте, где он за что-то пытался уцепиться. Он цеплялся за жизнь, наш дорогой мальчик. Нэнси опустилась на колени и поцеловала его израненную руку, а я положил ладони ему на плечи. Стоявший рядом сотрудник консульства переступил с ноги на ногу. Да, это явно был наш сын, никаких сомнений, тем не менее мы должны были подписать бумагу, подтверждающую это. Похоже, он считал, что нам пора идти. А я, наверное, выглядел со стороны совершенно беспомощным, вот он и решил вмешаться:

– Миссис Бригсток, нам пора.

К моему облегчению, Нэнси не откликнулась – это оставляло мне некоторую свободу действий. Я отнял ее руку от Джонатана и вложил себе в ладонь.

– Нэнси, пошли, дорогая.

На сей раз она позволила мне вывести ее из морга. Консульство заказало нам машину, чтобы поехать в приморский городок, где погиб Джонатан. Я даже не подумал, надо ли было платить за поездку. Как выяснилось, надо, страховка Джонатана не покрывала ее стоимость.

Весь путь от Хереса до Тарифы мы проделали в молчании, истекая потом на заднем сиденье машины, а когда доехали до места, Нэнси первым делом захотела пойти на пляж. Я попросил водителя подождать. Было очень жарко. Полдень. Палящее белое солнце. Укрыться от жары негде. На таком большом пляже нам еще бывать не приходилось – мили и мили белого песка во все стороны. Настоящая пустыня, разве что народа

слишком много. Сотни людей загорают – сотни блестящих от крема спин. Лишь мы оставались полностью одетыми, и наши туфли утопали в песке, и я подумал, что, пожалуй, стоит снять их и идти босиком, но Нэнси не останавливалась, и я последовал за ней. Она направлялась прямо к морю, придерживая рукой шляпу. Задувал ветер, забивал песком глаза, приходилось щуриться. Это было враждебное место. Нам понадобилось четверть часа, чтобы добраться до кромки воды, где мы остановились и принялись вглядываться в даль. С равным успехом можно было вглядываться в космос – конца не видно. Ветер играл с волнами, нагоняя белую пену, но в воде плескались ребятишки и носились, ловя порывы, любители виндсерфинга. Для них это было место дружественное. Голова у меня пылала, мне представлялось, как моя кожа покрывается волдырями и сходит, день за день, струпьями. Я не мог выдержать этого и положил ладонь на плечо Нэнси, но она стряхнула ее. Она еще не была готова уйти отсюда. Мне стало стыдно за проявленную слабость. Я огляделся, гадая, где именно мог загорать Джонатан. Катался ли он на доске? Вновь обернувшись к Нэнси, я увидел, что она снимает туфли. Одной рукой она поддержала юбку, другую протянула мне. Я снял носки и ботинки, закатал штанины и вместе с ней вошел в воду. Какое-то время мы просто стояли, и, заметив, что Нэнси закрыла глаза, я последовал ее примеру. «До встречи, Джонатан», – про себя выговорил я, и Нэнси, наверное, тоже. Потом мы вернулись в машину и поехали в гостиницу, где останавливался наш сын.

Куда ехать, наш водитель знал точно: это был дешевый пансионат для любителей пеших походов, расположенный в одном из переулков примерно в двадцати минутах езды от пляжа. Я думал, обслуживающий персонал проявит к нам участие, но многого мы не дождались. Нам сказали только, что, пока Джонатан здесь оставался, его почти не видели. Знакомы не были. Для них это был просто иностранец, которому выпало на долю погибнуть, будучи постояльцем пансионата. Мне показалось, что эти люди увиливали, недоговаривали чего-то, словно опасаясь, что мы обвиним их в гибели нашего сына. В этом нет ничьей вины, повторяли они. Это просто несчастный случай. Море коварное, ветер может подняться в любую минуту, вот так, как в тот день. А красный флаг на пляже вывесили? Никто не мог вспомнить.

Рюкзак Джонатана лежал на стуле в номере, где он остановился. Комната была неуютная – односпальная кровать с простыней и одеялом, выщербленный комод, в ящиках которого все еще оставалась одежда сына. Полиция вернула нам сумку, которую он взял с собой на пляж. В ней они нашли ключ от номера и по нему определили название гостиницы. Там

обнаружили его паспорт и таким образом добрались до нас.

Нэнси все взяла на себя. Она извлекла из ящиков одежду Джонатана, все аккуратно свернула, потом положила на постель. Помочь себе она не позволила. Это были ее владения. Пока она разбиралась с вещами Джонатана, я сидел на стуле у окна и вглядывался в то, во что, наверное, вглядывался и он. Моря отсюда не было видно – номер находился в самой глубине дешевой гостиницы. Вот тогда-то, пока я глазел на двух путешественников, по внешности скандинавов, сидевших на белых пластмассовых стульях за белым пластмассовым столом, установленном во дворе, вымощенном дурацким на вид желто-розовым булыжником, Нэнси, видно, и обнаружила фотоаппарат Джонатана. Засунула ли она его в рюкзак? Не знаю. Или спрятала к себе в сумку? И этого мне не дано было знать, и оставалось лишь гадать, когда она решила проявить пленку. Прямо тогда или же потом, когда мы вернулись домой? Я сам так и не увидел того фотоаппарата – всегда думал, что он либо потерялся, либо был украден кем-то из гостиничной obsługi, когда стало ясно, что Джонатан за ним не вернется. Это был дорогой фотоаппарат – самый дорогой из наших ему подарков. «Никон», лучшая модель, с суперзумом. Мы подарили его ему на восемнадцатилетие. И если Джонатан потерял его, то, конечно, хотел скрыть это от нас.

Когда я отвернулся от окна, Нэнси вертела в руках нож, швейцарский армейский нож – еще один наш подарок сыну на день рождения. Сколько ему тогда исполнилось – тринадцать? Четырнадцать? В любом случае он уже был в том возрасте, когда, по нашему мнению, на него можно было положиться. Еще Нэнси нашла лосьон после бритья, нажала на крышку, принялась: последнее дуновение, доносящее запах нашего сына. Зачем со всем этим сейчас возиться? Пожалуйста, заканчивай поскорее. Мне захотелось выйти. Нэнси подобрала пачку сигарет. А мы и не знали, что Джонатан курил. Его подружке Саше это бы не понравилось. Она не из таких. Может, пристрастился уже после ее отъезда? Интересно, кстати, как сложилась ее жизнь? Сейчас она уже в годах, замужем, должно быть. Славная девушка, ничего не скажешь, и все-таки мне не хотелось, чтобы они с Джонатаном соединились. А впрочем, нет, не так. Если бы она тогда не уехала домой, продолжила путешествовать по Европе с Джонатаном, он, может, остался бы жив. А я бы отдал все на свете, лишь бы он был жив, даже если ценой его жизни стал бы брак с серьезной, лишенной чувства юмора женщиной.

Глава 27

2013, лето

Вот Роберт и нашел Кэтрин, только это была не Кэтрин, а Шарлотта. Он посмотрел на часы. Через тридцать минут надо уходить, иначе он опоздает на свою первую в сегодняшнем расписании деловую встречу, но оторваться от чтения он не мог и позвонил секретарше с просьбой перенести ее на час.

Одна ночь в Тарифе, на большее Джонатан не рассчитывал. Одна ночь в самой дешевой гостинице, а затем, ранним утром, паромом в Танжер. Он бежит не за любовью, а за Оруэллом, Боулзом, Керуаком. Но услышал, как она поет, и потерял голову. Он – легкая добыча для женщины с ее опытом. Немного скучающей женщины. Женщины, ищущей легкого развлечения, чтобы заполнить те несколько дней, что остались до возвращения домой, к мужу. Женщины с ребенком, который несколько ее стесняет. Но, с другой стороны, ребенок – удобное прикрытие, он позволяет носить маску матери, женщины, которая уже не думает в первую очередь о себе. Маску добропорядочной женщины. Хорошее прикрытие. Вот она – я, восклицает она, сидя на скалах. Приглядываю за ребенком в отсутствие мужа-трудоголика, который бросил меня здесь. Я отлично играю свою роль. Видите? Голос мой нежен, когда я разговариваю со своим малышом. Я улыбаюсь. Все время улыбаюсь. А он – настоящий сгусток энергии, он словно током заряжен, мой малыш. Он счастлив. Потому что я хорошая мать. Да, но до чего же он мне надоел! Ему нужно постоянное внимание, а это так утомляет. Я в сторону посмотреть не могу, он все время меня окликает: мама, гляди сюда, мама, ну посмотри же на меня. И она действительно смотрит на него, когда он этого требует, и улыбается, и в голосе ее звучит нежность, но все это спектакль. Она не раздражается, говорит терпеливо и специально следит за этим, чтобы другие посетители кафе отметили, какая она чудная мама. Время от времени она исподтишка оглядывается, чтобы убедиться: на нее обращают внимание. Посмотрите на меня, говорит она так же громко, как и ее маленький сын, но она умнее его. И он услышал ее голос и потерял голову. Ему застило глаза, он покорен ее чарами.

Он увидел легкое хлопчатобумажное платье, полы которого под стулом касаются пола; ее длинные, покрытые золотистым заггаром, ноги виднеются в разрезе, сбегаящем вниз от самых бедер, – он сделан

специально, чтобы длинное платье не мешало ходить. Это платье скромницы, но под ним полыхает жар.

Этот портрет был как пощечина. Роберт видел такое изображение на одной из фотографий – Кэтрин сидит на стуле, в разрезе пляжного платья у нее видны ноги. Снимок сделан в кафе, куда она пришла с Николасом. Автор явно ненавидел ее, а помимо этого Роберт ощущал на этих страницах ревность. Уж не подружка ли молодого человека их написала, снова подумал он, но нет, ведь Кэтрин говорила, что, скорее всего, автор книги – его отец. Он продолжил чтение.

Шарлотта угостила его пивом в знак благодарности за то, что он отвлек малыша и заставил его съесть ужин. Потом он проводил их до гостиницы: уже темнело, а ему все равно делать нечего. Малыш к этому времени успокоился, он держит маму за руку, и вид у него сонный, а они с Джоном болтают, и он говорит ей, что завтра ему рано вставать, чтобы успеть на паром. Она отвечает, что немного завидует его свободе, но зависть эта действительно легкая, не настоящая. Еще не поздно, и она предлагает ему подождать в холле, пока она уложит малыша. Ему пора спать, а ей – еще нет, и она в знак благодарности приглашает его выпить чего-нибудь: ей будет приятно провести хоть немного времени во взрослой компании. Ему было всего девятнадцать, и он был польщен...

У Роберта задрожали руки. Он поднял одну и с удивлением, словно на нечто прежде не виданное, посмотрел на трясущиеся пальцы. О чем бы ему дальше ни пришлось читать, это случилось. Изменить он уже ничего не мог, и тем не менее вся эта история сохраняла над ним власть – так, будто сам пересказ заставлял ее повторяться вновь и вновь лишь потому, что теперь она представала перед ним наяву. Он продолжил читать, как подросток, которому не терпится дойти до сексуальных подробностей.

...Он зачарован ее робостью, ее рассчитанным нежеланием предстать перед ним обнаженной. Материнство, говорит она, заставило ее потерять веру в свое тело, ей страшно, что его может передернуть при виде шрама на животе, откуда появился ее сын, и еще она боится, что Джон привык к более молодому, упругому телу. И Сара действительно была моложе, намного моложе, но этого он Шарлотте не сказал. Не сказал и того, что Сара была единственной его любовницей. Ее нервозность добавляет ему уверенности в себе, на какое-то мгновение они

меняются ролями, и она позволяет ему почувствовать, что главный тут – он, ему и командовать.

Сын спит за дверью. Она предусмотрительно закрыла ее. Они в спальне, которую она делила с мужем. Она закрыла глаза и подняла руки, позволяя ему снять с себя прозрачное платье – точь-в-точь маленькая девочка, которую готовят ко сну. На ней было бикини, с которого еще не сошел прилипший на пляже песок. Он дернул за завязки, удерживающие трусики, и посмотрел, как они соскользнули на пол, затем расстегнул легко поддавшийся бюстгальтер, сначала на шее, потом на спине. Теперь на ней ничего не осталось, но он был все еще одет. Она не стала ему помогать, даже не прикоснулась к нему, просто смотрела, и он не улавливал в ее взгляде ни малейшего желания. Она была красива, а он был незнакомый ей мужчина, и она знала, что он находится в ее власти. Она убедила его отложить путешествие в Танжер как раз на те несколько дней, что остались до ее отъезда...

– Интересная книга?

Роберт вздрогнул от неожиданности. Ощущение было такое, будто его застали за просмотром порнофильма.

– Еще чай? – спросила официантка. Роберт утвердительно кивнул, но тут же покачал головой. Он не знал, чего ему хочется, не мог принять решения.

– Спасибо, не стоит, – в конце концов выдавил он из себя и вернулся к чтению.

...Чего Джон не понимал, так это того, что любила она только одно – игру: тайно заманить его к себе, чтобы обслуга гостиницы ничего не заподозрила и по-прежнему обращалась к ней со всем почтением, тайно встречаться на пляже, прикидываясь, будто они не знакомы друг с другом. Даже ее сын не представлял себе, что молодой человек, загорающий, положив под себя полотенце, в нескольких футах от них с мамой, знает ее ближе, чем когда-нибудь узнает он. А Джон вел фотохронику своей страстной любви: будет чем насладиться, когда он окажется дома, в реальном мире. И не дано ему было знать, что никогда он эти фотографии не увидит, не сможет оглянуться на те дни...

Глава 28

2013, лето

Кэтрин бежала за Робертом в надежде, что он вернется. Она добежала до середины улицы и остановилась, как была – в ночном халате, и вглядывалась в даль до тех пор, пока, мигнув в последний раз габаритами, машина не свернула за угол. Какое-то время она не двигалась с места, ожидая его возвращения – уверенная, что он передумает и вернется домой. Но он так и не вернулся.

Она не спала всю ночь, в надежде, что он хотя бы позвонит, но не дождалась и звонка. Звонила сама, оставляла сообщения, но он не откликался. Она пыталась вообразить, где он может быть, но ей ничего не приходило в голову. Однако если место нахождения его она представить себе не могла, то легко представляла его читающим книгу – представляла, какую именно главу он сейчас читает и что при этом чувствует. И вот тут в ней что-то яростно восстало против того, как он с ней поступал. Она не могла заставить себя не то что прилечь, даже сесть. Ей никак не удавалось успокоиться, она содрогалась всем телом. Металась по дому, кипятила воду, заваривала чай, жадно глотала его, снова заваривала; все ждала и ждала его возвращения. Ей хотелось заставить его понять, почему она ни в чем ему не призналась в свое время. Дело было не в ней, дело было в них – в Роберте, но главным образом в Нике. Она молчала ради сына, и смерть Джонатана подвела подо всем черту. И никому не нужно было больше страдать.

Но Роберт не вернулся домой.

Рассвело. Она совсем обессилела. Навалилась какая-то тяжесть, ощущение было такое, будто чай, который она поглощала в невероятных количествах, заполнил все ее члены и теперь давит, тянет вниз. Она напоминала себе мягкую, пропитанную влагой, чавкающую губку. При малейшем движении ощущала, как внутри переливается жидкость. В голове тоже что-то плескалось, мелькали смутные образы и воспоминания, которые каким-то образом уплотнились и теперь не желали рассеиваться.

Ей хотелось закрыть глаза и никогда их не открывать. Не умереть, а просто заснуть, но надолго, очень надолго. Она втащила себя наверх, легла на кровать и закрыла глаза. Мысль о том, что теперь Роберт все знает или, по крайней мере, знает про смерть, принесла ей едва ли не облегчение. Уж это-то он знать имел право. Давно надо было ему признаться во всем, но теперь она слишком устала, чтобы думать об этом. Мешал недосып, но не

только – еще шок, вызванный яростью Роберта, его ненавистью к ней. Этого она не ожидала, мысль об этом пугала ее, и она подавляла ее, давала ей застыть, раствориться. Ничего не чувствовать – не так уж плохо. И она извлечет из этого состояния – пока оно длится – максимум.

Она погрузилась в глубокий сон, когда раздался телефонный звонок. Не открывая глаз, она схватила трубку, рывком вернувшись к действительности.

– Да? – Она открыла глаза, пытаясь различить входящий номер. Но он не отражался, было только слово: «Звонок». И голоса не слышно. – Слушаю, – повторила она и стала ждать, напрягая слух. Они оба вслушивались, не говоря ни слова: ему в этом не было нужды, да и она знала, кто звонил. Он хотел ее видеть. Он не говорил этого, но она это чувствовала.

Глава 29

...Это был один из тех дней, когда, проявив неосторожность, можно обжечься очень сильно. Солнце было очень жарким, но его прикрывал тонкий слой облаков, который вкупе с прохладным ветерком побуждал непосвященных загорать вовсю. Шарлотта к их числу не принадлежала. Она и сама намазалась защитным кремом и теперь втирала его в кожу своего маленького сына. Оба они устроили из этой процедуры целое представление – Шарлотта всячески демонстрировала свою материнскую заботу, а Ной изо всех сил старался увернуться и жаловался, что крем щиплет ему глаза.

Сегодня его визг особенно ударял по нервам из-за похмелья после вчерашней выпивки. Шарлотта понимала, что прилагает больше усилий, чем нужно, но ее раздражали капризы сына, и ей хотелось подчинить его своей воле. Все его тело было в песке, и создавалось впечатление, будто она водит по нему наждачной бумагой, задевая по неосторожности и лицо, так что действительно крем попал ему на ресницы. Она поспешно стерла его, но мальчик заплакал, и ей тоже захотелось плакать. Ей хотелось, чтобы его не было рядом, чтобы он куда-нибудь ушел и у нее появилась возможность хоть один день, этот последний день на курорте, провести, загорая вместе с любовником.

А Джон еще спал в своем номере в дешевенькой гостинице. Вернулся он от Шарлотты, остановившейся в пятизвездном отеле, только в половине пятого утра. Всю ночь они занимались любовью, пока ее сын спал в соседней комнате, не слыша, как мать стонет в объятиях возлюбленного. Не слышал он и звона бокалов, после которого снова начинались любовные игры.

Итак, пока Шарлотта возилась с кремом на пляже, Джон спал. Спал он крепко, как подросток. В свои девятнадцать лет он все еще рос, все еще мучился зовами плоти, и своей, и, как минувшей ночью, не только своей. Шарлотта все никак не могла насытиться, она заставила его потрудиться по-настоящему. Она понимала, что времени у нее в обрез и, хоть ей и удалось уговорить его отложить поездку в Танжер, сама она через несколько дней возвращалась домой, к мужу. Минувшей ночью она взяла от него все, что смогла, и предвкушала еще одну такую ночь – последнюю для них.

Она по-прежнему пыталась играть роль Матери, но сегодня ее

исполнению явно не хватало убедительности. Лежа на животе, она старалась уснуть, а Ной тем временем орудовал в песке своей детской лопаткой. Ров, который он копал, все удлинялся и удлинялся, песок – чему немало способствовал и ветер – летел Шарлотте в лицо. В конце концов это ей надоело, и она крикнула сыну:

– Как насчет мороженого?

Он бросил копать и радостно согласился:

– Угу.

Поднимаясь по лестнице, ведущей к магазину, они столкнулись с Джоном, но ни он, ни она не сказали друг другу ни слова, так что никто бы даже не заподозрил, что они знакомы. Он испытал возбуждение, а у нее при виде его заспанных глаз и примятых подушкой волос возникло острое желание. Они едва разминулись, чуть не коснувшись плечами. Они почувствовали запах друг друга. Она вдохнула исходящий от него аромат и улыбнулась, но не Джону. Для этого она была слишком умна. Улыбку, адресованную Джону, она перевела на Ноя. Джон, впрочем, все понял, а Ной принял это за чистую монету, счастливый тем, что мама довольна, и улыбнулся в ответ, невинное существо. Он был так признателен ей за подарок, не ему предназначенный.

Джон узнал полотенце Шарлотты и, как обычно, разложил свое в нескольких футах поодаль, озаботившись тем, чтобы между ними расположилось еще несколько человек. Достаточно далеко, чтобы Ной не заметил его присутствия, но достаточно близко, чтобы они с Шарлоттой видели друг друга. С той самой первой встречи в кафе они всячески остерегались Ноя. Она не хотела знакомить его с Джоном, не хотела, чтобы они сблизились. «Вдруг он к тебе привяжется?» – обронила она, никак не желая этого позволить. Нельзя было допустить, чтобы Ной хоть что-то сказал отцу про славного дядю, с которым они с мамой познакомились на отдыхе и с которым мама подружилась.

Лежа на песке, опустив голову и прикрыв глаза, Джон услышал приближение матери с сыном еще до того, как увидел их. Ной, увлеченный чем-то, громко болтал, и Джон с любопытством стрельнул взглядом в их сторону. Ной тащил за собой на веревке подпрыгивающую на песке надувную лодочку. Вот уже несколько дней он выпрашивал у матери подобную игрушку, никак не хотел отстать, и вот, в свой последний день на пляже, она решила порадовать сына. Вообще-то сошла бы любая надувная игрушка, но она выбрала именно эту – красно-желтый ялик – и даже, пустив в ход свое обаяние, уговорила продавца напрямь легкие и надуть его. «Боюсь, у меня самой не хватит сил», – улыбнулась она. Ну да,

все свои силы она израсходовала ночью.

Для Шарлотты лодка оказалась не менее ценным подарком, чем для Ноя. Она надеялась, что сын отвлечется, а она тем временем сможет спокойно почитать, подумать. Обычно у Ноя не слишком хорошо получалось играть с самим собой, но эта ярко раскрашенная лодочка, похоже, сделала свое дело. Впервые за все время отдыха он, казалось, вполне наслаждался собственным обществом, погрузился в собственный мирок. Он сидел и о чем-то говорил с собой, а его мать растянулась на песке и повернула голову к своему любовнику. Джон заметил это, тоже повернулся, и их взгляды пересеклись. Между ними находились люди, но, поглощенные друг другом, они никого не замечали. Она пожирала глазами его, он – ее, в столь хорошо ему теперь знакомом розовом бикини, едва прикрывающем ее тело. Он видел, не прилагая к тому особых усилий, буквально все, словно она лежала полностью обнаженной. Грудь, ягодицы, лобок. Даже не приближаясь к ней, он вдыхал ее запах и чувствовал, что у него начинается эрекция.

Ему не терпелось прикоснуться к ней, скользнуть под нее, войти в нее. И она это знала, видела в выражении его лица, в его глазах. Она повернулась на бок, так, что грудь скрылась под бикини, оперлась о локоть, слегка раздвинула губы и улыбнулась. Затем потянулась за книгой и притворилась читающей, хотя на самом деле лишь красовалась перед своим любовником. Дразнила его.

Наверное, рука у нее в какой-то момент затекла, и она села на песке. Ей стало скучно, она не могла найти себе места. Посмотрела на сына – он был явно доволен жизнью, она ему сейчас не нужна, он – капитан своего корабля. Она подняла голову и перехватила взгляд женщины, расположившейся рядом. Ее дети были постарше, уже подростки. Шарлотта заметила, что женщина улыбается Нюю, и сама улыбнулась ей.

– Вы горите по-английски? – спросила она.

– Немного. – Женщина пожала плечами.

Шарлотта направилась в туалет, но предварительно, глядя на Нюю, исполнила целое мимическое представление. Матери двух подростков было только в радость присмотреть за славным английским мальчиком. Шарлотта с признательностью одарила ее самой радужной из своих улыбок, наклонилась к сыну и сказала, что отойдет буквально на минуту. Она боялась, что и ему тоже понадобится в туалет или что он раскапризничается, не давая ей уйти, но ничего подобного не последовало. Не ребенок, а чистое золото. Он даже не обратил внимания на то, как она

надевает сандалии с серебристыми застешками и тонкими ремешками, открывающими красивые пальцы на ногах, и идет к туалету. Но Джон это заметил. Он смотрел, как, покачивая бедрами, она направляется к кабинкам, расположенным в глубине пляжа. Ему хотелось сразу последовать за ней, но пришлось выждать, чтобы все выглядело прилично. Поэтому он просто провозжал взглядом обнаженную до пояса женщину с матовой кожей и подрагивающими на ходу ягодицами до тех пор, пока эрекция у него не спала.

Шарлотта остановилась у душа, подставила под льющуюся воду лицо и пригладила волосы – все это она проделала, как если бы была не на общественном пляже, а одна. Она чувствовала, что Джон не упускает ее из виду. Выключила душ и зашла в туалет. Джон встал и направился в ту же сторону. Никого поблизости не было, и он знал, где найдет Шарлотту: в раздевалке, в самом конце вытянувшихся в ряд туалетных комнат. Он постучал, дверь открылась. Джон сразу скользнул ладонью ей под трусики. Он уже знал – она сама сказала, что предпочитает не снимать их, любит ощущать, как они туго обтягивают тело. Его пальцы погрузились в мягкую влажность, ощутили гладкость кожи. Он приподнял ее и поставил на узкую деревянную скамейку, оттянул в сторону трусики, словно бы шаг за шагом открывая ее, и принялся водить языком вверх-вниз и по кругу, так, как она ему показывала, так, как она любила. Она многому его научила. Он прижал ее ладони к стенкам кабинки, не давая упасть. Тело ее было настолько влажным, что уже нельзя было сказать, где ее слюна, а где его. Бедный мальчик, он был опьянен любовью. Он был без ума от любви. Даже услышав чье-то приближение, он не мог заставить себя остановиться, да она бы ему и не позволила. Послышался стук задвижки, затем шум спускаемой воды, и она стянула с него трусы и, обвив ногами, слилась с ним и принялась безудержно целовать в губы, забирая, заглатывая все, что теперь принадлежало ей. А он, более сильный, а может, и нет, крепко прижимал ее к себе и не отпускал. А когда все кончилось, она улыбнулась и обхватила ладонями его лицо, словно он был маленький мальчик. Она поцеловала его в губы, в шею, наконец, в лоб. Точка – чтобы он знал, что пока это все.

Они дождались, пока незваный гость удалится, потом Шарлотта открыла дверь и выглянула наружу. Она вышла первой, он последовал за ней через несколько секунд. Она снова встала под душ, а Джон пошел дальше и, не остановившись у своего полотенца, нырнул, накрытый волной, в море.

Маленький Ной все еще был в лодке, весело болтая сам с собой.

Шарлотты не было дольше, чем она рассчитывала. Соседка собирала пляжные вещи, ей с детьми было пора уходить. Она помахала на прощание рукой Ню, Шарлотта поблагодарила ее и потрепала сына по волосам. Вновь вся внимание, она следила за тем, как он подтягивает лодку к кромке моря. В воду Ной не входил, оставался на берегу. Он был счастлив. Она обхватила руками колени и не сводила с него глаз, довольно улыбаясь. Потом, измученная, рухнула на песок. Стоило слегка повернуть голову, и Ной окажется в поле ее зрения. Джон вернулся на место, вытерся насухо и посмотрел на Шарлотту, но она лежала лицом в другую сторону, и он тоже опустился на песок и прикрыл глаза. Он дремал, смутно думая о предстоящей ночи, о том, что она сулит им обоим, и лицо его при этих мыслях озарялось улыбкой.

Когда Джон проснулся, поднялся ветер, и он натянул фуфайку. Шарлотта все еще спала. Тут Джон заметил Ню. Мальчик был по-прежнему в лодке, но уже плыл по мелководью, явно наслаждаясь тем, как его подбрасывает на волнах. Вверх-вниз, вверх-вниз. Шарлотта проснулась и повернула голову в ту сторону, куда смотрел Джон. Возможно, удивилась тому, что кто-то еще, кроме нее самой, привлекает его внимание. Вверх-вниз, вверх-вниз – прыгала по волнам лодочка, и с каждым разом она поднималась все выше, а опускалась все ниже. На море появились барашки, лодку относило от берега, и расстояние между Нюем и людьми, плавающими и играющими близ берега, становилось все больше. Никто не замечал, что английского мальчика уносит в море.

Джон встал и посмотрел на Шарлотту. Она уже тоже была на ногах, но не двигалась с места. Подошвы впечатались в лежащее на песке полотенце. С выражением страха на лице она повернулась к Джону, потом вновь перевела взгляд на Ню. Но все еще не двигалась. Окликнула Ню, затем Джона. «На помощь! Помогите!» Джон на все был для нее готов. Он мгновенно бросился к воде, и только тут Шарлотта пошевелилась. Джон бежал впереди, она за ним. Она снова позвала Ню, мальчик поднял голову и помахал ей, не выказывая ни малейших признаков испуга. А люди все еще не обращали на них внимания, и спасателей на пляже не было.

Джон видел, что лодка Ню идет в опасном направлении. Все дальше и дальше от берега. Скоро она превратится в точку на поверхности воды. Он бежал, обдавая играющих брызгами песка, и, наконец, нырнул в море. Он плыл в сторону Ню. Крепкий молодой человек, хороший пловец. Помимо того, его несло течением: используя его силу, можно было сберечь энергию на обратный путь. Это был расчет. Он знал, что делает, и

целиком сосредоточился на гребках – четких, сильных. Он доплыл до Ноя и увидел, что тот перепуган и зовет мать, но она его не слышит. Наверное, Джон удивился, почему Шарлотта сама не бросилась на помощь сыну? Почему не поплыла? Он пытался ухватиться за борт лодки, но ничего не получалось – накатывали, заливая дно, волны. Пластик стал слишком скользким, лодку слишком сильно раскачивало. Мальчик был вне себя от страха. Джон пытался успокоить его. Он уговаривал его не шевелиться и крепче держаться за ручки на бортах лодки. Но Ной не слушал. Дрожая не только от страха, но и от холода, он вглядывался в берег в надежде, что мама придет и заберет его отсюда. Джон ухватился за веревку, намотал ее на кулак и поплыл к берегу.

Там уже столпилось множество людей, среди которых он увидел Шарлотту все в том же бикини. Джон работал руками и ногами изо всех сил. Глаза его покраснели, вены на руках и ногах набухли, кровь стучала в висках. Море сделалось теперь его врагом, оно не влекло его вперед, а тянуло назад. И союзником моря был ветер, он налетал порывами и подбрасывал лодку на волнах, будто стараясь вышвырнуть из нее мальчика. Джон по-прежнему умолял его держаться крепче. Обернувшись, он увидел, что Ной сидит, вцепившись в ручки, и смотрит мимо него, выискивая на берегу мать. Может, он думал, что лодка плывет сама собой.

Соленая вода жгла глаза, тело у Джона онемело. Он работал, как автомат, руки и ноги влекли его вперед. Теперь уж ни о каком расчете не было и речи. Он плыл, подчиняясь ритму бурления крови в ушах. В какой-то момент двое мужчин, еще двое храбрецов, отделились от остальных, бросились в воду и поплыли навстречу Джону с мальчиком. Один, явно сильный пловец, вырвался вперед. Плыл он быстро, к тому же его подгоняло течение, и вот он достиг цели, перехватил у Джона веревку и, не теряя времени на разговоры, развернулся и поплыл со своим драгоценным грузом к берегу. Джон попытался ухватиться за корму лодки.

Когда спасатель достиг берега, остальные бросились на помощь, вытащили лодку на песок, принялись успокаивать мальчика. Джон все это видел, как и видел, что Ной теперь в безопасности. Он видел берег и то, что там происходило. Сам же он оставался в воде – далеко от берега. Удержаться за корму он не сумел, но никто этого не заметил. Он смотрел, как второй спасатель поворачивает назад, выходит на берег, присоединяется к остальным, хлопочущим вокруг Ноя. Руки Джона побелели от холода, на ладонях остались багровые полосы от веревки.

Только он не чувствовал ни рук, ни всего остального, кроме легких. Они увеличились в размере, раздулись, старались вырваться из грудной клетки. Он жадно хватал ртом воздух, но попадала туда только вода. Джон потерял много драгоценного времени, разглядывая ладони и думая о своих легких, вместо того чтобы плыть, и теперь его отнесло от берега еще дальше, и предстояло заново прилагать усилия, чтобы вернуться хотя бы к тому месту, где он догнал Ноя.

Он пытался, честно пытался. Он надеялся, что кто-нибудь придет ему на помощь. Что кто-нибудь вспомнит про него. Он хотел, чтобы здесь оказалась его мать. Чтобы она протянула ему руку и помогла добраться до берега. Подобно Нюю, он жаждал материнского тепла. Он пытался помахать рукой стоящим на берегу, но руки ему не повиновались. Ни поднять их над водой, ни плыть он больше не мог. Он отчаянно ударил ладонями по воде, словно можно было таким образом заставить море отступить, сделаться мельче. Ему было страшно. Говорят, утонуть – один из самых легких способов проститься с жизнью, но Джону было страшно, потому что он знал: он остался один. Последние свои силы он потратил на ее ребенка.

Наконец он увидел лодку. И на мгновение ему показалось, что все будет хорошо. Но когда лодка приблизилась, он уже два или три раза уходил под воду. Ему бросили веревку, но он не мог схватиться за ее конец. Потому что он был мертв. Помощь подоспела, когда он уже умер. Его втащили на борт, положили на дно. Кто-то начал вдувать ему воздух в легкие через рот. Кто-то массировал грудь. Лодка вернулась к берегу, трое мужчин вынесли тело молодого человека, положили на песок и возобновили свои усилия – вдували воздух, делали массаж. Но все было напрасно – он ушел.

А поодаль небольшая группа людей окружила маленького мальчика и его мать. Они загораживали от Нюя мужчину, который спас его, а теперь лежал мертвый. А Шарлотта стояла на коленях, кутая сына в полотенце и тоже не давая ему посмотреть на своего мертвого любовника.

Глава 30

2013, лето

Через площадь быстро проехал голубой, формой напоминающий утиное яйцо, «Фиат-500». Роберт посмотрел на него через окно. Любимый цвет Кэтрин. Он помнил об этом, делая ей подарки ко дню рождения. Сейчас он участвовал в совещании, на которое опоздал, хоть и перенес его на час. Пришлось принять душ, побриться, переодеться. На работе у него имелся запасной костюм, но надевал он его, лишь отправляясь на официальные мероприятия: для деловой рутины он был слишком строг, и от него не укрылось удивление на лицах коллег, гадающих, должно быть, куда это он собрался. Ему приятно было видеть их рядом, говорить с ними, не оставаться одному. Даже не говорить и тем более не разыгрывать представление, а просто смотреть – с этим он мог справиться. Хорошо, что вокруг звучали голоса. Это благодаря им он кое-как держал себя в руках. Стоило ему почувствовать слабость, предаться своему горю, как чья-нибудь очередная реплика рывком возвращала его к жизни.

Это была всего лишь книга. Это всего лишь книга. Он понимал, что это только версия событий, изложенная кем-то, кто явно ненавидел ее, но можно ли в чем-то винить этого человека или этих людей? И эта версия слишком близка к реальности, чтобы Кэтрин могла ее забыть. В любом случае она трахалась с незнакомым мужчиной, который потом погиб, спасая их сына. Пусть в книге не совсем Кэтрин, и все же это она. Во всяком случае, он смог узнать в героине свою жену. И книга показала ему то, что ускользало от него раньше. Кэтрин – женщина, которая всегда действовала по-своему, всегда поступала так, как ей хотелось.

Он вспомнил их первое свидание. Она пригласила его выпить бокал вина, сказала, что хотела бы поговорить не под запись. Она была молода, выполняла свое первое журналистское задание. Вообще-то не следовало ему соглашаться, был риск потерять работу, но она так настойчиво уговаривала его по телефону, что в конце концов он согласился. Помнится, она опоздала – хотя это он делал ей одолжение, – но каким-то образом свела все к милой шутке. Он вспомнил, как при виде входившей в бар молодой ослепительной блондинки буквально прирос к месту, надеясь, что это именно она назначила ему свидание. Она огляделась, поймала его взгляд и улыбнулась довольно застенчиво. Он улыбнулся в ответ и привстал. Не слушая его возражений, она заплатила за выпивку и выудила

из него все, что ей было нужно, он ответил на все вопросы. Не под запись, конечно, однако впоследствии она использовала все услышанное. Правда, имени его она не назвала, но не упустила ни единой подробности. Она была хорошей журналисткой. Но риск потерять работу это не уменьшало. Уже тогда, при первой встрече, он был готов ради нее на все. Она знала, чего хочет и как добиться желаемого. И плевала на последствия.

В книге перед ним предстала мать, которая свои интересы ставила выше интересов ребенка. И это правда: настоящей матерью она так и не стала. Любовник погиб, и она нашла утешение в работе. Вину ли она Ника в его смерти? Не поэтому ли не захотела целыми днями сидеть дома и заниматься ребенком? Не удивительно, что у них так и не сложились отношения. А Роберт всегда ее оправдывал, сглаживал острые углы, спешил на помощь, изо всех сил старался избавить от чувства вины, никогда не упрекал, никогда не судил. До нынешнего момента. Он вспомнил одну из фотографий. Он старался отогнать видение, сосредоточиться на настоящем, но не мог избавиться от прошлого. Кэтрин принимает душ на пляже, вода стекает по лицу и телу, шея выгнута, глаза прикрыты, губы тронуты улыбкой. Ей приятно, что на нее все смотрят. Пальцы у него снова начинали дрожать, он сжал кулаки, сунул руки под стол. Все чувства, которые он таил от самого себя долгие годы, мысли, которые никогда не позволял себе додумать до конца, сейчас прорвались наружу.

И все равно он любил ее. Признайся она ему в своем увлечении тогда же, он бы смог простить ее. Но сейчас – нет. Он прикусил изнутри щеку, чтобы не разрыдаться. Он на все был готов ради нее. Ему хотелось еще детей, но Кэтрин была против, и он даже на этот счет не сказал ни слова. То есть прямо она не отказывалась, но всегда находила какие-то оправдания, а потом стало слишком поздно. А ему хотелось, чтобы у Ника были брат или сестра, он считал, что так ему будет лучше. О Боже, она все разрушила. Он уже никогда не сможет ей доверять.

Перед ним на столе лежали разные бумаги. Информация, с которой он должен ознакомиться, детали, которые он должен учесть. Он начал листать бумаги, спрятался за ними. Ему смутно припоминалось, что Ник всегда выпрашивал лодку или что-нибудь надувное, и они с Кэтрин сошлись на том, что это не лучшая идея. Тем не менее, когда Роберт уехал, она купила мальчику эту посудину и не смотрела за ним, спала, когда чей-то сын умирал, чтобы спасти Николаса. Но чей? Кто написал эту книгу? Подружка погибшего? Мать или отец – тот самый старик, что принес фотографии? Бедняга. Конечно, то, что он сделал, гнусно, но можно ли его в этом

винить? Может, Роберту следовало поблагодарить его за то, что сделал его сын? Да, ему следовало быть благодарным, но пока выразить свою признательность он не в состоянии. Если бы *Джона*, или как там его зовут на самом деле, там не было, *Шарлотта* не была бы так рассеянна, она, возможно, удержала бы сына на берегу, не позволила заходить одному в воду. И если бы там был он сам, Роберт, ничего бы не случилось.

В голове у него сгущалась какая-то масса. Еще одна – в желудке. Темные комья чего-то давно забытого. Это ревность. Черная, глухая ревность. Он ревновал к этому мертвому юноше, у которого была связь с его женой и который спас его ребенка. Который давным-давно, в чужой стране, наставил Роберту рога, сам о том не ведая. Интересно, часто ли Кэтрин вспоминала того мальчишку, когда они были вместе? Часто ли сравнивала, каковы они в постели? Может, она притворилась, что ей хорошо с ним, Робертом? И часто ли такое бывало? Или постоянно? А еще Николас. Николас, который даже не мог вспомнить молодого человека, спасшего ему жизнь, что в глазах Роберта делает «Джона» фигурой еще более героической. Невоспетый герой. Мученик. Он мысленно пролистал страницы книги. Роберту там почти не уделено внимания. Второстепенный персонаж, даже не заслуживающий имени. Ее муж.

Он погрузился в себя, упал, как растение, потерявшее опору. Слов больше нет. В комнате тишина. Он поднял голову. На него устремлены все взгляды, но он ничего не мог в них прочесть. Они ждали ответа на что-то? Или просто смотрели на него с любопытством? И в таком случае, что видели?

– Что ж, тут есть много о чем подумать, – сказал Роберт, и звук собственного голоса, твердый, густой, придал ему силы. Он встал – здесь по крайней мере авторитет его по-прежнему высок. Совещание окончено, и участники цепочкой направились к двери.

Надо найти семью – выяснить, кто это, и поговорить. Самое меньшее, что Роберт мог сделать, – это выразить им признательность за мужественное поведение их сына и попытаться хоть как-то объяснить человеческие слабости своей жены. Но сначала надо подумать о Николасе, взять его под свое крыло. Он потянулся к телефону.

– Ник? Славно мы с тобой на днях посидели... Слушай, может, повторим? Ты сегодня вечером свободен? Мне нужно с тобой кое о чем поговорить.

Глава 31

2013, лето

После смерти Джонатана Нэнси стала совсем не своя. Сознание ее сжежилось до минимальных размеров, и думать она могла теперь только о сыне, которого больше нет. Время лечит, время уменьшает любую боль, повторял я ей. Но достучаться никак не мог. Я был ей просто не нужен. Вспоминаю один день, это было через два месяца после смерти сына. Я ждал Нэнси внизу. Уговорил ее пойти прогуляться. Это было само по себе немалое достижение. В полдень она все еще оставалась в ночном халате и вот теперь пошла наверх переодеться, а я остался ждать в гостиной. Нэнси долго не появлялась – теперь она все делала медленно. Но торопить ее я не хотел, боялся, что она передумает. К тому же я слышал, как она ходит наверх, выдвигает ящик, закрывает дверь гардероба. Она одевалась, она двигалась в правильном направлении. А потом все стало тихо, и я пошел наверх.

Я думал застать ее лежащей на кровати, но на самом деле она оказалась в ванной. Полностью одетая для совместной прогулки, она лежала в обжигающе холодной воде, которую, оказалось, пустила уже несколько часов назад. Голова ее была под водой, глаза и рот открыты. Отяжелевшую, в насквозь промокшей одежде, я вытащил ее из ванны. Она сказала, что вовсе не собиралась сводить счеты с жизнью. Просто хотела понять, как чувствовал себя тогда Джонатан. На собственном опыте убедиться в том, что, когда тонешь, тебе, как все говорят, не больно, потому что еще до смерти теряешь сознание. Она рассердилась на меня за то, что я не дал ей возможности довести опыт до конца, но признала, что в нем был один недостаток: страх и одиночество погружения в бескрайний океан – это совсем не то же, что погружение в керамическую ванну цвета авокадо в тишине и покое собственного дома.

Можно сказать, что острое сопереживание стало для Нэнси образом жизни. Она принимала близко к сердцу чужую боль, хотя и отдавала себе отчет, что стремится к невозможному. Если кто и мог понять чувства другого человека, то это была Нэнси. Между ней и окружающим миром было куда меньше преград, чем у остальных из нас. Она обладала редкой способностью влезть в шкуру другого, посмотреть на мир его глазами. Она и до смерти Джонатана старалась помочь мне обрести тот же дар. Если я был расстроен или злился на кого-то, Нэнси говорила: «Попробуй

посмотреть на это с его точки зрения», или: «Попробуй представить себе, что чувствуют они». И я пробовал, только без успеха. Но чувства Нэнси были слишком обострены, в этом и заключалась вся проблема.

Она оставила преподавание, потому что не могла больше выдерживать ежедневных встреч с детьми, так что мне теперь пришлось работать за двоих, иначе жить было бы не на что. Хоть как-то жить. Наверное, нам стоило продать дом и уехать из Лондона. Наверное, мне надо было быть настойчивее и самому принять такое решение, только я знал, что не могу заставить Нэнси сделать то, чего ей не хочется. Даже попытаться уговорить ее разобрать вещи Джонатана было выше моих сил.

Однажды я вернулся домой из школы и застал Нэнси в спальне раскладывающей на кровати одежду сына. Это напомнило мне тот день в Испании, когда мы оказались в гостинице, где остановился Джонатан.

– Я ничего не намерена выбрасывать, – резко бросила она, увидев меня в проеме двери. Я промолчал. – Просто решила разобрать.

Я смотрел, как она перебирала его вещи, раскладывала по стопкам, и думал с надеждой, что, может быть, это только начало и она все же избавится от них.

– Пойду вскипячу чай, – сказал я. – Когда будет готов, позову.

Она посмотрела на меня, кивнула и снова принялась рыться в ящиках. Когда я вернулся, она паковала какой-то небольшой чемодан. Я поставил на стол поднос с чаем, сел на кровать и огляделся. Все в этой комнате по-прежнему напоминало о детских годах Джонатана: сидящая на книжной полке плюшевая собачонка, тощая и потертая, резной деревянный ящик с игрушками, который мы с Нэнси подарили ему на Рождество и в котором он хранил свои тайные вещи. Помню, в тот момент я почувствовал прилив грусти, смешанной с радостью, ибо мне показалось, что Нэнси возрождается к жизни. Ведь раньше она вообще отказывалась прикасаться к чему-либо в этой комнате, желая оставить все в точности так, как было.

– Мусор всякий хочу сюда сложить... – Она потрясла передо мной черной сумкой. Я сделал глоток, поставил чашку на ночной столик и открыл ящик. При виде старых батареек и мелочи я улыбнулся: все было точь-в-точь как у меня в таком же ящичке такого же ночного столика, за вычетом разве что нетронутой пачки с презервативами. Я ссыпал содержимое ящика в сумку и встряхнул ее – так, чтобы презервативы оказались внизу. Мне не хотелось, чтобы Нэнси их увидела – в самом факте их неостребованности было что-то на редкость угнетающее.

Нэнси рылась в гардеробе Джонатана и в комоде со множеством ящиков, а на мою долю осталось содержимое орехового ящика в изножье

кровати. Я откинул крышку и сразу понял, что тут Джонатан держал то, чему не мог найти другого места, – несколько старых игрушек, так и не съеденные леденцы, мелкие монеты, оставшиеся от рождественских подношений, какие-то предметы, напоминающие об увлечении туристическими вылазками, – оловянные тарелки и кружки, фонарь, даже старые, с треснувшей подошвой, кроссовки. Ближе к дну ящика оказались комиксы. Когда-то мы подарили ему подписку на журнал «Беано», и сейчас я подумал, что, может, стоит сохранить несколько экземпляров. И тут я увидел, что скрывалось под ними – порнография: журналы и видеозаписи. Названия и обложки производили сильное впечатление, и я исподтишка глянул на Нэнси: она, слава Богу, листала какой-то старый альбом Джонатана. Я отодвинулся на противоположный край кровати и открыл первый попавшийся журнал.

– О Господи! – невольно вырвалось у меня.

– Что? Что там? – повернулась ко мне Нэнси.

– Да нет, ничего страшного, просто живот схватило. – Я немного посидел, не двигаясь, потом встал, взял сумку и запихал в нее все содержимое ящика.

Нэнси с подозрением посмотрела на меня.

– Не волнуйся, милая, это все на выброс – главным образом всякое старье. Ничего такого, что стоило бы сохранить, честно. – Я сделал вид, что сумка гораздо легче, чем она была на самом деле, и направился напрямик к мусорным бакам. Хорошо, что это я, а не Нэнси, наткнулся на эту дрянь. Когда я вернулся в комнату, на ее коленях по-прежнему лежал старый альбом.

– Взгляни-ка. – Я подошел и сел подле нее на пол. – Я и не знала, что он их здесь держит. Право, они совсем недурны. – Она улыбнулась, и в глазах ее блеснули слезы. Нэнси смотрела на фотографии, лежавшие пачкой в конце альбома. Я не сразу разобрал, что, собственно, она мне показывает. – Сняты крупным планом, – пояснила Нэнси. – Смотри. – Она извлекла из пачки один снимок, и я увидел, что это сильно увеличенное изображение глаза. На другом – изгиб скулы, снятой так крупно, что под кожей видны вены.

– Да, здорово, – согласился я.

– Он испытывал новый фотоаппарат, – сказала Нэнси. – Готова поспорить, что это самые первые снимки.

– Кто это? – спросил я.

Она бегло перебрала снимки и улыбнулась:

– Я. – И Нэнси стала рассматривать фотографии одну за другой,

начиная с безымянных крупных планов и заканчивая снимком, на котором она была запечатлена сидящей на шезлонге в углу нашего сада. Тогда Нэнси даже не подозревала, что ее фотографируют, и теперь ей было приятно, что сын уделял ей так много внимания.

Были и другие фотографии: жанровые сценки на улицах Северного Лондона – картина городской жизни. Нэнси была права: действительно хорошая работа. Похоже, у Джонатана были немалые способности к фотожурналистике – подобно настоящему профессионалу, он умел, сам оставаясь в стороне, запечатлеть нечто подлинное и естественное. Я уверен, что тогда Нэнси еще не проявила ту пленку, что оставалась у Джонатана в фотоаппарате, но, может, именно снимки, которые она нашла в альбоме, подтолкнули ее к этому. Должно быть, она подумала, что там могут быть красивые кадры, которые стоит вставить в рамки и показывать гостям.

Я ошибся, усмотрев в разборке вещей Джонатана знак того, что Нэнси возвращается к жизни. Напротив, после этого ей стало только хуже. Она отказывалась выходить из дома. Мы ни с кем не виделись и в течение какого-то года потеряли связь со всеми своими друзьями. Они тоже оставили любые попытки общения, решив, наверное, что нам хватает собственного общества. С момента смерти Джонатана прошло примерно пять лет, когда Нэнси решила, что и меня она тоже не хочет видеть. По крайней мере какое-то время, сказала она. Ей нужно было побыть одной, и я готов был с уважением отнестись к этому желанию, но меня смущал выбор убежища – квартира Джонатана. Когда-то одна из моих теток оставила мне небольшое наследство, и мы потратили деньги на это жилище в Фулхэме. Произошло это за год до его поездки в Европу. Мы с Нэнси сочли, что будет неплохо, если к самостоятельной жизни Джонатан начнет приучаться невядалеке от родительского дома. Новоселье он справил незадолго до отъезда из Англии. Нэнси снабдила его многим из того, что могло понадобиться на первых порах – кухонной утварью, новым бельем и так далее. Помимо этого, мы отдали Джонатану то, что нам самим стало не нужно, например, письменный стол Нэнси. Она захаживала туда и давала ему уроки кулинарии – учила сына быть самодостаточным. К возвращению его ждал готовый дом, и мы надеялись, что это поможет ему определиться с ближайшим будущим. Мы надеялись, что Джонатан поступит в университет.

После его гибели Нэнси часто заходила туда, чтобы заняться уборкой. Никого в доме она в случившееся не посвящала. Может, ей казалось, что, если никто ни о чем не узнает, можно будет хотя бы в этом месте делать

вид, что сын все еще жив. Она пребывала среди его вещей, вычищала помещение до блеска, словно святыню, ставила в каждой комнате свежие цветы. Первое время она еще брала меня с собой, но потом попросила не появляться. Она сказала, что от этого ей только хуже, что такие визиты лишь оттягивают миг возрождения. Все же раз в неделю я ей звонил, но потом оборвалась и эта связь. Нэнси сказала, что сама позвонит, когда будет готова вернуться домой. Мне оставалось лишь покориться, тем более что она пообещала не причинять себе никакого вреда, и что-то в ее голосе заставило меня поверить в это. В нем слышалась некая перемена, словно она начала обретать подобие душевного покоя. В конце концов позвонила мне не она, а кто-то из товарищества жильцов. И как же больно было мне убедиться в том, что все это время я ничего для нее не делал.

Оказывается, Нэнси нарушила свое обещание. Соседи жаловались на состояние мест общего пользования, на вонь, исходящую из квартиры. Я клял себя за слабость и уступчивость – за то, что не забрал ее домой. Открывая дверь в квартиру ключом, которым я так часто отказывался пользоваться, я был уверен, что найду Нэнси мертвой. Она лежала на диване с закрытыми глазами, но слабо дышала. Действительно, воздух в квартире был тяжелый и гнилостный. В туалете давно уже не убрали, но главным образом вонь шла от набитого отходами мусорного бака, стоявшего у входа. Она собиралась вынести его, но у нее просто не хватило сил, и он так и стоял на месте неделями, а его содержимое вылезало из-под крышки на пол и, казалось, готово было само проложить себе путь на лестницу. Она сказала, что у нее рак. Просто равнодушно сообщила, хотя ей было больно, давно уже было больно, и эту боль она терпела, а возможно, даже и лелеяла. Боль – это именно то, чего она ждала. Рак заполнил пустоту, образовавшуюся после смерти Джонатана. Я ненавидел эту квартиру, и мое появление там, в тот день, когда я обнаружил рукопись, стало первым за все годы, прошедшие после того, как я отвез Нэнси домой.

Я уверен, что, говоря Кэтрин Равенскрофт, будто она «потеряла мужа», Нэнси имела в виду именно то, что мы больше не живем вместе. На какое-то время мы действительно потеряли друг друга. Но я всегда считал, что это не она меня, а я ее потерял. И думал, что в своем ощущении одиночества был одинок, так что прочитав в ее дневнике, что и она тоже была одинока, для меня стало большим облегчением. Ей не хватало меня не меньше, чем мне не хватало ее.

Я отвез ее домой, ухаживал за ней, и она немного ожила. Нэнси протянула еще два года – совместной со мной жизни. Я по-прежнему работал в частной школе и должен признать, что в какой-то мере вымещал

свои беды на детях. Сиделки, которых присылала компания «Макмиллан», были безупречны: пока я был на работе, они ревниво следили за тем, чтобы Нэнси ни в чем не нуждалась. Она, впрочем, никогда и ни на что не жаловалась. Повторяю: Нэнси лелеяла свое страдание. Чего-то в этом роде она и искала, чего-то материального, во что можно было вонзить ногти.

И вот она ожила и стала моим постоянным спутником. Я регулярно слышал ее голос и разговаривал с ней. Я рассказал ей о телефонном звонке и страхе, который сквозил в голосе этой шлюхи. У нас с ней больше не было секретов. И Нэнси не терпелось знать продолжение, нам обоим не терпелось. Нам хотелось не только слышать, что ей страшно, но и видеть этот страх собственными глазами.

Глава 32

2013, лето

Кэтрин сидела и работала, взгляд ее был устремлен на экран компьютера, но она ничего не видела. В голове у нее все перемешалось, она была не в силах ни на чем сосредоточиться: любая мысль, прежняя или новая, порождала боль. Но больше всего ранили самые последние, самые свежие воспоминания. Роберт дома не появлялся. Наверное, думала она, снял номер в гостинице, но не факт. Говорить с ней хочет. Последнее, что она от него слышала, – это то, что он не может перенести самого ее вида. Услышав эти слова, Кэтрин чуть не задохнулась. А чего, собственно, она ожидала? Только не этого. Она отдавала себе отчет в том, что утаила кое-что о себе от Роберта, но не осознавала, по крайней мере до этого момента, сколько сама о нем не знала. Пытаясь представить себе, какое впечатление произведет на него эта книга, она не предвидела взрыва такой силы. Его ярость потрясла ее, он даже не пытался сдержать своих чувств, сделался глух к любому ее слову. А она ночевала в комнате для гостей, убегая от пустоты супружеской кровати.

Делая вид, что работает, она прикасалась к клавишам, но, вспоминая, как он показал ей эти фотографии, вновь содрогалась. Он хотел, чтобы она была наказана. Он считал, что она этого заслуживала. В самый первый момент она попыталась не смотреть на эти фотографии, отшвырнуть их в сторону, порвать на мелкие клочки, но они сразу проникли в сознание, и это была улица с односторонним движением. Эти кадры теперь навсегда останутся с ней. Откровенные в своей мерзости, они послужили документальной основой книги и теперь пытались подменить собой подлинность случившегося. А Роберт, к сожалению, верил этой подмене. А таинственность, которую она сама напустила и хранила годами, лишь укрепляла его вердикт: виновна. Ложное убеждение, будто у нее было право на молчание, стало ее проклятием.

– Ты слышала что-нибудь про директора школы, который ушел оттуда после «отставки» Бригстока? Так вот, выяснилось, что они подружились еще в Кембридже. Я достала номер его телефона – дать?

– Отбой, Ким. Сюжет не прорисовывается. Забыли! – не успев одернуть себя, резко бросила Кэтрин. Черт! Она теряла самообладание. Однако не надо отталкивать от себя Ким, поэтому Кэтрин потянулась к ней, положила ладонь на плечо: – Извини, оказалось, что это пустышка. Забудь.

Забудь про Стивена Бригстока.

Ким стряхнула ее руку и побрела в сторону, как побитый щенок. Нельзя было так с ней разговаривать, укорила себя Кэтрин. Надо держать себя в руках. Работа – единственное пристанище этой девушки. Кэтрин повертела в руке листок бумаги с телефоном и адресом Стивена Бригстока, который несколько дней назад дала ей Ким, и положила его в карман.

– Чаю? – предложила она.

Ким пропустила предложение мимо ушей, а Саймон поднял голову и улыбнулся:

– Да, с удовольствием, спасибо.

Он последовал за ней на кухню – в руках чашка, отбеленные зубы блестят.

– Все в порядке, Кэт? – В голосе его слышалось фальшивое участие.

Да отвали ты! Ее ненависть к этому человеку ни на чем не основана, и Кэтрин это понимала.

– Да-да, все нормально, благодарю.

– Переезд – одно из событий – не считая развода, – которые способны из себя вывести любого.

Она стояла к нему спиной, скрывая готовое вырваться наружу раздражение. Наверное, он заметил, как она рывкнула на Ким. Кэтрин бросила в заварной чайник два пакетика, залила их водой и, не давая чаю как следует завариться и не замечая, что он жестом просит ее подождать, с радостью наполнила его кружку бесцветной жидкостью. В этот момент ожил ее мобильник.

Эсэмэска от Роберта? Она попыталась унять дрожь в пальцах. *Если вы попали в аварию...* Черт! Реклама.

– Что-нибудь не так?

Она отрицательно покачала головой, но присутствие Саймона ее стесняло, не давало сосредоточиться. Она пошла в туалет. Ей нужно было побыть одной, одной, черт бы их всех побрал, нужно было подумать. Роберт не собирался ей звонить. Она надеялась, что, когда пройдет первое потрясение, он сумеет перебороть себя и выслушать ее, что она сможет сама все ему рассказать. А он просто отсек ее, как пораженную гангреной часть тела. Она старалась подавить поднимающийся в груди гнев, но он только разрастался. Неужели она не заслуживала того, чтобы ее хотя бы выслушали? Не отвечая на послания по голосовой почте и бесконечные эсэмэски, он заставлял ее ощущать себя какой-то липучкой. Она набрала номер его секретарши.

– Привет, Кэти, это я. Что-то никак не могу разыскать Роберта.

Собственно, ничего срочного у меня к нему нет, просто хотела, чтобы он по пути... – Сейчас она походила на женщину, которая подозревает мужа в супружеской измене. Если он у себя в кабинете, она немедленно предстанет перед ним. Бежать будет поздно, скандала он не захочет, придется ему ее выслушать.

– Так он же сегодня рано ушел, – раздалось в трубке. – Сказал, что хочет поработать дома.

– Ну да, конечно, и как это у меня вылетело из головы, глупость какая-то. – Что ни день, то новая ложь.

Переступая через порог, она споткнулась о дорожную сумку и почувствовала, как бешено заколотилось сердце. Он дома. Слава Богу, он вернулся. Но ведь это сумка не Роберта, а Николаса. Это Николас пришел. Вон, на кухне уже валялась куча нестираного белья. Однако Роберт тоже был здесь, сидел за кухонным столом рядом с Николасом. Перед каждым – кружка пива. Роберт улыбался. Ник листал страницы спортивного журнала. Ни тот ни другой не поднимали головы при ее появлении. На мгновение у нее мелькнула мысль или, скорее, видение: Николас спит в комнате для гостей, она лежит в постели рядом с Робертом. Но когда он бросил на нее взгляд, она поняла, что это всего лишь мираж, и его слова подтверждали это.

– Ник согласился пожить со мной, пока тебя не будет.

Что за... Николас повернулся к ней, и ее поразил его вид – бледный и усталый. Неужели он все знает? Но он улыбнулся и продолжил читать. Она открыла рот, хотела что-то сказать, но Роберт ее опередил. Это он тут всем распоряжался.

– Насколько я понимаю, готовится нечто очень крупное, так что тебя, скорее всего, не будет долго, несколько недель. Я уже и вещи твои собрал. Торопишься, наверное?

Каждая фраза – как пощечина. Он сказал Нику, что она уезжает в командировку. Она подошла к мужу, взяла его за руку. *Роберт...* Ей хотелось, чтобы он поднялся с ней наверх, выслушал, но он отдернул руку и взял телефон. Вызвал ей такси.

– А что за сюжет, ма? – спросил Николас.

– Твоя мать даже со мной не делится, – не дал ей ответить Роберт.

Сказал как выстрелил. Впрочем, Николасу это все равно не интересно, и он вернулся к своим олофутбольным сплетням.

– Такси уже едет, так что пойди проверь, положил ли я все, что нужно. – Какое-то время она не двигалась, готовая бросить ему в лицо: *да как ты смеешь?* – но в присутствии Ника не решилась.

Она поднялась наверх и села на кровать. Он уложил небольшой чемодан – одежды примерно на неделю. Она посмотрела на сложенные вещи: белье сбоку, застегнутая на молнию сумка с умывальными принадлежностями сверху. Она пошарила в чемодане в надежде, что, может, он оставил записку, где сказал, что ему нужно время подумать. Совсем немного времени, а потом они обо всем поговорят. Но нет никакой записки. Ему нет нужды ничего объяснять. Это ей нужно.

– Такси здесь! – крикнул он снизу, и она закрыла чемодан и понесла его к выходу. Ей хотелось, чтобы Роберт посмотрел на нее, встретился с ней взглядом, но он отвернулся. Он был очень оживлен, так и бегал по кухне. *Сейчас приготовим ужин. Нет, нет, вполне справимся, ты нам не нужна,* звучало у нее в ушах. Николас встал и неуклюже направился к ней, наступив по дороге на носок, лежащий немного в стороне от общей кучи грязного белья.

– Пока, ма.

Она обняла его. Без единого слова. Посмотрела через его плечо на Роберта. Тот все еще упорно отводил взгляд. Трус, подумала она и почувствовала, как Николас высвобождается из ее рук. Такси ждет.

Она закрыла входную дверь и направилась к машине, ожидающей ее с невыключенным двигателем. Водитель смотрел, как она кладет багаж на заднее сиденье и устраивается рядом.

– Куда едем? – спросил он. Стало быть, Роберт не решил, куда ей ехать. Так куда же? Она назвала водителю какой-то адрес.

Глава 33

2013, лето

Николас поднял сумку, отнес ее в комнату для гостей, небрежно швырнул на пол и бросился на кровать: свободный полет, ноги вытянуты, туфли не сняты, голова вминается в подушку. Он закрыл глаза и почувствовал: пахнет мамой. Открыл глаза. Да, это действительно мамин запах. Он принюхался к подушке. Точно, она. Выходит, мама спала в этой комнате. Какого черта, что происходит? Отец даже не попрощался, когда она уходила. На него это не похоже – он всегда такой внимательный. Вместо него пришлось попрощаться Николасу – кто-то же должен, в конце концов. Ему стало жалко ее. А ведь уж и не вспомнить, когда он в последний раз жалел мать.

Эта сцена напомнила ему детские годы, когда мама уходила на работу. Тогда это совершенно не смущало его. Возвращаясь домой, она начинала всячески хлопотать вокруг него, так, словно страшно соскучилась. А он не обращал внимания: все это было как-то не по-настоящему – она явно переигрывала. И так продолжалось изо дня в день. Случалось, он вообще с ней не разговаривал. Она всегда приносила подарки – собачонка Сэнди была одним из них. Скорее всего, она купила ее на бегу, в аэропорту, но все равно он полюбил игрушку – привык ложиться с ней спать. Когда мама бывала дома, именно она всегда укладывала его спать и читала на ночь. Он лежал с закрытыми глазами, притворяясь спящим, но она все равно читала, а он прислушивался к звуку ее голоса и в конце концов действительно засыпал. Она обиделась, когда он сказал, что не хочет забирать Сэнди. Какого черта, как будто он что-то ей должен!

Повернись все иначе, она ни за что не пригласила бы его пожить в их славном новом доме. А папа, наоборот, всячески его обхаживал. Только если он и впредь будет весело ворковать насчет еды – что, мол, на обед, что на ужин, – Николас умом тронется. Даже смотреть на то, как он заворачивал в целлофан остатки пищи, было тошно, Николасу не терпелось встать из-за стола и уйти наверх. И все равно немного домашнего уюта – это совсем неплохо. Вопрос в том, долго ли он продержится, если отец будет так же себя вести. Ответ: долго, потому что ему нужны деньги. Свою койку в старой квартире он кому-нибудь сдаст, и отцу совершенно не обязательно об этом знать: это его, Николаса, заработок. Бедная мама, меньше всего ей хотелось, чтобы он загадил их новенькую, чистенькую

комнату для гостей.

Он перегнулся через противоположный край кровати, взял сумку и вынул из нее пакет с умывальными принадлежностями. Зубную щетку он с собой взял, а мыло и шампунь – нет. Зачем? Он ведь «дома». С мамой удар бы случился, узнай она, что он прихватил с собой наркотики. Она решила бы, что он «теряет над собой контроль», «находится не на высоте положения», забеспокоилась бы, что он снова готов «перейти грань». Да ничего подобного. У него была постоянная работа. Приличный костюм. Чего им еще нужно? Все как прежде – родителям виднее, они лучше понимают, что происходит. Это с ними что-то происходило, только пойди пойми что. Они умели хранить свои тайны, ну а у него были свои. И все равно спасибо старику за щедрость, с которой он вызвался помочь ему провести отпуск. С девушкой. Николас поморщился. Нет у него никакой девушки. Но он придумал ее, потому что именно это папа хотел услышать.

Оттуда, где он лежал, были видны верхушки деревьев в саду. Они закрывали оконную раму. Как в старом доме, только здесь деревья пониже. Даже район тот же, совсем недалеко от того места, где он вырос. Отец обрадовался, услышав, что у него есть девушка, но самому-то Николасу девушки до лампочки – слишком много хлопот. А вот деньги ему нужны, поэтому придется и дальше что-то выдумывать – а может, он скажет отцу, что решил отдохнуть с друзьями. Ничего, проглотит, не будет же он брать назад обещание помочь. Он усмехнулся при мысли о том, что подумал бы отец при одном только взгляде на этих друзей.

Николас ненавидел это слово. *Друзья*. Кто это такие? Приятели? Собутельники? Соседи? Ну да, это просто люди, с которыми он квартировал, вот и все. Друг на друга им наплевать. Это словно рыбий косяк – то находишься в середине, то с краю, и все время рядом оказывается кто-то другой, но все плывут в одном направлении, держат единый порядок. Деньги на отпуск помогут ему продержаться на поверхности целую неделю: закрыть глаза и исчезнуть, немного расслабиться, а потом снова на работу. Он свернул косячок, сунул его в рот, но не закурил. Не надо волновать отца. Равновесие между работой и жизнью – ведь это так называется, не правда ли? И у Николаса хорошо получалось поддерживать это равновесие: то одно, то другое, то натянешь вожжи, то отпустишь, но не чрезмерно.

– Ужин готов, – донесся снизу голос отца. Ник закатил глаза и не ответил. Нет ответа. Когда-то это их бесило. *Ужин готов*. А он не отвечал. В конце концов кому-то приходилось идти наверх и брать его за руку. Ты что, не слышал? И так продолжалось годами. Он перекатился на другой

край кровати и зарылся лицом в подушку, вновь вдыхая запах матери. Они никогда не были близки, но от этого аромата у него едва не выступили слезы на глазах.

Глава 34

2013, лето

Этот запах заставил Кэтрин съежиться еще сильнее – он выдавал присутствие в доме старого человека. Нет, это не был запах мочи или чего-либо столь же определенного, и в то же время он был чрезвычайно специфическим. Что это? Мусор, который выносили чуть позже, чем следовало? Или въевшийся запах домашних животных? Меха попеременно с тканью? Цветочные духи, которые должны были перекрыть все вышеперечисленное?

– Привет, дорогая. – Мать поднялась к ней навстречу на слабых, подгибающихся ногах. Кэтрин поставила чемодан на пол и бережно обняла ее. Это было нежное объятие. Материнское объятие – но с ее стороны, со стороны дочери, которой хотелось, чтобы мать ее приласкала, и которая боялась, что время для этого давно прошло.

– Спасибо, ма, за то, что приютила. С ремонтом настоящая беда, Роберт уехал и... – Она говорила и говорила, в расчете на то, что мать не помнила, что ремонт кончился не одну неделю назад, а Роберт не уезжал по делам уже много лет.

– Он что, снова в Америке?

Не желая выдумывать больше, чем это было необходимо, Кэтрин молча кивнула.

– Приготовить тебе что-нибудь, детка?

Было семь вечера, Кэтрин проголодалась, но хотела только одного – лечь в темной комнате и заснуть. Ее подташнивало, в голове шумело.

– Знаешь, ма, у меня, кажется, начинается мигрень. Не против, если я прилягу? Надеюсь, скоро пройдет.

Мать склонила голову набок и сочувственно улыбнулась:

– У меня в твои годы тоже, случалось, голова болела.

Кэтрин прошла в спальню, единственную в квартире, и поставила чемодан у кровати, на которой когда-то спал ее отец. Собственно, это были две отдельные, но сдвинутые вместе кровати. Тут она вспомнила, что теперь на месте отца, ближе к двери, ближе к туалету, спала мать, и переместилась на прежнюю кровать матери. На краю одеяла, где обычно устраивалась кошка, осталось грязное пятно. Кэтрин разделась до нижнего белья, легла и закрыла глаза. Ей надо поспать. Если удастся заснуть, может, потом в голове прояснится и она попытается разобраться в том, что

происходит в ее жизни.

Она слышала, как мать медленно шаркала по ковру в домашних туфлях. Шаги приближались. Услышала, как на ночной столик опустился пластиковый стакан с водой, прошелестела фольга. Она открыла глаза и увидела склоненное над ней лицо матери – в ее протянутой руке две таблетки. Может, дней недели она и не помнила, но то, что бедный ребенок нуждался в заботе, не забыла.

– Спасибо, ма, – прошептала Кэтрин, проглотила таблетки и снова закрыла глаза.

Она лежала в темноте не один час, вслушиваясь в одиночество матери: вот она готовит скромный ужин, ставит тарелки на поднос и ест перед телевизором, разговаривая сама с собой. Потом начинается телефонная беседа. Голос у матери непривычно молод и бодр, и она начинает разыгрывать собственный спектакль.

– Да, да, все прекрасно. У меня Кэтрин. Да, чудесный сюрприз. Роберт в отъезде. Да, снова в Америке... – Все звучало вполне правдоподобно до тех пор, пока Кэтрин не услышала, как мать сказала собеседнице, что Ник остался дома с няней и у него все хорошо. – Такая славная девочка...

Все мы горазды на выдумки. Все умеем притворяться вполне довольными жизнью. Просто у мамы это получалось не так ловко, как прежде, и она, случалось, выпадала из времени и тем самым выдавала себя.

Под бормотанье телевизора в соседней комнате Кэтрин незаметно заснула. Проснувшись она в тишине и темноте, перевернулась на другой бок, чтобы посмотреть на холмик, возвышающийся на соседней кровати. Мать лежала на спине с открытым ртом, и прозрачная кожа свисала со скул. Так она будет выглядеть, когда умрет. Кэтрин безотрывно смотрела на нее, поглощенная печальной памятью утрат – собственного детства; детства ее ребенка; былой материнской силы и веры в то, что материнская любовь придаст ей силы справиться с любыми преградами; собственной веры в то, что она впитала в себя эту силу и та стала настоящей броней. Ей надо поговорить хоть с кем-нибудь, надо выговориться. Слишком трудно держать все в себе.

– Ма...

Мать слегка пошевелилась, ресницы у нее вздрогнули.

– Тут такое дело, ма...

Глаза у матери остались закрытыми. И тут Кэтрин открыла ей то, что не смогла открыть Роберту. Ее прорывало. Она говорила о том, как ей стыдно, как она виновата. Все говорила. А мать молчала. Услышала ли она ее? Или слова ушли и растворились в ее сновидениях? Да, быть может,

рассказ дочери ей только снился. Кто знает, может, она, проснувшись, вспомнит какие-то обрывки и решит, что это был сон. И все же это первое произнесенное вслух признание хотя бы позволило Кэтрин снова заснуть – погрузиться в сон настолько глубокий, что она не почувствовала, как мать потянулась к ее руке, поддержала ее какое-то время, а потом слегка сжала.

Глава 35

2013, лето

Все, что я делал, – делалось с благословения Нэнси. Я еще больше укрепился в этой мысли, надевая ее шерстяную кофту. Она так любила кутаться в нее, годами не снимала. Я носил и ее шапку – ту, вязаную. В ней застряли пряди ее волос, и получалось, что наши гены вступали в тесный союз. Все это возвращало меня в те времена, когда ближе нас с Нэнси никого в мире не было, когда мы только познакомились, Джонатан еще не родился, она еще не стала матерью. Когда нас было только двое. Сейчас у меня такое же чувство – нас снова только двое. Союзники. Соавторы. Это наша общая книга, ее написала не одна Нэнси.

Название книги придумал я. Вообще-то мы всегда выручали друг друга в поисках заглавия, и я до сих пор слышал, как она хлопает в ладоши и восклицает: «Точно, вот оно!», когда я предложил назвать ее новый роман «Идеальный незнакомец». Финал тоже мой. У Нэнси он другой, помягче, но я решил, что для первого читателя книги нужно нечто ударное. В общем, это я убил героиню.

Но главная тяжесть работы легла, конечно, на Нэнси. Я старался не думать, во всяком случае слишком часто, о том, как она сидела одна в квартире Джонатана и писала, вглядываясь в фотографии и пытаясь понять, как получилось, что наш сын оказался вынужден спасти этого ребенка. И ей удалось рассеять дымовую завесу тайны, сгустившуюся вокруг смерти Джонатана, извлечь смысл из бессмыслицы. Уверен, что именно это питало ее соками жизни, оправдывало каждодневное пробуждение – как впоследствии и мое. И лишь поставив точку, она позволила раку завладеть ею. Именно поэтому Нэнси мне и не звонила все то время: ей хватало книги.

По словам Джеффа, книжный магазин в нашем районе продал довольно много экземпляров, а несколько взял на продажу тот, что находился поблизости от дома Кэтрин Равенскрофт. Не так уж много, но все-таки. Приятно думать, что находятся совершенно незнакомые люди, которым она тоже не нравится, и я укрепляю свои позиции и шире раскидываю сеть. Негромко, бесшумно мы крадемся за ней. И нас становится все больше и больше.

Глава 36

2013, лето

Даже не глядя на номер, Кэтрин узнала его дом. Вообще-то мимо таких зданий лучше проходить как можно быстрее, не останавливаясь, но этот сразу приковал ее взгляд, вызывая, подобно утробному рычанию бездомного пьяницы на Черинг-Кросс-роуд.

Дом был мрачный, окна заляпаны грязью. Краска, столь свежая и радующая глаз на соседних зданиях, поблекла и осыпалась. Сад задущен вьюнком, правда, в нем выделялся один отважный розовый куст – пламенеющий куст-бунтарь, сладкий запах которого, поглощающий окружающее запустение, Кэтрин вдохнула, направляясь к подъезду. Стук в дверь эхом разнесся по всей улице. Никто не откликнулся, звонка на двери не было, и Кэтрин постучала вновь, на сей раз сильнее. Потом наклонилась к прорези почтового ящика. Крышка была откинута, а самого металлического ящика, куда опускают письма, не было, они соскальзывали прямо на пол. Она увидела невдалеке от двери пару туфель, ссохшихся и грязных, через спинку стула был перекинут пиджак.

– Мистер Бригсток, добрый день. Откройте, пожалуйста. Это Кэтрин Равенскрофт.

Она была преисполнена решимости, но все же сама услышала, что голос у нее слегка дрожит.

– Пожалуйста, – продолжала настаивать она. – Я знаю, что вы дома. Откройте дверь. Нам надо поговорить.

Ничто не изменилось. Кэтрин попыталась уловить малейшее движение внутри дома. Он отравил Роберта, настроил его против нее, вышвырнул ее из собственного дома. И теперь самое меньшее, что он должен сделать, – посмотреть ей в глаза и выслушать то, что она скажет.

– Мистер Бригсток! Откройте, пожалуйста. Что бы вы мне ни сделали, Джонатана это не вернет. Пожалуйста. Я заслуживаю того, чтобы меня выслушали.

Дверь осталась закрытой. Она набрала номер, который дала ей Ким. Было слышно, как внутри звенит телефон. Раздался голос автоответчика: «К сожалению, нас нет дома...» Голос женский. Нэнси Бригсток. Покойнице сообщения не оставишь. Она должна поговорить с ним, должна заставить выслушать себя, должна заставить его остановиться. Она была уверена, что он дома. Кэтрин вновь наклонилась и, насколько смогла,

просунула руку в щель на двери. Рука у нее тонкая и пролезла почти по локоть. Она попыталась нащупать задвижку, но ничего не вышло. Тогда она прижалась губами к щели:

– Я знаю, что у вас есть мой номер. Позвоните, только не надо молчать, как в прошлый раз. Я хочу поговорить с вами о Джонатане. Я заслуживаю того, чтобы меня выслушали, мистер Бригсток. – Она стояла на коленях, прижимаясь лбом к двери. Услышав негромкое дребезжание радио, доносящееся с дальнего конца улицы, она посмотрела в ту сторону и увидела припаркованный фургон с открытыми окнами и двух строителей, сидящих рядом с ним и закусывающих. Она повернулась к двери и, прикинув, что, возможно, его все же нет дома, вновь набрала номер телефона и на сей раз оставила сообщение.

Глава 37

2013, лето

Ощущение у меня было такое, словно через прорезь в двери она запустила слепого змея. Мы смотрели на его голову без глаз, он обнюхивался, стараясь выкурить нас отсюда своим зловонным дыханием, тянулся к замку, стараясь проникнуть внутрь. Надо было мне запастись топором. Меня одолевали демоны. Она – скорее Сирена, нежели Медуза. В голосе ее слышалось само Зло, когда она пыталась подманить нас к двери и завлечь пением телефонного звонка. Она хотела, чтобы мы ее выслушали? Ну так она опоздала. У нас уже нет сил выслушивать исповедь ее окровавленного сердца – да уж если на то пошло, то и на мужа ее тоже не осталось сил.

Он буквально в печенках засел со своими комментариями на сайте нашей книги: ему, видите ли, во что бы то ни стало надо рассчитаться за прошлое, необходимо встретиться с нами. Он долго был убежден, что речь шла именно о «нас» – мистере и миссис, так что пришлось написать ему по электронной почте, что моя жена уже несколько лет как скончалась, что Джонатан – наш единственный сын, что она так и не оправилась после его гибели. А впрочем, жалко его, беднягу. Мне кажется, ему совершенно ясно, что в книге он – персонаж случайный. Мне вовсе не интересно встречаться с ним, но на вопросы – на те, что могу, – я с удовольствием отвечаю. «Почему именно сейчас?» Ну, это просто. Достаточно сказать правду. Нашлись записи моей жены и фотографии, из которых стало ясно, что она много лет скрывала от меня то, что маленький мальчик, ради которого Джонатан пожертвовал своей жизнью, оказался на его пути не случайно, что он был близок с его матерью. Наша переписка протекала в весьма корректных выражениях. Он писал, что возмущен поведением своей жены и предпринимает все усилия, чтобы отдалиться от нее. «Непростительно», «жестокость, достойная всяческого осуждения». Он благодарен за то, что в конце концов «узнал правду», и «выражает надежду на то, что можно достичь известного примирения». Язык члена какого-нибудь комитета, рассуждающего о противоправных деяниях некоего диктаторского режима.

Я, со своей стороны, выразил сожаление, что, послав книгу и фотографии, заставил его, должно быть, пережить настоящий шок; мне жаль также, что второй экземпляр книги я передал его сыну. «Я буквально голову потерял, – писал я. – Мне казалось, что таким образом я оживляю и

Джонатана, и Нэнси». Надеюсь, продолжал я, вы хотя бы попытаетесь понять, какие муки я испытал. И мне кажется, голос мой был услышан, ведь он и слова не сказал о том, что Нэнси изобразила его жену как сексуальную хищницу. Он объединился с нами против нее.

Сзади подошла Нэнси и что-то прошептала мне на ухо. Она находила его излияния утомительными, ей хотелось как можно скорее снова увидеть Джонатана, и я немедленно вызвал его на экран. Мы смаковали один снимок за другим: Джонатану исполняется восемнадцать, на шее у него подаренный нами фотоаппарат; Джонатан с новеньким рюкзаком за плечами перед отправлением в Европу; улыбающийся красавец Джонатан на пляже, где-то в Англии, – впрочем, это могло быть где угодно, и мы остановились на Франции, первом этапе его европейского путешествия. Его любимые книги все еще стоят у нас полках – вот они. И музыка – это важно, это большая часть его жизни. Вкусы у него немного старомодные, но сегодня считается, что это «круто» – свидетельство глубины, свидетельство просвещенности. В нашей памяти Джонатан остался юношей – зрелости его мы не дождались. Он навеки остался молод, на переходе, накануне поступления в университет. В какой именно, он еще не решил. Бристоль? Манчестер? Все, что ему было нужно, – несколько друзей и среди них лучший друг, это мы должны ему были обеспечить. Друзья помогли бы ему выглядеть солиднее, более уверенным в себе.

Джефф немало поспособствовал нам в нашем проекте. Мы снова встретились с ним несколько недель назад и вместе пошли в местный книжный магазин, куда меня пригласили почитать отрывки из книги. Он оказался прав – тут действительно были весьма заинтересованы в продвижении авторов-земляков. Вынужден признать, что действо получилось весьма жалкое. Я на фоне нескольких экземпляров книг и небольшая группа людей, остановившихся послушать старичка, только что опубликовавшего свой первый роман. Дешевое вино, черствые бутерброды, словом, хотелось, чтобы все это представление закончилось как можно быстрее. Голгофа, право. Голос у меня срывался, я с трудом подбирал слова – они застревали у меня в горле и упорно не желали складываться во внятные предложения. Я понимал, что должен установить зрительный контакт со слушателями, но все равно не мог оторваться от печатного текста. Мне было не по себе под взглядами незнакомых людей. Находиться мне при свете ramпы явно не нравилось.

При первой возможности мы с Джеффом ушли и отправились в ближайший бар. Он чувствовал себя виноватым за то, что мне пришлось

пройти через это испытание. В конце концов, это была его идея. Мне кажется, он недооценил, как трудно пожилому человеку, не привыкшему к обществу, будет участвовать в такого рода делах.

– Забудьте, Джефф, – отмахнулся я. – Вместе со мной.

Я взял его кружку и направился к стойке. Вернувшись с пивом, я потцовски погладил его по руке.

– Вы были мне добрым другом. Если б не вы, книга бы не попала в магазин. А если б не ваше напутствие тогда, я никогда бы не взялся за новую книгу.

Он приободрился:

– Так это же здорово, Стивен. А про что книга?

– Я еще не до конца продумал сюжет, но герой у меня уже есть. Я вижу его, слышу. – Я с улыбкой постучал по лбу и усмехнулся. Вот, мол, он где, мой герой. – Пока я еще собираю материал и подумал вот, может, вы сумеете оказать мне помощь. Хотя вы и так потратили на меня кучу времени, так что не хотелось бы вас затруднять...

– Нет, нет, все в порядке. Говорите.

Ну, я ему все и рассказал. Один из персонажей – подросток, и я со своим долгим преподавательским опытом был уверен, что с описанием его характера я справлюсь, но вот некоторые детали из области техники меня смущали.

– Мне нужно создать для него страничку в «Фейсбуке». Настоящую...

– То есть как раз наоборот – ненастоящую? Характер ведь вымышленный, верно?

– Ну да, вроде того. – Я кивнул и отхлебнул пива.

Он замолчал. Я слышал, как в голове у него постукивают молоточки: пожилой человек, подростки, ненастоящая страничка в «Фейсбуке». Может, если объяснить, что мне нужно, удастся его расшевелить.

– Мальчишка – не главный герой, на самом деле меня больше интересует дед и его взаимоотношения с внуком, но что мне нужно, так это лучше понять мир, в который погружаются эти ребята, общаясь по Интернету. – Я мотнул головой, указывая на столик, за которым сидели несколько молодых людей: напитки, сигареты, улыбки, готовые в любой момент перейти в смех. Ничего особенного. Такая сценка характерна для любого десятилетия, разве что эти не открывают рта. То есть вообще не разговаривают. Даже не смотрят друг на друга. Взгляды их опущены и устремлены на мобильники, что приводит на ум сравнение с компанией старых дам, играющих в бинго. – Что это они там разглядывают? – Я покачал головой и растерянно улыбнулся.

– Понимаю ваше недоумение, – кивнул Джефф.

Тут, тук, тук – я слышу, как стучат молоточки.

– Может, это вообще дикая идея, так ведь я, и ощущая себя дикарем в этой обстановке, надеялся, что вы станете мне проводником в джунглях. Проводником кретина по «Фейсбуку» и вообще по пространству, в котором молодые люди «общаются» друг с другом. – Слово «общаются» я выделил, пощелкав пальцами. – Для меня это совершенно чужой мир.

– Для меня тоже, – сказал Джейфф.

– Ну что ж, извините, я просто подумал... – Облом.

– Но мой сын оттуда не вылезает.

– А я и не знал, что у вас есть сын.

– Есть. Ему восемнадцать. Живет с матерью, но приходит ко мне на каждые выходные. Вот он, наверное, мог бы оказаться вам полезен.

Так все и началось. По воскресеньям я с сыном Джеффа осваивал Интернет. А в обмен помогал ему выполнять домашние задания по английскому. Джефф был счастлив, когда сын стал приносить из школы пятерки, хотя обоим нам следовало бы согласиться, что из нас двоих я – ученик более прилежный. А вот к компьютерным урокам, которые давал мне молодой человек, претензий у меня не было никаких. Размах у него солидный. Пятьдесят друзей, скромно заметил он. Как минимум. И показал мне, как надо ими обзаводиться. Он был хороший учитель, а я первоклассный ученик. Временами мне казалось, что голова вот-вот лопнет от обилия новой информации, и тем не менее мне все было мало и мало. Как, во имя всего святого, ты помещаешь в ноутбук фотографию, сделанную в 90-е годы? Как?! Что ж, теперь я это знаю. А дальше просто – я рассылаю ее по разным адресам. И не только в «Фейсбуке», но и в гугле.

– Какая музыка ему нравится?

Я пожал плечами, внезапно почувствовав себя двоечником. В тот день он отпустил меня домой, предварительно загрузив в ноутбук несколько музыкальных записей.

Джефф всегда находился поблизости, он никогда не оставлял нас вдвоем. Заваривал чай, а я приносил с собой варенье, сделанное еще Нэнси, и мы намазывали его на булочки. Удачная получилась затея, мы славно провели таким образом несколько недель.

Теперь в моем распоряжении оказались новые краски, я овладел разными фокусами, которые мне были нужны, чтобы вернуть Джонатана к жизни. Отныне у нашего сына появилось будущее, и как же приятно было держать его в своих руках. Теперь, когда он отправится в очередное путешествие, мы сможем строже контролировать его предпочтения, лучше

следить за тем, как он выбирает себе друзей. Их не может быть слишком много, и важно, чтобы среди них оказался один, по-настоящему верный друг, которому всегда можно открыться.

Глава 38

2013, лето

На работу Кэтрин ездила автобусом, это был самый простой способ добраться туда от дома матери. Всего лишь практичность, никакой трусости. Если кто и трус, так это Стивен Бригсток. Она держала телефон включенным всю ночь, а он так и не позвонил. Она села в автобус и повторила про себя собственные ночные признания, соображая, как многое из сказанного дошло до матери. Мать ничего не сказала, но что из этого следовало? Она ее услышала? Запомнила что-нибудь? При мысли о том, что мать все услышала, но ни в чем ее не упрекнула, к глазам Кэтрин подступили слезы. Она смахнула их – пора натягивать маску, которую ей придется носить весь день. Маска прилегала плотно, никто ничего не должен заметить, Кэтрин привыкла даже к тому, что в ней неудобно дышать. Выходя из автобуса, она уже чувствовала себя в форме и шагала по улице как уверенная в себе женщина, которая в преддверии нелегкого рабочего дня никого вокруг себя не замечает. В том числе и пожилого господина в вязаной шапочке, смотрящего ей вслед. Они только что едва не коснулись друг друга локтями. Он ощутил ее запах. Он проводил ее взглядом до самого конца, пока она не исчезла из виду.

Кэтрин вошла в кабинет, срывая на ходу шелковый шарф с красивым принтом, который плавно, в такт шагу, опустился ей на грудь. Бросила сумочку, села и развернула вращающийся стул – много ли народу на месте? Никого, она первая. Странно, ведь уже десять утра. Она открыла ежедневник, начала листать его – может, пропустила случайно какое-нибудь собрание, – и тут заметила их. Они были сложены стопкой на столе. Экземпляры романа «Идеальный незнакомец», укоризненно глядящие на нее твердыми корешками.

Проклятие. Дрожащими руками она начала бросать их, один за другим, в стоящую под столом мусорную корзину. Проклятие. Стало быть, он был здесь. Слава Богу, она одна, но тут Кэтрин откинулась на спинку стула, подняла голову и увидела, что это не так.

На нее смотрели Ким и Саймон. Ким и Саймон стояли вплотную друг к другу. В руке Ким экземпляр книги. Кэтрин постаралась посмотреть ей в глаза, но та избегала ее взгляда. Саймон направился к ней с вытянутой рукой, словно перед ним дрожащая собачонка. *Молчи, пусть заговорит первым.*

– Кэт... – Он произнес ее имя с обычным для себя оттенком превосходства.

Она посмотрела на него, одновременно прижимая ступню к мусорной корзине, чтобы унять дрожь в коленях.

– Есть пара минут? – Он сел напротив нее. Ему еще никогда не удавалось скрыть снедающее его чувство соперничества. И такой шанс он ни за что не упустит. Ким встала рядом с ним. – Видишь, какая штука, Ким не знает, что ей делать, ну и пришла посоветоваться...

Ким не дала ему договорить, и голос у нее зазвучал, как у обиженного ребенка:

– Приходил Стивен Бригсток... он принес книги... свою книгу. – Она начала вертеть экземпляр в руке. Кэтрин впилась зубами в щеку, изо всех сил, до крови.

– А Ким сказала мне, – подхватил Саймон, – что ты будто бы велела ей перестать заниматься этим типом. Ну вот, мне и стало интересно, с чего это?

– Да неужели? Ну так вот, успокойся, тебя это совершенно не касается. – Голос Кэтрин дрожал, ему явно не хватало силы, которая должна быть заключена в прозвучавших словах.

– Боюсь, что касается... то есть я хотел, чтобы не касалось, но... если младший член нашей команды просит совета, это становится и моим делом тоже.

– Младший член команды? О Господи. Да кем ты себя воображаешь?

Он взял у Ким книгу и сделал круговое движение рукой.

– Ты сказала Ким, что этот деятель – педофил, попросила нарыть на него что получится. Она все сделала, а ты говоришь: все, забыли. – Он вновь сел на стул, скрестив руки на коленях, и пристально посмотрел на Кэтрин. – Я хочу понять почему.

– Я не обязана перед тобой отчитываться, Саймон. И перед тобой, Ким, тоже. – Она перевела взгляд на свою помощницу. – Это личное дело. К работе оно не имеет никакого отношения.

– В таком случае зачем ты просила меня достать его адрес и телефон? – Ким готова была расплакаться.

– Ты что, пустила его сюда? – резко бросила Кэтрин.

– Да. Позвонили с вахты, и я спустилась его встретить. Когда он представился...

– Все, Ким, – прервал ее Саймон. – Дальнейшее предоставь мне. – Он лучезарно улыбнулся ей через плечо. – Итак. Не знаю уж, про что эта книга... не было времени заглянуть в нее... но человек, которого ты

заподозрила в педофилии и занялась расследованием этого дела, является сюда с написанной им книгой. И говорит Ким, что ты тоже причастна ко всей этой истории. Что это книга про тебя. Ну и как прикажешь это понимать? – И, словно в поисках ответа, он начал перелистывать страницы.

– Я не говорила, что он педофил.

– Но... – растерянно пробормотала Ким.

– Я всего лишь просила тебя заняться окружением Стивена Бригстока и его биографией. Просила, потому что доверяла тебе. – Теперь уже Кэтрин была готова расплакаться.

– Эй, не переводи стрелки на Ким – это не ей надо оправдываться. – Саймон пододвинул стул вплотную к столу Кэтрин, так что до нее донесся запах его одеколона.

Ему удалось-таки заставить ее почувствовать себя побитой собачонкой. Она оглянулась – на работе по-прежнему никого, кроме них троих, нет.

– Я сказал, что у нас совещание, вот все и пошли в кафе.

– Ну и дерьмо же ты, Саймон. А ведь, похоже, доволен собой, не так ли? Ведь можно было встретиться и все обсудить в переговорной, так нет, тебе надо, чтобы все были посвящены в эту дурацкую интригу.

– Ах, Кэт, Кэт... это ведь ты сама ее затеяла. Ты не откровенна с нами, и это меня беспокоит, это может нанести ущерб репутации всей команды.

– Что? О чем это ты, черт подери?

– Мистер Бригсток пришел сюда, потому что ему страшно. С помощью Ким ты добыла его адрес и телефон, потом пошла к нему домой. Он утверждает, что ты пыталась вломиться, а когда это не удалось, оставила на автоответчике угрожающее сообщение. – Саймон еще ближе наклоняется к ней.

Она загнана в угол. Надо уходить. Она взяла сумку, но Саймон положил ей руку на плечо.

– погоди, Кэт, давай поговорим...

– Убери от меня свои грязные лапы.

Он подался назад и в знак капитуляции поднял обе руки – в одной из них книга.

– Это он меня преследует... поэтому я и пошла к нему домой. Чтобы поговорить... это он мне угрожает.

– Хорошо, хорошо. Но почему? Я хочу сказать, чем он тебе угрожает?

Ее оглушил шум крови в ушах.

– Это мое личное дело. И тебе совершенно необязательно совать в него свой нос.

– Слушай, да успокойся же ты.

– Не говори, что мне делать, подонок ты этакий. У тебя нет никакого права расспрашивать меня, а я не обязана... – Ни за что нельзя дать себе расплакаться.

– Ты явно не в себе. Не знаю уж, что ты пытаешься утаить, но, право, тебе же лучше будет, если выговоришься. – Он вновь коснулся ее плеча. Она выхватила у него из руки книгу, швырнула ему в лицо и, пораженная, увидела, что на щеке у него проступила багровая полоса, а из носа начала капать кровь. Оба они были настолько потрясены, что не смогли выговорить и слова. Лишь Ким сохраняла присутствие духа: она схватила бумажные салфетки и бросила их Саймону.

– Зря ты это сделала, – сказал он, затыкая ноздри салфетками, и она услышала в его голосе угрозу.

Его взгляд скользнул куда-то поверх ее плеча, она обернулась и увидела, что они больше не одни, появились зрители, немногочисленные, но заинтересованные. За происходящим через стеклянную перегородку наблюдали, потягивая кофе, ее коллеги. А она разыгрывала сцену – театр одной актрисы. Публика была в шоке и в то же время сочувствовала ей. Она поставила себя в униженное положение. Саймон ждал извинений.

– Ты сам напросился, мерзавец, – сказала она и вышла из комнаты, чувствуя на себе взгляды коллег и отворачиваясь от них.

Спускаясь на лифте, она представила себе, как все они бросаются к Саймону. О Господи, как же по-идиотски она себя повела. Бездарно проиграла партию. Она миновала охрану, прошла через стеклянные двери и, не останавливаясь, направилась к автобусной остановке. Она совершенно не представляла себе, сколько времени прождала автобуса. Две минуты? Двадцать? А когда он подошел, едва осознавала, как поднялась по ступенькам, прошла через турникет, села и стала смотреть через окно на улицы, серые и невзрачные.

1993, лето

Когда они впервые увиделись? Присутствовал ли при этом Роберт или уже уехал? Приметила ли она Джонатана, когда они с Робертом и Николасом еще составляли трио? Кажется, нет. Пока Роберт был с ней, она даже не догадывалась о существовании Джонатана. А какое у нее сложилось о нем впечатление при первой встрече? Юн и беззаботен – в отличие от нее. Темные волосы, загар, гибкое тело. Он наблюдал за ней и Николасом. Они сидели в прибрежном кафе. Как раз в день отъезда Роберта. Она старалась заставить Николаса выпить чай – еще ложку, а потом мороженое. Еще ложка риса, и мы оба закажем себе мороженое. Она

сама себя ненавидела за то, что ни дня, ни одного несчастного дня не могла прожить без мужа.

– Развлекайся по полной, – сказал Роберт перед отъездом. – В Лондоне слякоть. – И улыбнулся. И она постаралась улыбнуться в ответ, но безуспешно. Правда, и не расплакалась, хотя была на грани. Ей не хотелось закатывать сцену либо ставить Роберта перед выбором: или работа, или я. Она могла это сделать. И знала, что победит. Но не захотела.

– Мы поедem с тобой. – Она забросила удочку с другого конца.

– Ну что за глупость, зачем тебе это? Здесь ведь так хорошо. За гостиницу заплачено – живи не хочу. Ни тебе готовки, ни стирки, прекрасный пляж.

Верно, и пляж, и море, и солнце светит, но она не хотела оставаться одна. Послеродовая депрессия. Что, неужели уже пять лет прошло? Не может быть. Ей везет, все говорят. Везет.

Заигрывала ли она с ним? Заметив его взгляд, затеяла ли флирт? Послала ли зрительный сигнал? Она уступила Николасу и купила ему мороженое, хотя рис он так и не доел. А себе заказала пиво. А молодой человек улыбнулся, и она улыбнулась в ответ, и от этого молчаливого общения у нее кровь быстрее побежала по жилам. Потом они с Николасом вернулись в гостиницу. Он потребовал, чтобы она взяла его на руки, и она снова уступила сыну, хотя от пива ее разморило и нести его было уже тяжело, тем более что вдобавок у нее в руках были пляжная сумка с мокрыми полотенцами и игрушками, литровая бутылка воды и книга, которую она тогда читала. Она помнила, что, удаляясь от кафе, чувствовала на себе взгляд незнакомца и думала о том, как выглядит со спины. Шел ли он за ней до самой гостиницы? Потом он сказал, что ему все равно по пути...

Автобус притормозил, и она открыла глаза, опасаясь, не пропустила ли свою остановку. Нет, ей только на следующей, оттуда совсем близко до квартиры матери. Теперь это ее убежище.

Когда она вошла, сиделка все еще была на месте, а мать смотрела телевизор, звук которого был включен на полную мощность, чтобы заглушить шум пылесоса. Кэтрин хотелось повернуться и, ни на минуту не задерживаясь, выйти, но идти ей было некуда. А здесь она была в безопасности, хотя и понимала, что покой этот хрупок и в любой момент может лопнуть, как мыльный пузырь.

На голосовой почте сообщение от Саймона. Она и не думала его выслушивать. Мобильник ожил вновь. На этот звонок она тоже не обратила

внимания, отключила телефон и начала обход дома: поцеловала мать, помахала рукой сиделке Эйлин, заварила чай и присела, прикрыв глаза и не обращая внимания на шум в квартире. Когда она вновь открыла их, Эйлин уже надевала туфли, готовясь уйти. В доме тихо, телевизор выключен.

– Пока, – сказала Эйлин, – увидимся на следующей неделе. – И вышла, не дождавшись ответа Кэтрин.

Мать крепко спала. Кэтрин вообразила, как они с ней сидят бок о бок, обе спят, хотя и сомневалась, что у нее получится попасть туда, где сейчас пребывает ее мать. Она встала и пошла в спальню.

На телефоне два новых сообщения. Кэтрин прослушала все три – одно от Саймона и два от сотрудницы отдела кадров. Потом села на кровать и набрала номер.

– Добрый день, это Кэтрин Равенскрофт. Мне звонила Сара Финчэм. – Она надеялась, что эта дама «на совещании» и ей не придется говорить с ней.

– Добрый день, Кэтрин. Спасибо, что позвонили. – Кэтрин молчала. – Насколько я понимаю, у вас на работе сегодня случился инцидент. – Кэтрин по-прежнему не говорила ни слова. – Саймон заявил, что не намерен давать делу ход. Тем не менее мы вынуждены зарегистрировать факт физического насилия. В вашем деле появится соответствующая запись, хотя, повторяю, Саймон не выдвигает никаких претензий.

– Ясно. – Кэтрин услышала, что мать зашевелилась, и прикрыла трубку рукой.

– И нам придется проверить заявления, сделанные мистером Стивеном Бригстоком. Звучат они серьезно. Уверена, что это понимаете. Желаете что-либо сказать на данной стадии?

– Нет.

– Ну что ж, думаю, вам стоит недельку не появляться на работе – да, для начала, по меньшей мере, неделю. – Она замолчала. – Кэтрин? Вы меня слышите?

– Да-да, слышу.

– Я понимаю, у вас большие нагрузки, много работы...

– Работа здесь ни при чем. И нагрузки у меня нормальные. Я возьму отпуск...

– В этом нет необходимости. Отпуск вы можете сохранить... Я выпишу вам увольнительную по болезни.

Это у гребаных кадровиков такой жаргон, когда они хотят сказать: *с тобой сплошная головная боль*.

– Полагаю, нам стоит поговорить через неделю, когда вы вполне

придете в себя. Тогда и обсудим последующие шаги. – Молчание. – Может, вам стоит проконсультироваться с кем-нибудь насчет того, как лучше сдерживать себя. Уверена, вам посоветуют что-нибудь стоящее. Мы могли бы принять участие – например, заплатить за консультацию. С каким-нибудь независимым специалистом, и, разумеется, конфиденциальным образом. Как вам такой вариант?

– Что ж, хорошая идея, – с трудом выдавила из себя Кэтрин.

– Мы готовы заплатить за четыре сеанса. После этого, если захотите продолжить, уже за собственный счет... Кэтрин?

– Да, да, хорошо. – Вот и все, что она способна выговорить.

Собеседница попрощалась и повесила трубку. Кэтрин легла на кровать. Все шло самой собой. Все шло помимо нее, а ее куда-то уносило, и она закрыла глаза и отдалась этому течению.

1993, лето

Было восемь вечера, когда Кэтрин, бережно укрыв сына, уложила его спать. Предварительно она задернула в детской шторы, благодаря чему удалось заставить его поверить, что уже стемнело, хотя из ее комнаты было видно, что на улице еще светло. Для испанцев было слишком рано, так что в расположенном напротив гостиницы баре сидело лишь несколько любителей пива из Северной Европы. Спать Кэтрин не хотелось. Она надела джинсовую юбку и рубашку, поправила прическу. Выглядела она хорошо. Кожа покрылась легким загаром, и Кэтрин с сожалением подумала, что все это пропадает зря, поскольку Роберта рядом нет и он не может насладиться вместе с ней этим миром и покоем. Она взяла книгу, сигареты и ключ и спустилась вниз. Девушка на ресепшн пообещала присмотреть за Николасом, если он вдруг появится, хотя Кэтрин знала, что это просто слова. Если уж заснет, то ни за что не проснется.

Она села за столик на террасе бара, выходящей к морю. Официант принес ей жареный миндаль и свежих анчоусов; она заказала маленький графин белого вина. Дождавшись, когда его принесут, она закурила, глубоко затянулась и почувствовала вдруг, что ей хорошо. Может, и дальше будет не хуже. Она посмотрела на море. Легкие волны облизывали прибрежный песок. На пляже еще оставались люди: семьи – местные, испанцы, решила она, – и несколько пар, задержавшихся посмотреть закат. Вот тут-то она и заметила его.

Он пил пиво и курил. На нем была бледно-зеленая футболка. Он повернулся и посмотрел на нее. Она смутилась: кажется, он успел перехватить ее взгляд. И с чего это она на него уставилась? А потому, что он был открыт взгляду. Потому что он был единственным, кто стоял спиной

к морю и не проявлял интереса к величественному зрелищу солнечного заката. Он смотрел в сторону променада, и, поймав его взгляд, Кэтрин улыбнулась. Это не был флирт, это была чисто инстинктивная реакция, пусть даже сам он не послал ей и подобия улыбки. Просто ей не хотелось показаться нелюбезной. Она была на отдыхе. Вот и улыбнулась. На улыбку он опять-таки не ответил и от этого показался старше, чем был на самом деле. А она ощутила какую-то неловкость, поняв, что он знает, что она здесь одна.

Стараясь не выдать смущения, продолжая читать, она потянулась за миндалем, но угодила пальцами в маслянистые анчоусы, поэтому, чтобы не заляпать книгу и бокал с вином, ей пришлось оторваться от книги и нащупать салфетку. Тут она заметила, что он все еще сморит на нее, поднимает, как бы чокаясь, бутылку пива и, можно сказать, улыбается; заметила, но вида не подала, а просто вытерла пальцы и подцепила анчоус трубочкой от коктейля. Посмотрела на часы. Без четверти девять: еще пятнадцать минут, и она пойдет в гостиницу.

В глаза ей ударил свет. Вспышка от его фотоаппарата. Но на снимке не красивый, нежно-розового цвета, полукруг заходящего солнца. Камера была направлена в ее сторону. Она вспомнила, как смутилась, решив, что ее-то он и снимает. Хотя вообще-то, скорее всего, он хотел запечатлеть променад на фоне заката, когда здания освещают косые лучи опускающегося в море солнца. Да и располагается он ниже, под таким углом странно было бы ее снимать. Особенно в широком формате. Дорогая аппаратура для такого молодого человека. Она одернула юбку, стараясь прикрыть колени, и скрестила ноги. Это напомнило ей эпизод из какого-то фильма, и она подумала: может, лучше принять прежнюю позу, но остановила себя. Да что это такое с ней творится?

Она вспомнила, как ей стало не по себе. Она уже отвыкла быть одна на виду у всех, когда тебя таким вот образом разглядывают. Она не знала, как ей быть. И уж вовсе не представляла, что сделанные в тот вечер фотографии много лет спустя достигнут ее дома и муж швырнет ей их в лицо. Треугольник, состоящий из кружева и тьмы, волос, кожи и тени. Единственное, в чем она тогда отдавала себе отчет, так это в ощущении, которое испытала, поняв, что привлекла его внимание. Оно вызвало неловкость и в то же время, надо в этом признаться, возбуждение. Сейчас она заставляла себя вспомнить, как, сидя тогда на террасе с бокалом вина и анчоусом, наколотым на пластмассовую трубочку, думала, что скоро окажется в постели одна, проведет ладонью по телу и у нее возникнут разные мысли, и они будут об этом мальчике. Она кляла себя за эти

воспоминания, тем более что мысли о сексе с совершенно незнакомым мужчиной были прерваны телефонным звонком. Это ваш муж, пояснил подошедший к столику официант. Он звонит вам на ресепшн. Она перекинула через плечо сумочку и, оставив недопитым бокал вина, последовала за официантом в гостиницу.

Разговаривая с мужем, она краем глаза заметила, что молодой человек тоже вошел в гостиницу, и сердце у нее подпрыгнуло – нет, не от возбуждения, от тревоги. Он пересек холл, прошел мимо нее. Она вспомнила, что удивилась тогда, почему его никто не остановил, но так уж получилось. На шее у него висел дорогой фотоаппарат, лицо у молодого человека было привлекательное. Она отвернулась, стараясь сосредоточиться на разговоре с Робертом, сказала, что очень по нему скучает. Он сказал, что любит ее, она ответила теми же словами. Да, она тоже его любила. Тогда. А сейчас? Ей не хотелось думать об этом, она не могла об этом думать – пока. Но вспоминала она не сам разговор с мужем. Она вспоминала, как, вешая трубку, чмокнула мембрану и, повернувшись, увидела молодого человека сидящим перед стойкой бара. Перед ним стояли два бокала, и он, не отрываясь, смотрел на нее. На соседнем табурете лежала его сумка. По-прежнему не отрывая от нее взгляда, он взял ее и поставил на пол. И улыбнулся. Наконец. Улыбнулся непосредственно ей.

– Ты когда вернулась?

Кэтрин открыла глаза и посмотрела на мать.

– Недавно.

– Что, сегодня раньше отпустили? – Она улыбнулась, и Кэтрин на мгновение представилось, что мать спрашивает про школу: не отпустили ли, мол, раньше с уроков? Но нет, не может быть. Так далеко дело еще не зашло.

– Просто покончила с делами на сегодня.

– Больше голова не болела, дорогая?

У Кэтрин слезы подступили к глазам. Мать могла что-то знать, могла и не знать, но это не имело значения, потому что одно-то уж она всегда знала точно – она знала, что нужно ей, Кэтрин. А нужно ей, чтобы о ней позаботились, ни о чем не спрашивая. Чтобы рядом был человек, верящий, что она – не монстр, и в то же время не требующий и не ждущий никаких объяснений.

Глава 39

2013, лето

Большую часть дня Ник провел в спальне, покуривая травку: он уже придумал отговорки на тот случай, если папа вернется домой рано, но этого не случилось. Уже десять вечера, он снова у отца, дверь заперта, окна распахнуты. Он свернул очередной косячок, включил свет и перегнулся через подоконник. Комната для гостей была расположена прямо над кухней, и, глядя вниз, он видел отца через стеклянную крышу пристройки. Тот мыл посуду после ужина, и Ник понимал, что надо бы ему помочь, но ведь папаша не остановил его, когда он уходил. Он распрямился – так отцу, если он поднимет голову, будет легче увидеть его. Неужели он не почувствовал снизу запаха дыма? Этого не может быть, наверняка чувствовал. Впрочем, даже и в этом случае вряд ли что-нибудь скажет. Ему не захочется раздражать Ника. Жить с родителем под одной крышей нелегко, но так можно сэкономить деньги. Именно это заставляло его молчать, стиснув зубы, когда во время ужина отец расспрашивал про работу. Слава Богу, еще по телевизору показывали футбол, это помогло дотерпеть трапезу до конца.

Ник упал на кровать, успев заметить в зеркале свое отражение. Выглядел как покойник, лицо совершенно белое. Он поставил ноутбук на грудь, откинул крышку и представил себе тот неземной цвет, который, должно быть, приобретала его кожа при свете мерцающего экрана. Каменный саркофаг неизвестного молодого человека с книгой жизни в руках. Под оглушительные приветственные возгласы присутствующих он во всеуслышание заявлял о своем возвращении в мир. Виртуальные незнакомцы, виртуальные друзья. Он пробирался через толпу, мягко прикасался к протянутым рукам, стараясь никого не пропустить, наслаждаясь всеобщим вниманием. Он счастлив вернуться в мир живых, но и само его присутствие – дар людям.

Он услышал, как отец пожелал ему спокойной ночи, откликнулся, но с равным успехом мог бы пролаять, как собачонка, – изданные им звуки лишены смысла. Отец застал его посреди беседы, и он не хотел, чтобы его прерывали, его пальцы выбивали дробь, посвящая случайных встречных, кем бы они ни оказались, в его мысли, в его устремления. И кое-кто пытался понять услышанное и искушал его, призывая покинуть свое убежище. Далеко идти не надо – всего лишь за угол, там райский уголок,

где они собрались поболтать. Настоящая дыра, если честно, но стоило закрыть глаза, и все прекрасно. И вонь быстро перестаешь ощущать. Не то чтобы из таких походов стоило делать привычку – так он и не делал. Просто наведаясь пару раз, неслышно уходя из дома, когда отец спал, и непременно возвращаясь к завтраку, когда, уже переодетый в рабочий костюм, присоединялся к отцу за столом. После таких бдений разговор, правда, поддерживать было трудно, но папа все понимал. По утрам Ник никогда не бывал в форме.

Но сегодня все было иначе. Сегодня он хотел остаться дома. Он получил весточку, которую хранил до последнего, – предназначенное только ему персональное послание от нового друга. И едва ли не впервые в нем был оттенок правды. Он отдавал всего себя – один на один, их было только двое. И он – всего лишь ребенок, доверчиво глядящий на Ника снизу вверх, ловящий каждое его слово.

«Ну, как ты там?» – спрашивал Ник, и друг спешил поведать, что произошло со времени их последнего разговора.

У них много общего. Больше, чем можно было бы подумать, с учетом разницы в возрасте. Взять хоть эту чертову книгу, единственную, что попалась Нику на глаза за много лет. Ник признался, что прошелся по ней по диагонали, всю не прочитал, сразу заглянул в конец – и можете себе представить? Он-то теперь может. Собеседник пролистал рекомендованные ему главы – про секс. Чуть пресновато, милый. Может, что-нибудь еще в том же роде? И Ник послал ему нечто поострее, чем в книжке. Ник старше, он повидал побольше. Следуй моему совету: не поступай в университет, наплюй на Бристоль или Манчестер, оставайся в Испании, в Испании светит солнце. Приятель жадно вслушивался в слова Ника, ему нужны новые указания, и Ник не скупился на них. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить ее по пустякам, говорил он. Не то чтобы он был такой уж говорун – но говорил и говорил, не мог остановиться, про то, чего никогда вслух не произносил – и ты никому не говори, – а Джонатан ловил каждое слово, соскальзывающее с пальцев Ника, и требовал еще и еще, хотел знать про девушек, с которыми Ник спал, и о его рабочих планах, и том годе, что он провел, путешествуя по Соединенным Штатам. Джонатан все хватал на лету, впитывал в себя, усваивал.

Глава 40

2013, лето

Я знал все, что происходило в этом доме: она уехала, он, наоборот, переехал к отцу, который места себе не мог найти, бедняга. Тот небольшой пакет с книгами, что я принес ей на работу, тоже вроде сыграл свою роль. Она больна, на работу не ходит, объяснили мне по телефону. Нет, когда выйдет, сказать нельзя. Что ж, надеюсь, ничего серьезного, произнес я, вешая трубку.

Сердце у меня сделалось твердым как камень. Было время, когда я мог бы испытать к этому мальчику нечто вроде сочувствия. Даже мог бы попробовать прийти к нему на помощь. Меня тронуло, насколько он оказался открыт мне. Долгие годы преподавания в школе научили меня издали узнавать таких ребят – ребят, у которых в душе черная дыра. Они изо всех сил старались прикрыть ее демонстративным равнодушием: мол, им на все наплевать, а больше всего – на отношение к себе окружающих. Но я говорю о подростках. А он уже не подросток, ему двадцать пять лет, и сколько бы он ни «важничал» перед самим собой, сколько бы ни рассказывал, каким был в девятнадцать лет, когда смутно мечтал о путешествиях по Америке или каким там еще краям, от человека с моим опытом трепещущей, несчастной души ему не скрыть.

Ему было плохо. Ему до боли хотелось с кем-нибудь поговорить и говорить долго, за полночь. Конечно, у него были друзья, но это такие же пропавшие души, как и он сам. Я читал их дурацкие приколы. А к тому же они не знали его так же хорошо, как знал я. Когда я отключался от прямой связи, он тоже уходил из виртуального мира в мир реальный, к ним, своим накурившимся травки друзьям, а на следующий вечер возвращался с высунутым языком, в нетерпеливом ожидании моего появления, когда можно будет произвести впечатление рассказом о своих наркотических снах. Ну и пусть подождет – каких-нибудь десять минут или около того, пусть помучается немного.

Ему не понадобилось много времени, чтобы откликнуться на мой первый зов – его внимание привлекла фотография матери. Я пояснил, что обнаружил ее спрятанной у себя дома. Что на обратной стороне написано ее имя. Что потом мне удалось отыскать его следы. Кажется, он оценил это. По-моему, ему польстило то, что нашелся некто, специально приложивший усилия к тому, чтобы отыскать его. Сам по себе снимок был вполне

невинный – мать загорает на пляже, – но он дал ему пищу для раздумий. Породил вопросы, не существует ли между нами какой-нибудь связи. Может, у матери случилась любовная интрига? И на свет появился еще один ребенок, его единоутробный брат? И не я ли – тот самый брат? А ведь есть еще и множество других снимков, но до них пока дело не дошло – до них надо дозреть, собраться с силами. Сначала должно последовать нечто вроде врачебного предупреждения. Только не такого, какое сделал он, послав мне эту дрянь. Все же, думаю, мне удалось удачно прикинуться любознательным пареньком и представить Джонатана святой невинностью, так что совсем не сложно было представить себе, будто ничего подобного он раньше не видел.

Ему казалось, что я внимал каждому его слову – и в известной степени так оно и было. Бедняга, он повествовал свою печальную историю мальчику, который на шесть лет его моложе и которого уже как двадцать лет нет на этом свете. Он мог бы открыть свою душу Джонатану, но на месте Джонатана оказался я – тот, у которого в ушах звенел голос Нэнси, а перед глазами – написанные ею слова, материал будущей книги. Имея такую опору, не так уж трудно подтолкнуть столь слабое существо в нужном направлении. Все, что требовалось, так это заполнить окружающую его тьму и подвести к точке невозврата. А затем оставить одного, балансирующим на краю пропасти.

Глава 41

Отрывок из дневника Нэнси Бригсток Октябрь 1998 года

...Она казалась совершенно бесчувственной – полное отсутствие даже намек на сопереживание. Правда, вопрос: можно ли вообще ощутить чужое горе? Быть может, я прошу слишком многого. Так или иначе, хоть на что-то я рассчитывала. На несколько слов, из которых явствовало бы, что она хотя бы пытается понять горе понесенной мной утраты. А она сказала всего лишь: «Мне очень жаль. Печально, что все так вышло». Как это следует понимать? О чем она печалится? О том, что своей жизнью рискнул Джонатан, а не кто-то другой? Или ей жаль, что Джонатан погиб? Но этого она не сказала.

Я все повторяла и повторяла про себя ее слова, стараясь вникнуть в их смысл. Иногда я спрашивала себя, не вырвались ли они откуда-то из потаенных глубин ее души? Не случайное ли это признание – может, ей жаль, что ее сыну не дали утонуть? Но возможно ли такое? Я пытаюсь вообразить себе мать, желающую смерти своему ребенку. А ведь случается и такое, разве не так? Матери убивают детей по небрежности. Они ставят собственные нужды выше их интересов. Забывают о своей ответственности. Да, такое случается сплошь и рядом, об этом приходится читать. И верно, ее вполне можно упрекнуть в небрежении, ибо иначе каким образом мог пятилетний малыш оказаться один в открытом море? Отчего она не бросилась ему на помощь?

Когда мы встретились, я уже знала, что они с Джонатаном были близки, но она утверждала, что до того дня в глаза его не видела. Как это может быть, ведь они отдыхали в одном и том же маленьком курортном местечке? А она все повторяла и повторяла: «Раньше мы не виделись». Лгунья. Я могла бы сказать, что видела фотографии, но промолчала. Не было у меня сил спорить, да к тому же какой в этом смысл? Это ведь не вернет мне Джонатана. Все мои силы уходили на то, чтобы держаться на ногах, стоять с ней рядом у могилы моего сына. Я дрожала от холода. Я была измучена. Мне хотелось от нее хоть чего-то – например, увидеть ее сына, и я нашла в себе силы попросить об этом. Я надеялась, что мы увидимся еще раз и что она приведет сына, но она отказалась. Не было никакой новой встречи. Больше я ее не видела и так и не увидела ее сына, который остался жив только благодаря моему мальчику.

Помню, ее щеки порозовели на холоде, и вся она источала здоровье, и

мне было завидно. Помню капельки пота на ее губе и матовую кожу. От нее исходил жар. Жар, но не тепло. Кровь, текущая у нее по жилам, слишком холодна, чтобы понять, каково это – услышать от незнакомого человека, что твой ребенок мертв, каково это не быть рядом с сыном, когда он в тебе нуждается более всего, когда взывает к тебе. А ты не можешь ему ничем помочь, не можешь подставить плечо, не можешь сказать: «Все хорошо, я здесь». Но меня не было там, рядом с Джонатаном, чтобы взъерошить ему волосы, поцеловать и сказать, как я его люблю. Со стороны всего этого не понять, надо самой пережить этот ужас.

Ее сынок играет и веселится здесь, на этой земле, а мой гниет под ней. Она даже не посмотрела на надгробный камень, на котором мы высекли слова: «Он был нашим ангелом». Не посмотрела, не повернула головы. Не принесла цветов. Зачем, интересно, она вообще пришла туда? Хорошо бы ее сын знал, кому он обязан своей жизнью. Хорошо бы он знал, что, если бы не Джонатан, не пребывать бы ему в этом мире.

Глава 42

1993, лето

Она вспомнила, как поднялась на ноги, выкрикивая имя Николаса. Какое-то время назад она заснула, подложив под себя полотенце, на спине, ногами к морю. Она была совершенно вымотана. Спать не собиралась, просто позволила себе прилечь, закинув руки за голову, тем более что Николас был всем доволен.

Она уступила его просьбам и купила красно-желтую резиновую лодчонку, которая попалась им на глаза в первый же день, когда они с Робертом, взяв Николаса за руки, прогуливались по променаду. Тогда им удалось увести сына от надувных дельфинов, акул и лодок, заменив их ведерком, лопаткой и грузовичком, чтобы играть на песке. Но потом он снова взялся за свое, выпрашивая лодку, и в последний день она сдалась. Он будет доволен, а если он доволен, то ей удастся спокойно отдохнуть.

Время от времени она поднимала голову, чтобы убедиться, что с сыном все в порядке, и так оно и было: Николас сидел на песке в надутой лодке, совершенно счастливый положением капитана собственного корабля. Но, повернувшись в очередной раз, увидела, что лодка подпрыгивает на волнах. Она не собиралась засыпать. Она вскочила и позвала сына. Волны начали набегать одна на другую, подбрасывая лодку все выше, но мальчик по-прежнему улыбался, по-прежнему был всем доволен. А рядом купались, ныряя, выныривая, покачиваясь на волнах, множество людей. Все были совершенно спокойны. Она шла к берегу, не сводя глаз с Николаса, время от времени окликая его, с каждым разом все громче, но он даже головы не поднимал. Он пребывал в собственном мире, не слыша и не видя ничего вокруг. Легкие поначалу, волны поднимались все выше, они уже заливали лодку и тащили ее вдаль от берега.

Он больше не был в своем мирке, его несло в открытое море, туда, где оно сначала сделалось темным, потом черным. Солнце скрылось, задул ветер.

– На помощь! – закричала она, бросаясь, наконец, к берегу. – Помогите мне! – рыдала она, вся дрожа, напуганная.

Потом она вспоминала свои слова со стыдом, ведь звала на помощь себе, а не ребенку. Она добежала до кромки воды, зашла по пояс и остановилась. Она знала, что плавать неважно, сил не хватит, и ей стало страшно. Она испугалась, что утонет. Сейчас она заставляет себя признать

это.

Не щадя себя, она вспомнила эту сцену во всех подробностях. Она не стала рисковать собственной жизнью ради жизни ребенка. Она говорила себе, что, если поплывет, утонут оба. Она всегда боялась глубины, даже голову в воду не опускала. Это мужчины тонут, спасая детей и собак, – не женщины. Отцы, а не матери. Странно, но ей даже не приходилось слышать о женщинах, бросающихся на помощь тонущему ребенку, и, напротив, не составляло никакого труда вспомнить множество случаев, когда мужчины бросались в бурлящие реки либо грязные канавы, не думая о себе, ведомые лишь слепым мужеством. То есть, наверное, такие женщины существуют, но она не припоминает, чтобы читала про них. Таким образом, она была не одна, кому не доставало храбрости. Будь это горящий дом, либо подоконник на верхнем этаже небоскреба, либо помешанный, целящийся из винтовки, – другое дело. Тогда бы у нее мужества хватило. Она бы бросилась в пламя, не побоялась рухнуть с высоты, прикрыла бы Ника своим телом... но море? Море отпугивало ее.

И тут возник он, отбросил ее в сторону, пробегая мимо, и бросился в волны, как настоящий спасатель. А кстати, куда они все, черт возьми, подевались? Даже флага на пляже не было. Он оказался единственным, кто откликнулся на призывы о помощи. «Нет!» – невольно вырвалось у нее. Это был вскрик, которого никто не понял. А она просто не хотела, чтобы это был он. Только не он, ради Бога! Она смотрела, как он плывет к ялику. А тот бешено раскачивался на волнах – это Николас старался встать на ноги. Только не это, пожалуйста, не надо, так ведь можно вывалиться за борт! Она принялась яростно жестикулировать, пытаясь таким образом усадить его на место, но он был слишком далеко, чтобы увидеть ее.

Теперь она была не одна. Подошла супружеская пара с младенцем, и еще одна семья, англичане, женщина заботливо обняла Кэтрин за плечи. Оказались рядом и испанцы, все заворуженно смотрели, как малыша подбрасывает на волнах и к нему, мощно работая руками, приближается молодой человек. Она знала, что сил ему хватит, до Ника он непременно доберется. Ничто его не остановит. И так оно и вышло, и все вокруг заулыбались, и англичанка впиалась ей в плечо и тоже расплылась в улыбке, но сама она оставалась мрачной. Она вглядывалась в море, и ей становилось все хуже и хуже.

Он плыл к берегу, таща за собой ялик. Он гипнотически приковывал к себе взгляды – греб одной рукой, но продвигался, продвигался вперед. Героическое зрелище. Настоящий храбрец. Такие мысли мелькали у нее в голове, когда она расслышала тревогу в звучащих вокруг голосах. Сначала

невнятная испанская речь, затем заговорил англичанин – глава семьи: «Там что-то не то, им нужна помощь!» И он уже собрался сам броситься воду, но его опередил какой-то испанец, помоложе. Не столь юный, как Джонатан, и все-таки молодой. Сколько ему было? Около тридцати? Ее возраста? Он приблизился к лодке, ухватился за конец веревки и поплыл назад. Какое-то время, впрочем, казалось, что они с мальчиком остаются на месте, волны тащили их назад, но все же ему, этому испанцу, удалось перебороть течение, и он, хоть и медленно, с каждым гребком приближался к берегу, где можно было ни о чем не беспокоиться. И все смотрели на него с Ником, а не на Джонатана. Все считали, что уж ему-то ничто не угрожает.

И в конце концов Николас оказался на берегу, она вытащила его из затопленного ялика, завернула в полотенце и прижала к себе. Он дрожал от холода и не мог выговорить ни слова – зубы выбивали настоящую дробь. Он припал к материнской груди, она накинула ему на голову полотенце, словно это был капор, и еще теснее прижала к себе. И лишь затем повернулась и увидела, что молодой испанец и папа-англичанин плывут к Джонатану, оставшемуся где-то далеко от берега и, казалось, не делающему никаких попыток приблизиться к нему. Он слабо шевелил руками, его затагивало вниз. Все выглядело как в замедленной съемке.

Все вокруг говорили по-испански, все улыбались, гладили Николаса по голове, все были счастливы: мальчик спасен. Но тут одна английская мама наклонилась к ней и прошептала на ухо:

– Не позволяйте ему смотреть в ту сторону. Он не должен этого видеть.

И люди сомкнулись, закрывая от Николаса вид на море. Кэтрин же обернулась и увидела, что из лодки вынимают тело Джонатана. Это была спасательная лодка, только подошла она слишком поздно. Она смотрела, как труп кладут на песок, затем отвернулась и прикрыла собой Николаса.

– Ты делаешь мне больно. – Это были его первые слова.

Она не сразу поняла, что прижимает его к себе слишком сильно. Другие матери образовали подобие стены, не позволяющей ребенку увидеть тело человека, который спас ему жизнь.

– Лучше бы вам, наверное, вернуться с ним в гостиницу, – сказала англичанка, все еще не убирая ладони с плеча Кэтрин. – Где ваши вещи?

Она указала на полотенце и пляжную сумку, и англичанка пошла за ними. Кэтрин поспешно натянула на сына футболку и взяла его за руку.

– Пошли домой, может, там тебя напоят горячим шоколадом, – предложила она и сама поразилась тому, как спокойно прозвучал ее голос.

– Пошли, – бодро согласился малыш, берясь за свободный конец

веревки, прикрепленной к ялику.

– Давай лучше оставим его здесь, Ник. Нам ведь уже завтра лететь домой, а на самолет его не возьмешь. Пусть кто-нибудь еще поиграет.

Она уже приготовилась к слезам, но все обошлось. Все осталось позади. Эффект новизны пропал. Ник больше не вспоминал про резиновую игрушку и то, что с ней было связано. Ни разу не вспомнил. А она ожидала этого со страхом. Боялась, что он вспомнит, как ему было страшно, как далеко он оказался от берега, а ее рядом не было, как разбушевалось море, как его в конце концов спасли. Но нет, ни слова про это. Что ему было холодно, да, это он сказал, но не обмолвился, что боялся утонуть. Вообще, не говорил, что ему было страшно. А может, и впрямь не было. Он замерз, ему хотелось вернуться на берег, потом кто-то пришел и взял его на руки. Вот и вся история. А за жизнь свою он ни капельки не боялся.

Поднимаясь по лестнице, ведущей с пляжа, Кэтрин обернулась и увидела Джонатана: он лежал на песке, накрытый двумя полотенцами. Мертвый. Она знала, что он мертв. И что почувствовала? Она заставляла себя вспомнить. *Что она тогда почувствовала?*

Глава 43

2013, лето

Этот сюжет повторяли в новостях целый день – про детей, которые расстались с жизнью, боясь рассказать родителям о картинках, которые они послали по Интернету хищникам-взрослым, прикидывающимся их друзьями. Некоторым из этих детей было не больше восьми. Слушая эту передачу, я как раз перебирал детские фотографии Джонатана в поисках той, которая нравилась мне больше других – именно таким мне хотелось бы его запомнить. Если бы дело происходило в наши дни и если бы Джонатан был ребенком, не думаю, что он бы стал жертвой этих чудовищ. Никогда бы он не умер от стыда, потому что знал, что всегда может обратиться к матери. Знал, что может рассказать ей все что угодно, и меньше она любить его она не станет. Они были близки, как могут быть близки только мать и сын.

Настолько близки, что именно она, а не я, поведала ему, как появляются на свет дети.

Мать, а не отец. Казалось бы, мне это было сделать проще, но слушал он именно Нэнси, разговаривал прежде всего с ней. Когда я попытался немного просветить его на этот счет, он заткнул уши и что-то замурлыкал, да так громко, что буквально оглушил меня. Потом мы с Нэнси даже смеялись – какой он был забавный, какой глупенький. Половая зрелость у него наступила рано, ему было всего одиннадцать лет, но все равно ему понадобилось знать, что к чему. И Нэнси вызвалась взять это на себя. Ну что ж, удачи, помнится, подумал я, только ведь он еще больше смутится, если про секс ему расскажет мама. Как выяснилось, я ошибся.

Она усадила его рядом с собой, заставила посмотреть прямо в глаза и сказала, что тут нечего бояться и нечего смущаться. Все вполне естественно. Когда-нибудь ему встретится подходящая девушка, и потребности, которые сейчас кажутся ему столь смущающими, обретут смысл. Стыдиться тут нечего, собственное тело надо знать. По сути дела, она подтолкнула его в этом направлении, заметив, что в случае чего он всегда может к ней обратиться. Помню, как, бывало, проходя мимо его закрытой спальни, я слышал, как они с Нэнси о чем-то шушукуются. Он знал, что может ей довериться, а я понимал, что мне лучше не вмешиваться. Джонатан мог быть уверен, что мать его всегда поймет. Наш сын всегда будет защищен от интернет-хищников вроде меня.

Я солгал насчет своего возраста, чтобы завлечь к себе в друзья кого-нибудь помоложе. Я прикинулся другим, не тем, кем был на самом деле.

Вчера вечером я разместил оставшиеся фотографии. Ни одному ребенку нельзя показывать такого. Подумайте, каково бы вам было, если бы ваша мать предстала перед вами в таком виде – все открыто, срам, непристойность. Не думаю, что кому-то удалось бы стереть из памяти такие картинки. Но нечего копаться в прошлом. У нас миссия.

Маленький Ник. Он ждал меня – он хотел больше узнать про эти снимки. Кто их сделал? Ну, так я ему и сказал. Затем отправил фотографию Джонатана, ту, что я выбрал. На ней запечатлен десятилетний мальчик в свитере, который связала и подарила ему на Рождество бабушка. Он явно доволен собой, грудь выпячена так, чтобы лучше была видна черепашка Ниндзя, которую бабушка вывязала прямо посередине. И добавил несколько слов:

Джонатан Бригсток

26 июня 1974 – 14 августа 1993

Идеальный незнакомец, умерший, спасая твою жизнь

Ему понадобится какое-то время, чтобы направить свои мысли на умершего Джонатана – своего юного друга, каким он никогда не был, – направить мысли на все то, что я для него приготовил. Поможет книга: я отметил страницы, так что на сей раз он уже никак не сможет не узнать ее или себя. Нэнси тоже должна сказать свое слово. Возможно, ему удастся дать какие-нибудь ответы на ее вопросы.

Почему она не пришла на помощь своему ребенку? Что же это за мать, которая поворачивается спиной, когда он остается один в море? Ребенок, даже не умеющий плавать. Без спасательного пояса или жилета. Да какая же мать, если она только в своем уме, на это способна? Или она все же не в своем уме?

Она была готова увидеть своего ребенка тонущим – ведь сказала же она, что лучше бы Джонатан не делал этого. Это были ее собственные слова. Неужели похоть может быть сильнее материнской любви? Малютка Ник. Неужели он был таким уж маленьким монстром, что мать не считала его достойным спасения?

Ну вот, ушел мой последний пост – отрывок из дневника Нэнси. Ощущение такое, будто я засунул котенка в мешок и бросил в канаву. Я слышу, как он мяукает, но ничего не могу для него сделать. Тони либо выплывай – выбор твой.

Глава 44

2013, лето

Кто-то схватил его за руку и потащил к двери. Все, надо немедленно заканчивать с этим. Кто-то вытолкнул его на улицу, запер изнутри дверь, не дал войти. Он сделал шаг вперед и споткнулся. Или, может, его толкнули в спину? Нет, споткнулся. Лучше присесть. Пересидеть. И он сел на землю, прислонившись к стене. В руках у него все та же книга. Он стал перелистывать страницы, добирался до конца. Хотел прочитать про смерть матери. Он засмеялся. Что за дикий бред! Ее пытаются столкнуть под колеса поезда, ну и удачи вам. Назад, назад, еще раньше. Надо найти про секс. Мамаша сосет у девятнадцатилетнего петушка. Каково? Мерзость. Это подействовало на него, трудно было вынести. Он поднялся на ноги, бросил книгу на землю и помочился на нее. На коже проступили крупные холодные капли пота. Он уперся ладонями в стену, выпрямился и сильным ударом ноги отбросил книгу в сторону, как можно дальше; смотрел, как она скользила по тротуару. Он сполз вниз по стене, снова сел. Закрыв глаза. Все без толку: перед глазами те же картинки. Он вонзил ногти в виски, стремясь прогнать их, но опять ничего не получилось: слишком четкие.

Мамочкина любовь. Исчезла в море. Она видела, как он умер. Бедная старушка мама. Орел-решка, и Ник остался в выигрыше. Сохранил жизнь, хотя должен был умереть. Кому-нибудь следовало бы помочь ей – протянуть руку и самому броситься под поезд. Он закрыл глаза и увидел прыгающий на волнах красно-желтый ялик – пятнышко где-то вдали, пятнышко, мелькающее на краю мира.

Перед ним плыли цифры. Двойка или семерка... нет, все же двойка. Две двойки: двадцать два. И больше ничего. Пустой дом. Вместо окон – доски. Имелся звонок, и он потянулся к нему скрюченными пальцами, прижался ухом к двери. Его бросало то в жар, то в холод, тошнило. Он не помнил, как попал сюда, но так или иначе он здесь. Там, где ему хотелось быть. Какое-то время его тут не было, он сдерживал себя. Где-то вдалеке слышен звонок. Открылась дверь, он зашел внутрь, и в ноздри ударил знакомый запах собачьего дерьма. Его тошнило прямо в собственные руки – он пытался удержать рвоту. Такое уже случалось, и с тем же результатом – ничего не получалось, брызги летели в разные стороны. Сложенные ладони разомкнулись, но никто не обратил на это внимания. Пойди умойся, приятель. Он внутри, с трудом поднялся по лестнице. Закрывать бы глаза на

минуту, и все придет в норму. Он съежился на полу – гигантский зародыш – и прислушался к негромким голосам. О чем идет речь, ему знать не нужно, главное – слышать звуки речи. Этого достаточно для того, чтобы убедиться: он – один из них, спутник.

Он придумал для матери другой сюжет: она – трагическая героиня, теряющая единственного сына в морской катастрофе. Потом она вполне оправится от утраты, сыграет свою роль наилучшим образом – она ей подходит куда больше, чем роль матери никчемного заморыша и плаксы.

Он перевернулся на спину, открыл глаза и посмотрел в потолок. Кто-то улыбнулся ему. *Все в порядке?* Он улыбнулся в ответ. Он чувствовал себя лучше. Немного лучше. Побрел в ванную. Смыл с ладоней следы рвоты, подставил под кран лицо, прополоскал рот, сплюнул. В кармане ожил мобильник. Отец. Пусть катится куда подальше. Он звонит маме. Это ее голос? Или он оставляет сообщение? Что-то в голове проясняется.

– Как ты там? – послышался голос из-за двери.

– Нормально, – прохрипел он, видя, как в зеркале шевелятся его губы. Он рывком поднялся и открыл дверь. На пороге стояла какая-то девушка. Хорошенькая.

– Ну, как ты? – Она заглянула через его плечо в ванную. – Кто это там с тобой?

Он отступил в сторону, давая ей войти.

– С кем это ты разговаривал?

– Ни с кем.

– Ты кричал.

– Мне было плохо. – Он схватил ее за руку, но она отстранилась. Он поплелся в гостиную и сел на диван. От дивана воняло, кто-то на него помочился, в спину впились пружины. Но ему не хотелось шевелиться. Ему не хотелось уходить отсюда – никогда. Только здесь он мог быть самим собой.

Глава 45

1993, лето

Она вспоминала вопросы, которые ей задавали в испанской полиции: вы были с ним знакомы? Вам приходилось с ним раньше встречаться? Нет, в тот день мы увиделись впервые, ответила она, и в полиции не стали ее больше задерживать, позволив уже на следующий день улететь с Николасом домой. В распоряжении полицейских была его сумка: они знали, где он остановился, они известят английские власти, а те уж сами свяжутся с родственниками молодого человека. Несчастный случай. Она может ехать домой. Вопросов к ней больше нет.

Вечером она упаковала чемодан, а наутро они с Николасом вызвали такси, доставившее их в аэропорт. Никаких происшествий в полете не было, все нормально, сказала она Роберту, когда под вечер они оказались дома. В магазине беспошлинной торговли она купила бутылку виски, и перед сном они выпили по паре бокалов. Она вспомнила, как, закрыв за собой дверь в ванную, принялась разглядывать в зеркале след от укуса на шее, погуще намазала его кремом, затем выключила свет и легла в постель. Он потянулся к ней, поцеловал в губы, затем соскользнул ниже, прижался ртом к животу. Он был так нежен. Они занялись любовью, хотя, честно говоря, особого желания она не испытывала. Но чувствовала, что это ее долг, что так нужно, иначе не стереть следов того, что произошло. Он ласкал ее, говорил, как соскучился по ней. Он был так мягок, так ласков. А она не одну неделю скрывала этот красноречивый след на шее, пока он не исчез окончательно. Да и на бедре синяк то ли пожелтел, то ли позеленел и сделался почти незаметен. Она хранила свой секрет, запрятав его глубоко-глубоко, и постепенно, по прошествии многих лет, ей удалось разжевать его, как хрящ, измельчить так, что можно было проглотить, не поперхнувшись.

Случалось, она была готова обо всем рассказать Роберту, но в последний момент останавливалась: это было бы слишком эгоистично. Не погибни Джонатан в тот день, все было бы иначе. Доплыви он тогда с Николасом до берега, все было бы иначе. Это был ее секрет. Он принадлежал только ей одной. И она решила ни с кем им не делиться.

На ночном столике ожил мобильник. Кэтрин мгновенно схватила его, а то мать, только что заснувшая после очередного похода в туалет, проснется. Четыре утра. У нее заколотилось сердце. Это Николас. Она соскочила с

постели и бросилась вон из спальни, бесшумно, чтобы не потревожить мать, закрывая за собой дверь.

– Да? Это ты, Ник? – Слишком поздно. Звонок уже приняла голосовая почта. Она надеялась, что он оставил сообщение. Так оно и есть. Она вслушалась, и ее словно перенесло на двадцать лет назад. В паху возникла боль, такая же острая, как тогда. Основной материнский инстинкт, пробуждающийся, когда ребенок оказывается слишком близко к краю. Вот это все она сейчас и переживала, слушая сообщение, посланное Ником, – сообщение, состоящее не из слов, а из рыданий, всей своей тяжестью придавливающих телефонный аппарат к уху.

Она вновь и вновь немеющими пальцами набирала его номер. И слышала только механический голос Ника, предлагающий оставить сообщение. За окном пела какая-то птица, но еще не рассвело, и пение ее звучало как-то не так. Как и ее, птаху слишком рано выгнали из гнезда. Она схватила жакет и сумку и выскочила из квартиры. Машины у нее не было, и она побежала к местной стоянке такси. Ей хватило пяти минут, чтобы растолкать спящего водителя, и он повез ее домой. Машин на улицах в такой час почти не было, и она добралась за двадцать минут. Кэтрин расплатилась с водителем, подбежала к подъезду и вошла в дом.

Глава 46

2013, лето

Каким образом Нэнси узнала о том, что Джонатан связался с этой шлюхой? Как ей удалось описать их связь в таких подробностях? У нее оказались фотографии со всеми гнусностями, ну а остальное подсказало воображение – писательница как-никак. Кое-что, наверное, додумала – вряд ли Джонатан проявил такой уж интерес к Оруэллу, Боулзу или Керуаку. Желаемое за действительное? Опять-таки обычное для писателя дело. Разумеется, она изменила имена. Чтобы не пострадали ни в чем не повинные? Следовало бы мне вернуть им оригинальное звучание. Да, это беллетристика, и все же мне хотелось бы думать, что она обнажает правду, освобождая ее от всяческих напластований, – позволяет ей выйти на поверхность. В конце концов, важна лишь суть событий.

Джонатан отправился в поездку по Европе со своей приятельницей, в этом Нэнси осталась верна фактам, хотя и придумала другую причину, отчего Саше пришлось вернуться домой раньше. Не было никакого внезапного заболевания отца. Просто они с Джонатаном сильно повздорили, и она сорвалась домой. Таковы факты. Но это неважно. Важно то, что Джонатан продолжил путешествие в одиночку. Ему было всего девятнадцать лет, и он оказался совсем один в незнакомой стране. Он был беззащитен. Помню, как Нэнси волновалась, каково ему там, одному. А я – нет. Мне казалось, что так ему будет даже лучше – без приятельницы. Встретит кого-нибудь еще.

Когда мы вернулись из Испании после опознания тела, первой, кому Нэнси позвонила, была Саша. Ей не хотелось, чтобы девушка узнала о смерти Джонатана от кого-то еще. Трубку взяла ее мать. Она сказала, что дочери нет дома, но обещала все ей передать. Выполнила она свое обещание или нет, мы так и не узнали, потому что с тех пор ничего о Саше не слышали. Нэнси неизменно посылала ей поздравительные открытки на Рождество и в день рождения, но она не откликалась. Меня это расстраивало и даже возмущало, но Нэнси была более терпима. Она говорила, что все понимает. Саша молода, чего от нее в таком возрасте требовать, а что касается матери, так она уж точно не будет настаивать, чтобы дочь поддерживала с нами отношения. Они у нас с ней, с матерью то есть, и без того складывались непросто.

Когда Саша вернулась из Европы домой, ее мать позвонила нам.

Трубку взяла Нэнси, так что я мог судить о разговоре только по ее реакции. Меня поразило, с каким терпением она выслушала рычание на том конце провода. Она не теряла спокойствия, только повторяла, что пусть молодые люди сами разбираются в своих отношениях, родителям вмешиваться не надо. На этой ноте ей удалось закончить разговор, но, когда Нэнси повесила трубку, было видно, что она буквально побелела от ярости. Тем не менее сумела сдержаться, и это, помнится, вызвало у меня восхищение. Тот же ровный тон она выдерживает и в своих дневниках. Здесь нет рычания, слышен только шепот. Она ничего не требует – лишь высказывает пожелание.

Хотелось бы, чтобы ее ребенок знал, что жизнью своей он обязан моему сыну. Хотелось бы, чтобы он знал, что, если бы не Джонатан, его бы среди нас не было.

Глава 47

2013, лето

Кэтрин вставила ключ в замок и повернула его, она была почти уверена, что он к ней уже не подходит. Однако нет, дверь открылась. Она взбежала наверх, в гостевую. Одним взглядом охватила пустую кровать, валяющееся на полу смятое белье, – все производило впечатление покинутости, бездомности. Затем открыла дверь в семейную спальню и склонилась над Робертом. Он крепко спал. На ночном столике – упаковка снотворного и рядом потрепанный экземпляр «Идеального незнакомца». В иной ситуации это бы шокировало ее, но сейчас просто тошнота подступила к горлу: оттого что он держал эту книгу рядом собой, оттого что принес ее в их общую спальню. А где, интересно, фотографии? В ящик переложил или выбросил?

– Роберт, проснись!

Он был погружен в сон настолько глубоко, что не услышал, как она поднималась по лестнице, и сейчас не ощущал в темноте ее присутствия и не слышал слов, хотя говорила она ему прямо в ухо.

– Просыпайся. – Кэтрин потрясла его за плечо.

Он всхрапнул и отвернулся. Глаза у него по-прежнему были закрыты.

– Роберт! – На сей раз она говорила громко и сердито. – Проснись. – Кэтрин взяла его мобильник и просмотрела список пропущенных звонков: от Ника ничего нет, только ее номер отпечатался. Да как он смел спать? Она схватила со столика стакан и вылила воду ему на голову. Ее можно понять, иначе нельзя, ее можно извинить. Он вздрогнул и начал отплевываться. Явно не ожидал ее, да еще в такой ярости. – Роберт, какого черта, проснись! Где Ник?

Глаза у него наконец открылись, он растерянно сощурился.

– Что ты...

– Где Ник?

Роберт все еще ничего не понимал, пытался до конца проснуться. Она потрясла книгой прямо у него перед лицом.

– Ты все ему рассказал?

Он отодвинулся на противоположный край кровати, опустил ноги на пол и посмотрел на нее. На нем ничего не было, и она отвернулась.

– Ты ему все рассказал? – выкрикнула она.

Он направился в ванную, вышел завернутый по пояс в полотенце. Он

был спокоен, не выказывал ни малейших признаков волнения.

– Пока нет, – ответил он. – Но собираюсь...

– Так ты немного опоздал, – прервала его она. – Тебя опередили. Ник позвонил мне в четыре утра, и с тех пор я не могу его найти. На звонки он не отвечает. Он оставил сообщение – она потрясла перед ним мобильником, – и, судя по голосу, находится в ужасном состоянии. – Из глаз у нее начали литься слезы. – Он все знает. Где он? Мы должны найти его.

– Оттуда мне знать, где он? Может, у кого-нибудь из приятелей. – Он явно не собирался впадать вместе с ней в панику. – Сегодня утром он ушел на работу, к ужину не вернулся, ну и что? Ему двадцать пять лет, он взрослый человек. – Роберт как будто оправдывался. – Ты говоришь... что значит «он был в ужасном состоянии»?

– Значит то, что он не сказал ни слова. Я слышала только рыдания.

– О Господи. – От боли у Роберта перекосилось лицо. – Надо было ему все сказать. Нельзя было допускать, чтобы он узнал о случившемся от кого-то еще. – Он оттолкнул ее и устремился на лестничную площадку.

– Роберт, я никогда еще не заставляла его в таком состоянии... Мне страшно.

– А чего ты, собственно, ожидала? – Он повернулся и задержал на ней долгий взгляд, отводя его лишь тогда, когда смотреть больше не мог. – Он должен был обо всем узнать от меня, а теперь, получается, услышал от незнакомого человека. Неужели непонятно, насколько это его потрясло?

– Этот полоумный мерзавец до него добрался...

– Что? – прервал ее он. – Ты это про отца того парня, который утонул, спасая Ника? Про отца того молодого человека, с которым ты трахалась, а потом утверждала, что даже не знакома с ним? Ты про *этого* полоумного мерзавца? Нет, ты решительно бесподобна.

Видит Бог, до чего же он ее ненавидел. Он был весь поглощен этой ненавистью. *Молодой человек, с которым ты трахалась.* Ему бы надо о Нике побеспокоиться, а не на нее нападать. Она презирала его за неспособность подумать о сыне, за то, что он ничего не делал, чтобы найти его.

– Ты что, не понимаешь? Наш сын в опасности. Этот тип добрался до него. – Она достала мобильник и включила запись с сообщением от Ника. Ужасно. У Роберта к глазам подступили слезы.

– Это ты во всем виновата. Это твоих рук дело! – Он швырнул ей в лицо эти слова, она отвернулась, но он не замолкал: – Не узнаю тебя. Чего ты ожидала? – Он рывком развернул ее к себе лицом. – Тебя удивляет, что

он не в себе? Ложь, годами длящаяся ложь. В конце концов, она должна была всплыть – жаль только, что не от меня он узнал правду. А тебе было на него наплевать, скажешь, не так? Ты была настолько поглощена своим любовничком, что бросила нашего сына одного в море, а ведь он даже плавать не умел. Ну, и чего ты теперь от него хочешь? Он был ребенком – ты взрослой. Ты его мать. Ты была единственной, кто должен был спасти его, но для тебя он никогда не был на первом месте. Главной всегда оставалась ты сама.

Она оттолкнула его и повернулась, не желая оправдываться. Она должна была думать только о Нике. Она чувствовала на себе взгляд Роберта, взгляд, исполненный презрения. Она никогда не предполагала, что дело дойдет до такого, но сейчас она не могла думать об этом, она листала телефонную записную книжку в поисках номера ближайшей больницы. Нашла, позвонила и стала ждать ответа.

– Здравствуйте, у меня пропал сын... боюсь, что с ним могло что-то случиться... он звонил мне, был очень подавлен... ему двадцать пять лет... да, но, видите ли, у него проблемы с наркотиками, и его голос по телефону звучал так, что... Николас Равенскрофт...

Она понимала, что ее едва слушали. Мужу двадцать пять лет, а тут мамочка звонит, чтобы выяснить, где он. Бред какой-то.

Она снова взбежала наверх, в комнату для гостей. Николас мог объявиться где угодно – в любой лондонской больнице... на любом поезде, отъезжающем от Лондона... На любой железнодорожной колее... Она позвонила в полицию, но там от нее отмахнулись. Ее сыну двадцать пять лет. Она слышала его голос всего два часа назад. Он что, говорил, что собирается что-то с собой сделать? Нет, вынуждена она признать, такого не было.

Она начала рыться в его вещах. В ноутбуке – ничего. Ей попался его несессер с красноречивыми следами использования наркотиков. О Господи, только не это. Она выбежала на лестничную площадку и крикнула:

– Ты знал, что он снова пристрастился к наркотикам? Знал?

Роберт подошел к лестнице снизу и крикнул в ответ:

– Вот только не надо учить меня, как воспитывать сына. – Но она почувствовала, что до него что-то дошло.

Она возвратилась в гостевую, опустилась на колени и начала рыться в мятом белье в надежде найти – бог знает что. И нашла – письмо из универмага «Джон Льюис». Уведомление об увольнении двухнедельной давности. Она торжествующе схватила его и бросилась вниз.

– Ника уволили. Так где же, спрашивается, он пропадал все это время,

когда ты думал, что он на работе?

На этот вопрос Роберт ответить не мог. Теперь он был потрясен и напуган не меньше, чем Кэтрин, и ей стало стыдно. С чего торжествовать-то, как она могла себе это позволить? Она посмотрела на него сверху и сказала тихо и печально:

– Как думаешь, где он все же может быть? Может, хоть какое-то имя называл?

Роберт не ответил. Ему нечего было ответить. И она тоже ничего не знала. Хороши родители, подумала она. Ни он ни она не имели представления, кому позвонить – никто из них не знал, где может быть их сын. И вообще, есть ли у него друзья? Да нет, после того как он вышел из отроческого возраста, друзей у него не было – в этом она почти уверена.

– Он упоминал какую-то приятельницу, но я ее ни разу не видел и имени не знаю. Не уверен даже, что она вообще существует...

Он набрал номер Ника, но его сразу переключили на голосовую почту:

– Здорово, приятель. Позвони сразу, как проснешься. Хочу убедиться, что у тебя все в порядке. Пока.

В этот момент зазвонил сотовый Кэтрин. Номер незнакомый. Она дрожащими пальцами нажала на кнопку «ответить».

Глава 48

2013, лето

Пора приступать к уборке – надо стереть отпечатки пальцев. Я убрал страничку Джонатана в «Фейсбуке». Нэнси была против, но я решил, что так будет лучше. Я чувствовал, ей не по себе. Она сомневалась, что мой ненавязчивый, мягкий, как она это называла, подход способен привести к желаемому результату. Я просил ее потерпеть. Взглянуть на страничку малыша Ника в «Фейсбуке». Она оставалась нетронутой. А это кое-что значило. За последние двадцать четыре часа на ней не появилось ничего нового. Для него это было необычно. Как правило, он не мог оторваться от компьютера. Статус. Что за великое слово. Его статус оставался неизменным. До чего, должно быть, это по душе нынешним молодым людям – иметь статус. Статус. У Джонатана никогда не было ни малейших сомнений насчет своего статуса – чтобы подтвердить его, он не нуждался в «Фейсбуке». Ему никогда не приходилось сомневаться относительно того положения, которое он занимал в жизни своей матери.

Теперь мне это совершенно ясно. Случалось, я ревновал Нэнси к Джонатану. После его рождения наши отношения изменились, точно изменились. Не сразу. Поначалу было так: мы и наш малыш. Но по мере того как он рос, формировался, мне порой начинало казаться, что положение стало таким: я и они. Между ними наладилась особая связь, и, случалось, мне приходилось бороться за ее внимание. И может, я казался ей навязчивым, слабым. Естественно, Джонатан нуждался в ней больше, чем я, и с моей стороны было несправедливо пытаться оторвать ее от него. Если у нас и возникали конфликты, то только из-за сына: как лучше его воспитывать. Впрочем, ссорились мы нечасто, и чем дальше, чем старше он становился, тем меньше. Я начал отстраняться, предоставляя Нэнси действовать самой. А она всегда оставалась непоколебима в уверенности, что единственное, в чем нуждается наш сын, так это в нашей любви и безусловной поддержке. Это нужно любому ребенку, повторяла она, и с этим было трудно не согласиться.

О, Нэнси, какой же у нас был замечательный сын! Узнав, что он умер, спасая ребенка, я поначалу не поверил. А сейчас вспоминаю об этом со стыдом. Я не знал, что для него это естественно – броситься на помощь тому, кто в беде. И ты ведь подозревала это, верно? И хотя никогда не упрекала меня в том, что я сомневался в его мужестве, догадывалась, что

мне трудно было поверить, будто он способен рискнуть жизнью. Печально, что до твоего ухода я так и не смог даже попытаться сказать что-то в свое оправдание. Когда я узнал, что мальчик, которого он спас, был сыном его любовницы, для меня кое-что прояснилось. Он хотел, чтобы она была ему благодарна; он хотел показать, какой он смелый. Он был влюблен.

Я оставил компьютер включенным на страничке Николаса Равенскрофта и вышел в сад. Я уже начал разводить костер. В былые годы, когда Джонатан был еще мальчиком, мы, случалось, занимались этим вместе. Он любил Ночь Гая Фокса, или, как ее называют, Ночь Костров, долго не ложился спать, все подбрасывал и подбрасывал в костер новые ветки, чертя в воздухе свое имя концом горящей палки. Было темно, и я просто листал дневник Нэнси, даже не пытаясь разобрать слов, смотрел, как пляшут передо мной написанные ею буквы, потом положил дневник поверх охапки дров. Я зажег фитиль, поднес его к сухостою, смотрел, как с веселым треском начинали прыгать искорки и огонь лизал ветки. Обложка постепенно съеживалась, темнела, начинала тлеть, распространяя вокруг запах горячей кожи, бумага жадно отдавалась пламени.

Дома я нашел Нэнси. Она сидела перед компьютером и при моем появлении повернулась и улыбнулась. Мне казалось, что это запах костра пробудил в ней светлые воспоминания о том, как мы с Джонатаном вместе проводили Ночь Гая Фокса, но, оказалось, дело не в этом. На страничке Николаса в «Фейсбуке» появилось сообщение от его отца.

Глава 49

2103, лето

Николаса нашли лежащим неподалеку от входа в больницу Святого Георгия в Южном Лондоне. Врач сказал Кэтрин и Роберту, что, скорее всего, ему была введена большая доза героина. Сейчас еще слишком рано говорить, насколько велик ущерб, нанесенный его здоровью. В ближайшие двадцать четыре часа картина более или менее прояснится. Кэтрин и Роберт стояли бок о бок у постели сына. Напротив располагались аппараты, поддерживающие в нем жизнь: помогающие дышать, следящие за работой сердца, капельница. Аппараты работали бесшумно, почти молча. В ряд выстроились больничные койки, на них люди, похолодевшие, с закрытыми глазами, ожидали возрождения. Кое-кто не дождется.

Кэтрин не сводила глаз со своего мальчика, которому не сумела вовремя подставить плечо. Доктор ошибся. Прошло больше двадцати четырех часов, прошло двое суток, и они все еще не знали, каковы могут быть последствия того, что Николас сотворил с собой. Они с Робертом уже не стояли вместе, менялись, сидя у постели сына. Роберт отказался находиться с ней в палате, и Кэтрин приходилось ждать, пока он выйдет, чтобы занять его место. Ей было жаль времени, которое Роберт отнимал у нее, не позволяя быть рядом с сыном, но сцен она не закатывала. Более того, в каком-то смысле так ей даже легче – не видеть его. Она не способна думать о нем. Единственное, чего ей хотелось, – постоянно быть с Николасом. Сейчас она была с ним и дорожила каждым моментом свидания.

Кэтрин поймала себя на мысли, что ее сыну всегда угрожала ранняя смерть. Однажды его спасли, но она боялась, что на сей раз удача отвернется. Когда она смотрела на него, беспомощного, похожего на семимесячного ребенка, чьи органы не могут действовать самостоятельно, ей казалось, что она сама сейчас подобна новорожденной. Ее тело и сознание – как сырой материал. Странно, но от этого ей становилось легче: приятно было осознавать, что внешний мир касался ее в последнюю очередь. Она могла взглянуть на сына и увидеть его теми же глазами, что и тогда, когда он только явился на свет, в течение тех нескольких лет, пока его существование не стало связанным со всей той мерзостью и грязью, которую она сама на него обрушила. Да, она должна была принять на себя долю вины за то положение, в котором они сейчас оказались. От этого не

уйдешь, это следует обдумать. А когда (если это «когда» вообще наступит) Николас достаточно окрепнет для того, чтобы выдержать такой удар, она расскажет ему все то, что должна была рассказать много лет назад. Она прикоснулась к его щеке, встала на колени, поцеловала в лоб и положила голову на край кровати.

Кэтрин сказала матери, что Николас в больнице, и та поначалу заволновалась, но почти сразу свыклась с новостью, затолкала ее в дальний угол сознания и заверила Кэтрин, что в наше время от кори почти не умирают. Даже лучше, что он не переболел ею в детстве. Кэтрин почти завидовала тому, как устроено сейчас сознание матери. Да, оно тускло, но вместе с этим приходила способность увидеть во всем, даже самом дурном, положительную сторону. Кажется, мать вполне была довольна жизнью: она создала, по крайней мере пока, свой собственный – и куда более привлекательный, нежели наш, – мир.

– Отчего бы вам не выпить чаю или съесть чего-нибудь? А я пока побуду с ним немного. – Сиделка положила ей руку на плечо. Ее участие тронуло Кэтрин, у нее даже слезы на глаза навернулись. Она была признательна этой женщине, но оставить Николаса не могла.

– Да нет, не беспокойтесь, мне ничего не нужно.

– Ступайте, ступайте. А я посижу здесь. На вас лица нет. Надо чего-нибудь поесть. Да и глоток свежего воздуха не помешает.

– Ну что ж. – Она поднялась на ноги. Рядом стоял стул, но она не могла им воспользоваться, потому что, сидя на нем, оказывалась дальше от сына. А ей нужно быть как можно ближе.

Кэтрин вышла из отделения интенсивной терапии, минуя кафе, где сейчас было почти темно, книжный магазин и газетный киоск, направилась к выходу. По дороге остановилась у автомата, взяла чашку кофе и небольшую плитку шоколада и вышла на улицу.

Четыре утра, но у дверей стояли несколько человек, курили. Один – пациент, двое, вроде нее, посетители. Она присела на скамейку, чувствуя, как холод проникал через плотные джинсы. Вот здесь, всего в грязи, прямо на ступеньках больницы и бросили Ника. Кто это сделал, так и не выяснилось – какие-то люди, решившие, что хватит уж и того, что его дотащили до больницы.

На шоколад она даже смотреть не могла, поэтому засунула плитку в карман и извлекла сигарету. Пока пила кофе, выкурила одну. На это ушло всего несколько минут. Она посмотрела на экран мобильного. Сообщение от Ким. Оно поместилось между другими – от приятелей и приятельниц, поспешивших выразить сочувствие, когда стало известно, что Ник в

больнице. Кэтрин позвонила на работу, все объяснила и сказала, что берет продолжительный отпуск за свой счет. Набрала также номер одной знакомой, попросила, чтобы та сообщила, кому сочтет нужным, о случившемся, но сказала, что видеть никого не хочет. Вот и присылают ей время от времени соболезнующие послания, заверяя, что сочувствуют, и если она захочет пообщаться, то пожалуйста, в любое время. Но никакого желания говорить у нее нет. Пусть все держатся на расстоянии. Она прочитала сообщение Ким: «От души сочувствую. Дай знать, что могу сделать. Все передают привет. К.». Кэтрин затушила сигарету и отпила кофе. Он пах пластмассой и не приносил ни успокоения, ни бодрости. Иное дело – эсэмэска от Ким. В ней нет ни тени упрека. Она прочитала книгу, но больше это не имело значения. Что случилось, то случилось и осталось позади. Если Ник справится, а она на это надеется, никаких тайн больше не будет. Он узнает все. А Роберт? О нем она сейчас думать не хотела.

Кэтрин встала, бросила окурки в мусорный бак и возвратилась в больничный мир. Тихо жужжали люминесцентные лампы и обогреватели, мерцали мониторы – оборудование, обеспечивающее жизнь больницы и ее пациентов, в действии. По пути в отделение интенсивной терапии она изучала узор на блестящем линолеуме, покрывающем пол. Даже черные царапины тщательно затерты, и ей представился некто, управляющий еще одним аппаратом, бороздящим здешние коридоры: взад-вперед, взад-вперед. Ей казалось, что нечто подобное она уже видела, только не могла припомнить, в действительности или по телевизору.

Она нажала на кнопку звонка, из палаты выглянула сиделка и, увидев ее, пригласила войти.

– Пришел ваш отец, – прошептала она и улыбнулась. Кэтрин непонимающе посмотрела на нее своими покрасневшими от усталости глазами, потом перевела взгляд на жилистую фигуру, склонившуюся над кроватью Ника. Ее отец умер десять лет назад. Она не вскрикнула – она зарычала, бросилась к нему, оттащила от кровати, вонзила ногти в его костлявое плечо. Он такой легкий. Она развернула его к себе лицом и изо всех толкнула. Задев за стул, он упал там же, где стоял, и посмотрел на нее снизу вверх. Но в этот момент кто-то сзади схватил Кэтрин за руки. Это сиделка. Если раньше она сочувствовала Кэтрин, то сейчас сочувствовала лежащему на полу старику. Она склонилась над ним, сказала что-то, кажется, спросила, может ли он подняться. Она помогла ему встать, а Кэтрин, которую удержала другая сиделка, молча наблюдала за происходящим. Неправильно все это. Она попыталась вырваться.

– Нечего ему здесь делать. Пускай убирается! – закричала она. –

Никакой он мне не отец. Вы не должны были пускать его сюда. Выбросьте его отсюда. Немедленно! – Истерические выкрики Кэтрин заставили сиделку еще крепче стиснуть ей запястья.

– Если вы не успокоитесь, я вызову охрану.

– Не надо, все в порядке. Я уйду. Извините меня... – Старик дрожал всем телом, голос у него прерывался. – Мне просто хотелось посмотреть на Ника, как он тут. Извините. – Он держал себя в руках. В отличие от Кэтрин. На голове у него остался небольшой шрам, но шума он поднимать явно не собирался. Она смотрела, как его вели к двери, – одному, без посторонней помощи этому слабому, да еще и травмированному человеку не справиться. Кэтрин слышала, как он продолжал разыгрывать свою роль, приносил все новые и новые извинения. Он хотел только одного – увидеть Николаса. Дверь с негромким шипением закрылась за ним. Кэтрин слышала собственный извиняющийся голос, опустила на колени и положила голову на кровать Ника.

Теперь уже за ней присматривали. В палате осталась вторая сиделка. Кэтрин больше не доверяли. Она плакала и пыталась объяснить сквозь слезы:

– Нельзя было пускать его сюда. Нельзя... он хочет зла моему сыну...

– Вы мешаете другим посетителям. Мы можем поговорить об этом в другом месте. Сейчас я приглашу кого-нибудь, кто с вами поговорит...

Кэтрин покачала головой:

– Нет, нет, не надо. – Она не хотела никуда уходить отсюда. Она не могла оставить Ника одного. Это небезопасно. – Извините. Извините, но с ним должны быть только Роберт или я. Всем остальным здесь делать нечего. – Сиделка удалилась.

Роберт появился раньше обычного, и Кэтрин с облегчением бросилась к нему.

– Он был здесь. Отец. Ему нужен был Николас. Он хотел сделать ему больно.

Роберт оттолкнул ее.

– Мне звонили из больницы. Я знаю, что здесь произошло. Это я ему сказал, что он может прийти сюда. Я его пригласил. У него есть полное право повидаться с Ником...

– Ты – его пригласил? Ты что, с ума сошел?

– Отнюдь.

– Но тогда что все это значит?

Он посмотрел на нее так, словно не понимал, как она могла задать

такой вопрос.

– Он знает, что это такое – потерять сына.

– Ты виделся с ним? – Она почти кричала, а он оставался спокоен.

– Пока нет. Но если бы знал, что его сын сделал для нашего, постарался бы связаться с ним и его женой уже много лет назад. Я бы поблагодарил их. Сейчас уж матери Джонатана спасибо не скажешь, но хотя бы его отцу я поклониться могу.

Впервые она услышала, как он назвал Джонатана по имени.

– Роберт, как ты мог? Как ты мог позвать его сюда? – Не обращая на нее внимания, он пошел к кровати Николаса. Она последовала за ним, возмущенно шипя ему прямо в ухо: – Как ты думаешь, почему он пришел в такой час? Четыре утра. Неужели непонятно, что он рассчитывал на то, что никого в это время поблизости не будет? – Он повернулся на ходу, вцепился ей в плечо. – Я видела, как он наклонился над кроватью. Он... – Кэтрин пыталась освободиться.

– Он – что? Сиделка мне все рассказала о том, что здесь произошло. Что ты тут устроила... – Он толкнул ее к двери.

– Мистер Равенскрофт, прошу вас... – Появилась еще одна сиделка. – Мы не можем допустить...

– Извините, прошу прощения, – произнес Роберт. – Моя жена уходит. – Он повернулся спиной к Кэтрин и сел у кровати Ника.

Глава 50

2013, лето

Небольшой толчок – вот и все, что, оказывается, понадобилось. Теперь следовало привести себя в порядок, почистить перышки. В то утро я простоял перед зеркалом дольше обычного. Мне хотелось выглядеть наилучшим образом – учитывая, естественно, годы. Во рту у меня не хватало нескольких зубов, но, к счастью, не спереди, так что, если улыбаться сдержанно, дыры не слишком заметны. Вот улыбку-то я и отрабатывал перед зеркалом. Но, увы, с глазами проблема. Они упорно отказывались ее, улыбку, зафиксировать, а белки приобрели цвет слюны со следами табака. Я открыл шкафчик в ванной и отыскал ампулу с глазными каплями. Может, это было и легкомысленно с моей стороны – лекарство давно просрочено, – но я все же закапал их. В глазах возникла сильная резь, и на мгновение я испугался, что нанес себе сильный вред, но ничего, тревога оказалась ложной, зажмурившись и помигав как следует, я добился того, что видно стало лучше, предметы начали попадать в фокус.

С одеждой я справился быстрее. У меня всего один приличный пиджак и одна нравящаяся мне рубашка. Не слишком броская. Из мягкого хлопка, в едва заметную клетку. Ни то ни другое уже не сидело на мне так хорошо, как раньше, но, если поддеть шерстяную кофту Нэнси, пожалуй, сойдет. Понимаете ли, я все еще следил за такими вещами, мне было небезразлично, как я выглядел в глазах посторонних. Одно дело, когда ты дома и тебя никто не видит, кроме самых близких, в этом случае любое старье сойдет, и совсем другое, когда ты на людях, тут надо следить за собой.

Если бы его отец оказался на месте, уверен, все прошло бы по плану. Он протянул бы мне руку, даже предложил бы чаю. Пожилой человек, весь высохший, вымотанный двухчасовой поездкой в больницу. Общественный транспорт...

«...Да, путь неблизкий, но я должен был увидеть Николаса. Не сомневаюсь, что жена бы меня одобрила. Она, знаете ли, всегда замечательно находила общий язык с молодыми людьми... ни за что бы не упустила возможности познакомиться с Николасом... Это было бы для нее очень важно... Нет, нет, я все понимаю. Понимаю. Понимаю. Вы тут ни при чем. Да, спасибо, очень любезно с вашей стороны. От чашечки чая не откажусь».

И я проводил бы его взглядом до двери, а затем миготом отсоединил бы трубки и ушел. Все. Финиш. Мальчик так ничего бы и не узнал. Хорошая, право, смерть. Ничего бы не успел почувствовать. Легче, чем утонуть. Он и так уже наполовину по ту сторону, может быть, больше, чем наполовину. А теперь весь там, а я к нему и не прикоснулся. Пальцем не тронул. Последствия? А что мне за дело до последствий? Никакого нет дела. Наплевать. Но все получилось не так.

Заглянув в палату и увидев множество коек, я испугался, что не найду его, но сиделка любезно помогла мне. Даже улыбнулась. А что – выглядел я вполне пристойно, никаких опасений не внушал. Все, что надо было, так это шепотом произнести: «Николас Равенскрофт», – и бедная, усталая сестра решила, что я его дед. Разумеется, я не стал ее разубеждать. Но тут в палату влетела его мать. Настоящая фурия. Я совершил глупость. Решил, что сейчас ей так же мало дела до сына, как и когда он был ребенком. Понадеялся на то, что в этот ночной час она будет мирно почивать у себя в постели.

Увидев меня, она явно испугалась. Я сразу узнал это плеснувшееся у нее в глазах выражение страха, потому что мне уже приходилось с ним сталкиваться, хотя и не у взрослых. Я не из тех, кто вызывает страх у себе подобных. Да, она выглядела испуганной, но не за себя. Она испугалась за сына, и это меня удивило, такого я не ожидал. Я ожидал ярости и праведного гнева, но никак не инстинктивной защитной реакции. А потом меня отвлекло прикосновение сиделки. Сколько уже времени прошло, как я не знал женского участия. Приятно было чувствовать на себе ее ладонь, славно было сознавать, что тебя оберегают, не дают причинить тебе боль. И голос у нее такой ласковый. Это было очень искреннее участие, и я от души откликнулся на него. Я был признателен за такую доброту.

Но положение осложнилось. Я думал: войду – выйду – и дело сделано, а получается, придется нанести еще один визит. Какой у меня, собственно, выбор? Довериться судьбе: мол, она сама без постороннего вмешательства с ним разберется? Сиделка сказала – удар. С ним случился удар. Есть шанс, что выживет, но «с тяжелыми последствиями». Может, этого достаточно, Нэнси? Нет? «Тяжелых последствий» мало? Я устал, у меня все тело болит после падения и дороги домой.

Зазвонил телефон. Наверное, это Нэнси откликнулась на мой вопрос. Мужской голос оставил сообщение, но я успел ответить:

– Да?

– Здравствуйте, мистер Бригсток, это Роберт Равенскрофт. – Я выжидательно молчал. С чего мне его поощрять? – Надеюсь, вы извините

мой звонок. Мне просто хотелось выразить сожаление в связи с тем, что произошло. Я говорю о появлении моей жены. Право, мне очень, очень жаль.

– Вы тут ни при чем, мистер Равенскрофт...

– Роберт. Прошу, зовите меня Робертом.

– Она была в шоке, никак не ожидала увидеть меня там. Вы ведь не сказали ей, что я пришел с вашего согласия?

Он молчал. Я опять выжидал.

– Вообще-то мы с ней не разговариваем. Глупо, конечно. То есть я хочу сказать, когда Николасу так плохо... но я никак не могу примириться с тем, как она поступила... ни слова мне не сказала.

– Да, понимаю, как вам нелегко.

– Извините, мне вовсе не хотелось жаловаться. Я звоню, просто чтобы извиниться за ее поведение, ну и выразить надежду на то, что вы еще раз наведаетесь к нам. Уверен, что Николас был бы рад вас видеть. А то давайте увидимся где-нибудь еще. Понимаю, что у вас сейчас на душе, но все же...

– Ну что же, как-нибудь, вполне возможно, – ответил я. – Но сейчас мне надо идти. Честно говоря, я очень устал, и меня немного знобит. Я уже ложился, когда вы позвонили...

– Да-да, конечно. Еще раз извините. Мне просто хотелось убедиться, что вы благополучно добрались до дома.

– Да, Роберт, спасибо, добрался без приключений. – Я повесил трубку.

Я начал сожалеть, что дал ему свой номер. Как бы он не начал донимать меня звонками. Я с трудом поднялся наверх, хватаясь за перила. Сиделка сказала, что у меня просто ушиб спины, но я боялся, дело могло быть хуже, уж не перелом ли ребра. Впрочем, если подумать, то и из этого можно извлечь пользу. Меня положат в больницу, поместят в палату, возможно, на том же этаже, где лежит этот малый. А впрочем, не имеет значения, ведь меня сам его отец пригласил зайти. Мы вместе склонимся над ложем его тяжело больного сына.

Я потянулся за стаканом с водой, стоящим на тумбочке у кровати. Он наполовину пуст, но, чтобы проглотить таблетки, хватит. Две обезболивающие, две от бессонницы. Надо хоть как-то успокоиться. Вода на вкус тухлая, слишком долго простояла. Во всяком случае несвежая. Засну я легко, это уже чувствуется, остается надеяться лишь, что сон не будет слишком глубокий и, если позвонит ее муж, я услышу. Он пообещал держать меня в курсе состояния Николаса. Впрочем, не страшно, даже если не услышу, Нэнси ответит. Он услышит ее негромкий любезный голос: «К

сожалению, сейчас нас нет дома. Оставьте, пожалуйста, сообщение, и мы перезвоним». На какое-то время я погрузился в сон, но вскоре проснулся, и разбудил меня не голос Нэнси, в этом я уверен.

В доме тихо, но что-то все же заставило меня очнуться, несмотря на то что наполовину я все еще во сне. Мне приснилось, что я выпал из окна, пробив телом стекло. Осколки разлетелись по земле, их острые концы торчали во все стороны, угрожая проткнуть меня, как ломтик ветчины толщиной в папиросную бумагу. Вот это меня и разбудило. Звон бьющегося стекла. Внизу кто-то был.

И тут я услышал, как закрывается дверь. Нашу входную дверь неслышно не откроешь и не закроешь, замок немного неисправен, так что при любом прикосновении раздается щелчок. Что это – кто-то пришел или ушел? Мне видятся руки в перчатках. Мне видятся люди в полицейской форме, но это чушь. Укол совести? Тоже чушь. Полиция постучала бы, ей нет нужды вламываться в дом. Я услышал скрип входной двери, но сейчас совершенно тихо. Я натянул брюки, взял висящий на стуле свитер. Я скрипел, скрипели половицы, скрипели лестничные ступеньки. Моих передвижений не скрыть, да я и не стараюсь. Я бесстрашен, больше я не трус.

Я стоял внизу лестницы и озирался вокруг. Снизу из-под штор слабо пробивался свет. Стекланный навес над входной дверью был разбит. Я продолжал оглядываться, словно готовясь к тому, что кто-то ударит меня по затылку. Но ничего не происходило. И в комнате пусто. Я пошел на кухню, медленно, по-прежнему осторожно, неуверенно. И тут я увидел, что ошибся. В доме пусто, но я не один. Она стояла в нашем саду, не отрывая взгляда от все еще тлеющего костра. Я пошел к черному входу, она повернулась и посмотрела на меня. Вот этого момента я и ждал. Вот она. Она разбита. Николас мертв. Что ей делать? Может, попробует убить меня? Я ждал. Никто из нас не произнес ни слова. Затем она направилась ко мне. Я отступил в сторону и позволил ей войти внутрь. Она села за кухонный стол и обхватила голову руками. Начала тереть глаза, да так яростно, что стало страшно – как бы не выскочили из орбит. Потом она подняла голову, и оказывается, что глаза у нее сухие и красные. Слез нет. Темные круги есть, а слез нет. Я ждал, пока она заговорит.

– Присядьте.

Я сел. Почему бы и не сесть?

И тут она плюнула в меня. Залила меня слюной. Кажется, остановиться не могла. Продолжала плевать, пока я с ног до головы не покрывался исторгаемой ею плотной липкой слизью. Я вновь превратился в

насекомое, утонувшее в ядовитой слюне хищника, собирающегося сожрать
меня живьем. Меня пожирали живьем.

Глава 51

2013, лето

У Кэтрин на ладонях кровь. Смешанная с потом, она покрывала их плотной красной пленкой. Это ее собственная кровь из пореза на тыльной стороне правой руки, образовавшегося, когда она разбила стекло, чтобы дотянуться до замка. Она сидела в своей машине, припаркованной у дома Стивена Бригстока, и вытирала ладонь о джинсы.

Постучать она и не подумала. Просто вломилась в дом и закрыла за собой дверь. Шторы были задернуты, и в полумраке она не сразу обнаружила, что шагает по пустыне жизни. Обеденный стол завален невымытыми чашками, тарелками, пустыми консервными банками, из которых торчали вилки. На полу валялись клочки бумаги, в углу униженно корчился старый валлийский туалетный столик – ящики выдвинуты, дверцы распахнуты. Лишь один порядочный предмет бросился ей в глаза в этой комнате – письменный стол, опрятный и прибранный, на котором стояли фотография шестидесятих годов в серебряной рамке с изображением молодой пары и ноутбук, с откинутой крышкой и темным экраном. Легким прикосновением пальца она разбудила его и тут же отпрянула: ей со своей странички в «Фейсбуке» подмигивал Николас. А рядом было послание Роберта, извещающее о состоянии здоровья сына.

Она пересекла кухню со всей ее грязью и зловонием и подошла к окну в глубине дома. Она знала, что он наверняка слышит ее шаги; знала, что, скорее всего, он наверху, но торопиться ей было некуда. Взгляд ее задержался на яблоне, усыпанной плодами: за садом никто не присматривал, но все равно он сохранял свою красоту. Нестриженный газон покрылся бурьяном, мощный кустарник горделиво противостоял нашествию грозящих задушить его сорняков. Тлел вчерашний костер. Она вышла из дома и вгляделась в остатки того, что он пытался уничтожить.

Она почувствовала его присутствие прежде, чем увидела: стоящий на пороге открытой двери согбенный человечек, натянувший кофту жены на костлявое голое тело. Она разразилась гневной речью, но он даже не пытался возражать, просто моргал, понурившись, и дрожал всем телом.

Кэтрин помнила больше того, что поведала ему. Невысказанные слова металась у нее в голове, но она удерживала их, чтобы не сбить. Надо было донести до него суть. И ей это удалось. Дослушав, он не произнес ни слова, просто сидел на стуле, вцепившись руками в его края и опустив голову.

– Мне очень жаль. – Она удивилась, ибо сказано это было не им, а ею. Она не собиралась произносить этих слов, они вырвались сами собой. С ними она встала и удалилась.

И только тут перестала сдерживаться и позволила себе разрыдаться. Из глаз ее потекли годами копившиеся слезы.

1993, лето

Когда Джонатан улыбнулся сидевшей за стойкой бара и только что закончившей разговаривать по телефону с Робертом Кэтрин, она улыбнулась в ответ. Улыбка была машинальной, и все же она смутилась и, не обращая внимания на жест Джонатана, приглашающий ее присоединиться к нему, поспешила к лифту и поднялась к себе в номер. Она заперлась на ключ и подошла к кровати, на которой, уходя, уложила Николаса. Ребенок крепко спал, широко раскинув во сне руки. Она открыла дверь в соседнюю комнату и отнесла его на собственную кровать. Потом приняла душ и легла. Ничего той ночью не произошло. Ничего.

На следующий день они с сыном отправились на пляж. Было рано, а Николас проснулся еще раньше, в семь, так что на море они оказались около половины девятого. Она вспомила охватившее ее чувство одиночества, но также и блеск солнца, еще не слишком жаркого, и еще – разбегающийся на мили и мили в разные стороны светлый песок. Помнится, она сказала тогда Нику: пляж сейчас только наш. Он принялся неустанно таскать ведерком воду из моря. Они строили городок, по крайней мере она строила, ибо Ник, не вполне схватывая суть происходящего, считал, что ведра с песком, который шел на строительство магазинов и домов, существуют лишь для того, чтобы опрокидывать их и снова наполнять. Она помнила, как терпелива была тогда, и в то же время несколько стыдилась своего терпения. Стыдилась именно потому, что осознавала его, оно не было естественным. Но все равно она терпела и терпела, никак не одергивала сына. И пока он ровнял дома с землей, начинала строительство дорог, орудуя лопаткой, прокладывала в бесформенных кучах песка кривые улочки.

Через пару часов стали появляться люди, и к полудню пляж заполнился. К этому же времени Николас прилично поджарился на солнце и устал. Они пошли в кафе перекусить, прихватив с собой с пляжа все, кроме полотенец. Они шли, держась за руки, и Кэтрин вспомнила, как хорошо у нее было на душе. Она снова чувствовала в своей ладони пухлую ладошку Николаса и вспоминала, как ласково ее пожимала, а он отвечал на пожатие. Послезавтра им предстояло уезжать, и Кэтрин впервые почувствовала, что чудесно провела с сыном время под этим

ослепительным солнцем.

Ник пообедал без всяких капризов, и на десерт она взяла мороженое – ему ванильное, себе клубничное. Возвращаясь на пляж, они менялись, слизывая мороженое друг у друга. Она вспомнила каплю мороженого, повисшую на носу у Ника, когда он потянулся к ней в тот же самый момент, как она собиралась передать ему свой шарик. Он захихикал, чувствуя на лице приятную прохладу, и измазал щеки и подбородок. Попытался было слизнуть мороженое языком, но не дотянулся, и Кэтрин пришлось пустить в ход подол пляжного платья, чтобы вытереть сыну лицо и отогнать слетающихся на запах сладкого ос.

Вернувшись, изрядно вспотевшие на солнце, на пляж, они улеглись на полотенца. Она вспомнила, как сняла платье и уселась, раздвинув ноги, а Ник уютно устроился между ними и прижался к ее обнаженному животу. Она читала ему какую-то книгу и чувствовала, что тело его постепенно тяжелеет, а голова клонится в сторону. Он уснул. Она бережно оторвала его от себя и положила рядом, укрыв платьем, чтобы он не сгорел на солнце. Он спал уже больше часа, а она все это время читала уже свою книгу и чувствовала себя счастливой. По-настоящему счастливой. А потом она и сама задремала, свернувшись калачиком рядом с сыном, прикрывая его, как наседка.

Когда Ник проснулся, проснулась и она. Распрямившись, она увидела Джонатана. Между ними были люди. Он находился ближе к морю, чем они с Николасом, но видно ему их было хорошо. Он лежал на животе, лицом в их сторону. Интересно, давно ли он здесь, мелькнуло у нее в голове. Она сделала вид, что не замечает его, и повернулась к Нику, одновременно доставая из сумки бутылку воды. Вот тогда-то он, должно быть, и сделал несколько снимков. Самого этого момента она не помнила, но фотографии видела. Кадр: они с Ником сидят на полотенце, она протягивает ему воду. Пластиковая бутылка нагрелась, на вкус вода, наверное, ужасна, но Ник не пожаловался. Она вспомнила, что смутилась, почувствовав себя почти обнаженной. Положим, в этом смысле она ничуть не отличалась от всех остальных, и все же ей сделалось как-то неловко, и она сдвинула ноги и подтянула спустившуюся с плеча бретельку бикини.

Около трех Кэтрин и Ник ушли с пляжа и вернулись в гостиницу. Она не помнила, чем они занимались следующие два часа, но во всяком случае время прошло мирно. Потом они поехали в город. Кэтрин предпочла бы прогуляться, но для Ника расстояние было слишком большим, и пришлось попросить швейцара вызвать такси. Они зашли в кафе, заказали пиццу, а потом пошли бок о бок по узеньким улочкам и в конце концов вышли на

площадь, где Ник так и ахнул от изумления, увидев карусель. Казалось, она сошла прямо со страниц детской книжки. Нику захотелось прокатиться на лошади самому, но так, чтобы на другой, прямо за ним, ехала мама. Она вспомнила, как усадила его в седло, убедилась, что он крепко держится за перекладину, а потом, как Ник и просил, устроилась сзади. Всякий раз, когда лошадь под ней опускалась и понималась, круг за кругом, она чувствовала, как к горлу подступает тошнота, да и беспокоилась, что Ник, то и дело оглядывавшийся на нее, может свалиться. Но все прошло благополучно, мальчик был в восторге, приключение оказалось лучше некуда.

За каруселью последовала спиральная горка. Не слишком высокая, как раз для ребенка его возраста и роста. На сей раз она за ним не последовала, справедливо опасаясь, что желоб окажется для нее слишком узок, осталась внизу и смотрела, как он поднимается вверх с ковриком в руках, а потом, раскрасневшись, с блестящими глазами, несется в ее сторону. Полет окончился под раскаты общего смеха. Мягкое приземление. Все хорошо. Пора было возвращаться в гостиницу, и они направились на поиски стоянки такси. Ник устал и расхныкался. Он хотел, чтобы его взяли на руки, но она не соглашалась, говоря, что идти осталось совсем недалеко. Она пообещала ему вернуться сюда завтра, накануне отъезда. И не обманула. Они действительно вернулись на эту маленькую ярмарку, но за это время та успела измениться. Кэтрин старалась представить ее прежней, но ничего не получилось.

Вот и стоянка. Только машин на ней не было, лишь знак «такси» и изображение автомобиля с шашечками. Очереди на такси не было, но народа вокруг полно – кто-то сидит в кафе, кто-то прогуливается по улицам в этот ранний вечерний час, заглядывая в витрины магазинов.

Она взяла-таки Ника на руки, и он, сонный и пахнувший сахаром, уютно прижался к ее груди. И тут она увидела его, Джонатана, имени которого все еще не знала. Он сидел рядом с какой-то девушкой в кафе на противоположной стороне улицы. Девушка изучала карту, а он, перегнувшись через ее плечо, тоже высматривал на ней что-то. У девушки был удивленный вид, и Кэтрин вспомнила, что еще подумала тогда: интересно, они путешествуют вместе или только что познакомились? Он внезапно поднял голову и поймал взгляд Кэтрин, а она поежилась и отвернулась, высматривая такси. Она вспомнила, какое облегчение испытала, когда машина подъехала, даже не одна, а сразу три. Она поставила Ника на ноги и наклонилась к водителю, объясняя, куда ехать. Потом, отъезжая, выглянула в окно и увидела, что Джонатан провожал ее

взглядом.

Она взяла ключ на гостиничной стойке и поднялась в номер. Ник почистил зубы и надел пижаму. Она задернула шторы и присела на кровать почитать ему на ночь. Ему нравилось спать в собственной кровати, при том условии, что она оставит дверь в свою комнату открытой, что Кэтрин ему и пообещала. Так он сможет увидеть ее, если проснется ночью. Не успела она закончить чтение, как Ник заснул, она поцеловала его, вернулась к себе в комнату и прилегла на кровать. Шторы не были задернуты, и в комнате был слышен шум улицы, где сейчас, в преддверии ночи, было гораздо более оживленно, чем раньше. Она на мгновение прикрыла глаза и почувствовала себя очень счастливой. Побалую себя напоследок, подумала она и решила выпить перед сном бокал вина и выкурить сигарету на балконе.

Заперев дверь в номер, она спустилась вниз и заказала большой бокал белого вина. В баре никого не было, да оно и понятно: кому придет в голову сидеть в такой вечер в этом довольно безликом помещении? Она подписала чек и пошла с бокалом наверх, стараясь не пролить его, когда отпирала дверь. Посмотрела, как там Ник. Он сбросил простыню и спал в позе, к которой привык, будучи еще младенцем: упершись ладонями в подушку. Сегодня у них с Ником был особенный день. Роберт уехал, но она уже не скучала по нему. Это осталось позади. Собственно, только сейчас она вспомнила, что именно в тот день не скучала по мужу. Ей было хорошо с Ником, она была полностью поглощена сыном. Просыпаясь утром, она испытывала смутную тревогу: впереди был долгий день, и ей придется всячески развлекать Ника, стараясь ни в коем случае не раздражаться. Но этот день пролетел незаметно, она просто, как всегда о том мечтала, растворилась в нем, так что они стали единым существом. Теперь она вспомнила, что в тот день ей подумалось: отъезд Роберта был даже к лучшему. Потом она об этом забыла. Эта мысль совершенно улетучилась. Когда она недавно, несколько недель назад, раскричалась на Роберта, что, мол, он не должен был оставлять их с Ником одних, что ей было плохо, что она не хотела, чтобы он уезжал, ей казалось, что все так и было. В каком-то смысле это и было верно, но Кэтрин совершенно забыла то чувство умиротворенности и покоя, которое испытала, проводя весь день с сыном. Все это только сейчас ожило в памяти. А до этого оставалось полностью стертым.

Она взяла бокал с вином, сигарету, вышла на маленький балкон, присела и посмотрела на улицу, где протекала своя жизнь, и чуть ли не впервые ей не хотелось быть ее частью. Она была счастлива. Сейчас, сидя в

машине напротив дома Стивена Бригстока, она говорила себе, что в тот вечер была счастлива. Глаза ее наполнились слезами, она с трудом сдерживалась, чтобы не разрыдаться, думая, что это был последний раз, когда ей было по-настоящему хорошо. Неужели все последующее «счастье» – только иллюзия. Не совсем, не совсем. Но то ощущение счастья... про него она старику не сказала. Ибо оно не имело отношения к истории, которую ему следовало знать. Ей не хотелось смешивать разные вещи. Суть дела – вот что она должна была до него донести.

Кэтрин допила вино и вернулась в комнату, закрыла за собой дверь и задернула шторы. Было еще относительно рано, но она чувствовала усталость. Душ, книга, кровать. Она уже сняла туфли и начала стягивать платье, когда краем глаза уловила какое-то движение. Она быстро снова натянула платье и обернулась, выставив перед собой наполовину, как в смиренной рубашке, закрытые рукавами руки. Шторы были задернуты, в комнате темно, но она видела, что на пороге кто-то стоял. Высокий, широкоплечий. До нее доносился его запах. Быть может, обоняние сработало раньше зрения. Да, это вполне вероятно, потому что запах мужского лосьона был острым и резким. Дверь была заперта, она слышала, как в руке у него позвякивали ключи. Наверное, она сама их оставила снаружи, стараясь не пролить вино. Чертово вино. Она рывком вытащила руки из рукавов и выставила вперед платье, как щит. Но не успела и рта раскрыть, крикнуть, чтобы он убирался, как почувствовала на губах его ладонь. Большую, горячую, потную ладонь. Она до сих пор ощущала вкус его пота. Все это она рассказала старику. Что все последующие годы ощущала исходивший от его ладони запах страха, а может, это было возбуждение. Вкус и запах: вот что отложилось в памяти. И избавиться от этого было невозможно. Ужасно, что она так легко забыла ощущение счастья и так ясно помнила эту мерзость.

Она попыталась ударить его, но он перехватил другой рукой ее ладонь, заставив выпустить платье. Он разглядывал ее тело, она извивалась, стараясь высвободить руки, и в конце концов он их выпустил и, покосившись на открытую дверь, за которой спал Ник, приложил палец к губам. Потом полез в карман, вытащил перочинный нож, открыл его и приставил острое к ее левой груди. Просунул лезвие под чашечку лифчика и слегка надавил. Другой рукой он держал ее за горло и тащил за собой к двери в комнату Николаса. Закрыл ее, запер, действуя рукой, в которой сжимал нож, – другая по-прежнему оставалась сомкнутой на ее горле.

– Пикнешь – лицо порежу, а потом за сына примусь!

Он не угрожал ее убить. В этом случае она, может, еще бы поборолась.

Не поверила бы и поборолась, а так – поверила, что он готов изуродовать и ее, и Николаса. Он провел лезвием по внутренней стороне руки – получилась прямая линия, затем еще одна, под прямым углом к первой, так что получился крест, четкий красный крест. Таким образом он демонстрировал остроту ножа. Он протянул руку и заставил ее слизнуть кровь.

Она удивилась, услышав его голос. Поразилась прозвучавшей в нем ненависти. Раньше, несколько дней назад, когда она впервые поймала на себе его взгляд, и потом, когда он на пляже издали чокнулся с ней бутылкой пива, и далее, когда улыбнулся, сидя у стойки бара, она никак не могла подумать, что он способен на такие слова. И голос его она представляла совершенно иным. Ласковым, теплым. Дура, сучка несчастная. Позор, стыдно думать, что тобой любят. Почему она сразу не поняла, что не является в его глазах человеческим существом? Для него она – не больше, чем звереныш, которого можно мучить, нечто такое, на чем можно выместить все свои горести, всю свою ненависть. Ей казалось, что с его стороны это был просто невинный флирт. Она заставила себя вспомнить все подробности, но старику отцу их описывать не стала. Ей одной предстояло прочесть эту стенограмму, ей одной придется извлечь из-под спуда лет все эти подробности, смести пыль и взглянуть в них, какими бы они ни были. Нельзя себя щадить.

Он включил ночник, чтобы получше разглядеть ее, прислонился к двери, ведущей в комнату Ника, и велел ей раздеться. Через плечо у него была перекинута небольшая сумка, он снял ее и поставил на пол. Затем вытащил фотоаппарат и повесил его на шею. Все это время он не спускал с нее глаз. Разглядывал. Убеждался, что она не трогается с места. Она вспомнила, что тогда у нее мелькнула мысль: может, он собирается ее шантажировать? Он отошел от двери и пересек комнату. Кажется, ключ от спальни Николаса остался в замке.

– Снимай! – Он ткнул острием ножа в лифчик. Она спустила бретельки, повернула бюстгальтер застежкой вперед и расстегнула крючки. Все это можно было бы сделать гораздо проще, прямо на спине, но она сознательно тянула время. И ей показалось, что эти жалкие уловки сработали. Она думала, что ей удастся добежать до двери в комнату Николаса, отпереть ее и снова запереть, теперь уже изнутри. Но не успела она вынуть ключ из скважины – он никак не поддавался, – как Джонатан схватил ее за плечо, круто развернул и сильно ударил по лицу. Так ее еще никогда не били, ее вообще не били, разве что мать пару раз шлепнула в детстве. В ушах у нее зазвенело, зубы вонзились в десны.

– Мама? Мама, это ты? – раздался из-за двери слабый детский голос.

Он прижал ей нож к подбородку.

– Сделай так, чтобы он заснул, тебе же будет лучше.

– Все в порядке, малыш. Тихо, тихо, вот так, хороший мальчик.

Возможно, голос ее показался сыну странным, звучал как-то не так. Он окликнул ее:

– Мама, ты ведь обещала оставить дверь открытой... – В его голосе зазвучали слезы.

– Ну так и открой дверь, – прошипел он ей прямо в ухо. – А потом запрешь.

Она повиновалась, в надежде, что запрет, но изнутри, однако он оказался слишком проворен и успел просунуть ногу в образовавшуюся щель. Сам он отступил в тень, но она чувствовала, что он не спускает с нее глаз, смотрит, как она садится на постель к Нику, гладит его по голове. Наблюдает за ними обоими.

– Чем это так пахнет? – спросил Ник.

Запах мужского лосьона.

– Это у них в гостинице такая жидкость. Шампунь называется. Я душ принимала, – сказала она, целуя его в лоб.

– Противный запах, – пробормотал он, и она попыталась улыбнуться.

– Засыпай, малыш, я здесь. Только мне тоже хочется спать.

– Ты обещала не закрывать дверь, – повторил он, стараясь держать глаза открытыми, но они упорно слипались.

– Да-да, конечно. Прости меня. Смотри. Дверь открыта. Засыпай, солнышко. – И она снова принялась гладить его по голове и гладила, пока глаза у него не сомкнулись, и он заснул. Заняло это всего несколько минут. Она слышала, как он переступает с ноги на ногу где-то позади нее. Чувствовала, как он склоняется над ней и Ником. Видела, как он смотрит на Ника, вынимает нож, проводит им по воздуху прямо над головой спящего ребенка – слева направо. Лезвие колеблется над ресницами ее малыша. Затаив дыхание, она встает и направляется к двери. Нужно как можно скорее увести его отсюда. Слава Богу, он идет за ней. А если бы Ник проснулся?.. Как бы он себя повел?

Вернувшись к себе, она велела ему запереть дверь, и он улыбнулся, решив, видно, что она не хочет, чтобы им мешали.

– Так-то лучше, – сказал он. – Ну и что дальше?

Направляясь к Нику, она натянула на себя футболку, теперь сняла ее, на сей раз медленно. Ей хотелось взять над ним верх. Только бы он не сделал больно ей или Нику. Может, он просто хочет посмотреть? Стягивая

футболку через голову, она услышала, как щелкает фотоаппарат. Она не знала, что ей делать. Позировать, что ли? А нет, так что?

На ней остались одни трусики. Обыкновенные белые трусики. Приличные. Скромные. Он был явно разочарован. Он подошел к гардеробу, открыл верхний ящик, пошарил внутри. Наткнулся на нижнее белье, купленное Робертом как раз перед этой поездкой, и протянул ей.

– Надевай, – бросил он.

Она повиновалась.

– Садись на кровать.

Она села на кровать.

– Так, немного поглубже. Расслабься.

Как же, расслабишься тут. Тем не менее она закинула руки за голову и немного откинулась назад.

– Раздвинь ноги.

Она выполнила приказание.

Он сел на стул и посмотрел на нее.

– Руки под трусы.

Вот мерзавец, подумала она, но сделала, как было велено.

– А теперь побалуй себя. Мне надо, чтобы ты кончила.

Как это? Нет, это невозможно. Но придется. Ее пальцы задвигались, а он в ожидании прильнул к объективу фотоаппарата. Все сухо. Ни малейшей влаги. Пальцы заработали быстрее, и она услышала: щелк, щелк, щелк. С его приближением ее пальцы двигались все чаще, и она закрыла глаза и откинула назад голову. Она приоткрыла рот, шумно выдохнула, застонала... Все это был спектакль, она знала, что ей не кончить, но он-то об этом не знал. И вот – окончательный стон, окончательный выдох. Теперь оставалось ждать. Она боялась пошевелиться, мучительно гадая, все ли это или ему нужно что-то еще. Пойдет ли он к ней или достаточно того, что было? Щелк, щелк. Да кончится ли когда-нибудь это проклятое щелканье? Она медленно убрала руку. Так же медленно повернулась и посмотрела на него. Он сидел. Выглядел умиротворенно, на шее болтался фотоаппарат. Ножа видно не было.

– А теперь уходи, – сказала она. – Пожалуйста.

Внезапно всей его умиротворенности как не бывало, в руке снова блеснуло лезвие ножа. Она сделала ошибку. Не надо было говорить этого. Надо было притвориться, что ей хорошо. Он стиснул нож, полоснул им по ее трусикам, стиснул ей руку и прижал к себе. Влажно. В ноздри ей ударил едкий запах спермы. Она почувствовала, как отвердевает его мужское естество, сердце у нее учащенно забилося, горло перехватил спазм. Она

поняла, что это еще далеко не все, и съежилась от страха. Ее охватила паника. Ей было страшно за себя, за своего малыша. Ее ладонь сомкнулась на его пенисе, и ей неудержимо захотелось оторвать его. Он отдернул ее руку.

– Подожди, – сказал он так, словно это ей не терпелось испытать его. – Повернись.

– Пожалуйста, не надо... – Она заплакала, втайне надеясь, что в нем зашевелится что-то подобное жалости. Но он просто шагнул к двери в спальню Николаса.

– Хочешь, чтобы он узнал, что нравится мамочке? – На мгновение она с ужасом подумала, что будет, если Ник и впрямь увидит происходящее.

– Ладно, больше не буду. Извини. – Он посмотрел на нее. – Пожалуйста, отойди от двери, – сказала Кэтрин.

Она опустилась на колени, оперлась о пол руками, повернулась к нему спиной, и он сорвал с нее и так уже едва державшиеся трусики.

– Улыбайся, – бросил он. Она повиновалась. – Мне надо тебя видеть. – Она повернула голову и изобразила улыбку. – Повторим. – Он подался назад, давая ей вновь заняться собой.

Она закрыла глаза. Она пряталась от него, пытаясь собраться с мыслями. Что делать? Надо, чтобы он ушел. Она должна убрать его подальше от Ника. Нельзя ли уйти вместе с ним из гостиницы?..

– Чего это ты остановилась?

А она и не почувствовала. Начала заново, быстрее, еще быстрее, до боли в запястье, а потом он грубо схватил ее, вломился, с болью, кровью, повернул к себе лицом, впился в ее рот! Она почувствовала его зубы, его слюни, горький привкус лосьона на кончике языка. Она не могла издать ни звука, и не потому, что он зажал ей рот. Разве может она позволить себе вскрикнуть, когда за стеной Николас? Что это? Неужели он кончает и этой муке приходит конец? О Господи, поскорее бы, поскорее бы он убрался отсюда. Он вдавил колено в ее бедро и заработал с новой силой – толчок, толчок, толчок. Ну, вот и все. Да, но он молод и готов к новой атаке. А потом к следующей. Но наконец он все же изнемог. Сколько времени прошло? Несколько часов. Кажется, много часов. Три с половиной. Это продолжалось три с половиной часа. И она позволила ему унижить себя. Она не сопротивлялась, не кричала. Она думала о Нике. Не кричи. Не плачь. Он лег рядом с ней на кровать, взял за руку, повернул к себе и улыбнулся.

– Спасибо, – сказал он. – Все было просто замечательно.

А ей хотелось, чтобы он сдох. Чего бы только она не отдала, лишь бы

увидеть, как он умирает. И вот это она его отцу сказала, пусть знает. И ей не хотелось делать вид, будто она стыдится этого чувства. Было так, как было. Именно это чувство она тогда испытывала.

Он достал из дорожной сумки пачку сигарет и протянул ей. Она покачала головой. Он щелкнул зажигалкой.

– Только не здесь, – возразила она. Ник почувствует запах дыма, но прямо говорить этого она не хотела. Не хотела напоминать ему о Нике. Она кивнула в сторону балкона. Он раздвинул шторы, открыл дверь и вышел наружу.

– Точно не хочешь? – спросил он, поворачиваясь, и вновь протянул ей пачку, и она решила, что лучше все же закурить, взяла сигарету, последовала за ним на балкон и прикрыла за собой дверь.

Они стояли бок о бок, глядя вниз на проходящих мимо людей, веселых, нормальных людей, вдыхающих свежий вечерний воздух. Иные поднимали голову. Двое стоят на балконе и курят. Довольны жизнью. И никому не приходило в голову, что это насильник и его жертва. Она вспомнила, как сделала последнюю затяжку. Уходя, он поцеловал ее, словно ничего не произошло. Это было еще одно оскорбление.

Глава 52

2013, конец лета

Закрываясь за ней, дверь знакомо заскрипела. Закончив свой рассказ, она посмотрела на меня и сказала: «Вот так. Мне очень жаль». А затем встала и вышла на улицу. Я никак не откликнулся. Лишь один раз перебил ее рассказ каким-то вопросом, на который она ответила. Я не стал провожать ее до двери, не поблагодарил за визит. Остался сидеть на месте. Как жаль, что я сжег дневники Нэнси – чего бы только не дал, чтобы заполучить их назад. Я нуждался в словах утешения, но в доме стояла полная тишина. Впрочем, не такая уж полная. Меня так трясло, что стул, на котором я сидел, ударялся о стол, и мне приходилось хвататься за сиденье, чтобы он твердо стоял на полу. Ну зачем, зачем я уничтожил дневники Нэнси, а фотографии сохранил? Идиот.

Я ощутил себя сырым материалом, как если бы кошка слизала своим шершавым языком верхний слой моей кожи, и непонятно, смог ли я прожить без него. В поисках опоры я лихорадочно перебирал всевозможные объяснения и схватился за первое попавшееся. Она лгунья. Она лжет уже много лет подряд – все это знают. И сейчас снова солгала. Я жду, что Нэнси поддержит меня, но она молчит, ее голоса не слышно. А слышен лишь рассказ Кэтрин Рафенскрофт о том, как Джонатан ножом вырезал у себя на руке крест и заставил ее слизывать кровь. Я вспомнил, как на опознании мы заметили у него на руке алые полосы. Нам объяснили, что это шрамы, оставшиеся после всех этих несчастных событий. Но что-то уж больно четкие, больно аккуратные шрамы. Я снова воззвал к Нэнси:

– Почему ты не спросила ее про фотографии? Почему промолчала, когда она сказала, будто никогда не встречалась с Джонатаном? – Но Нэнси не отвечала. – Она ничего не может доказать! – закричал я.

Я не мог выдержать царящей вокруг тишины и вышел из дома. Автобусная остановка в конце улицы, и я направился к ней: левой-правой, левой-правой, смотреть перед собой. Я услышал шелест автомобильных шин, обернулся и увидел приближающийся автобус. Я ускорил шаг и одновременно попытался поймать взгляд водителя. Вытянул руку. До остановки еще двадцать ярдов. Он проехал мимо меня, притормозил у остановки и ждал. Из автобуса вышел молодой человек. Я был уже почти на месте, но в последний момент автобус, не дождавшись меня, отъехал. Не заметил, что ли? Вроде должен был заметить. Гнусность с его стороны.

Неужели так трудно было подождать минуту, ну максимум три. Автобус повернул за угол, я помахал ему вслед и присел на скамейку в ожидании следующего.

Время текло незаметно. Голова у меня – как пустой котел. Подъехал автобус, я поднялся по ступенькам и сел за спиной водителя. Напротив меня – пожилая женщина. Она старалась поймать мой взгляд, но я смотрел мимо, в окно.

– Отличный денек нас ожидает. Если верить прогнозу, тучи рассеются, – сказала она.

Я перевел на нее взгляд. Хотел ответить, но язык не шевелился, так что я просто кивнул и отвернулся. На следующей остановке в автобус вошла женщина с двумя маленькими детьми, и пожилая дама приглашающе похлопала по сиденью. Один ребенок – девочка – явно была смущен, но мать улыбнулась, подняла ее и усадила рядом с дамой, а другого – мальчика – взяла на руки. Обоим годика по два, выглядели как близнецы. Девочка посмотрела на меня. Я ответил ей взглядом. Женщины начали болтать – так, ни о чем, но этого хватило, чтобы заполнить образовавшееся между нами пространство.

Пожилая дама оказалась права: когда я сходил с автобуса, тучи уже рассеялись, небо стало голубым, заблестело низко стоящее над горизонтом солнце. Оно светило мне прямо в глаза, приходилось щуриться. Впереди улавливались только какие-то неясные предметы. Я завернул налево, миновал ворота, солнце теперь оказалось справа, и видно стало лучше.

Вот тут и встретились Кэтрин Равенскрофт и Нэнси – тут, где похоронены Джонатан и сама Нэнси. Раньше я часто навещался сюда присмотреть за могилами, но теперь уже какое-то время не был. Пока Нэнси была жива, я не видел в том нужды. После смерти Джонатана мы купили здесь участок, рассчитывая упокоиться рядом, когда придет наш час. Собачники почему-то решили, что для их любимцев это подходящее место сходить по-большому или по-маленькому. Обычно это меня раздражало, но сегодня я просто сидел на скамейке и смотрел, как они останавливались и делали свои дела. Позади меня, на возвышении, Джонатан и Нэнси.

Здесьние собачники – публика приличная, они всегда прибирались за своими питомцами. Я смотрел, как один мужчина ловко сгребал собачий кал. Одно легкое движение, в руке зажат черный пластиковый мешок, наклон, подбор и шаг к мусорному ящику, крышка которого уже предусмотрительно открыта свободной рукой. Я улыбнулся, кивнул и посмотрел ему вслед, пока он не исчез из поля зрения. Потом повернулся в

другую сторону. Ворота миновал какой-то любитель бега трусцой, но он направлялся в другую сторону, с каждым шагом удаляясь от моей скамейки. Я встал, открыл мусорный ящик, запустил руку внутрь и извлек пластиковый мешок. Зажав его между большим и указательным пальцами, я пошел к могиле сына. Развязал мешок, и ударившая в нос вонь заставила меня поперхнуться.

– Ах ты, гаденыш! – крикнул я и швырнул содержимое мешка на могилу Джонатана. Какая-то часть дерьма разлеталась по сторонам и прилипла к надгробию. Мне сразу стало стыдно, ведь рядом с Джонатаном покоилась Нэнси: «Преданная мать, любящая жена, незабвенная».

Я огляделся по сторонам, не увидел ли меня кто, но вокруг было пусто. Я пошел к крану, набрал в лейку воды, возвратился и принялся за дело. Понадобилось три лейки, чтобы дочиста отмыть надгробие Джонатана, после чего я подобрал пластиковый мешок и бросил его в мусорный ящик. Затем возвратился к могилам сына и жены, опустился между ними на колени и не сдержал слез.

– Нэнси, ты все знала? Или хотя бы подозревала? – Слезы перешли в рыдания, и я уже был не на коленях, я лежал у их ног. Потом почувствовал на плече чью-то ладонь.

– Вам плохо? – Я поднял голову и увидел того самого собачника, который недавно был здесь. – Это ваши жена и сын?

Я кивнул, рассчитывая, что он еще раз погладит меня по плечу и удалится. Но он задержался.

– А как умер ваш сын? – В вопросе не было никакой назойливости – только участие. Из-за слез и скопившейся во рту слюны мне было тяжело говорить, я с трудом выталкивал слова наружу. Он протянул мне руку и помог подняться.

– Он утонул, – наконец выговорил я.

– Какой ужас, – отозвался он.

Но мне этого мало.

– Он утонул, спасая ребенка. – Я почувствовал, что у него перехватило дыхание.

– Это на редкость мужественный поступок, – сказал он и кивнул, словно осознав, что за человек был Джонатан. – Ну и как? Я хочу сказать: удалось ему спасти ребенка?

– Да.

– Какой же это был смелый молодой человек. – Он положил мне на прощание ладонь на плечо и ушел.

Это правда. Как бы там ни было, что бы он ни совершил – если

совершил, – Джонатану хватило смелости броситься на помощь ребенку, этого у него никто не отнимет. В тот день он продемонстрировал настоящее мужество. Он был первый, кто пришел на помощь. Так сказали в полиции. Он бросился в море, не думая об опасности, которой себя подвергает. Если бы он не действовал так быстро, Николаса Равенскрофта отнесло бы в море слишком далеко, так что уже никто бы не смог помочь ему. Я бы на его месте испугался, большинство бы испугались, но он, Джонатан, в тот момент не думал о себе, ему хватило мужества сделать то, что должно. «Это был настоящий храбрец» – так отзывались о нем свидетели в полиции и так говорили о нем нам с Нэнси. «Он пожертвовал собой» – так это с пафосом звучало в переводе с испанского на английский.

Признаю, я никогда не чувствовал за Джонатана той гордости, какой он заслуживал. Мне стыдно сознаваться в этом, но я никогда по-настоящему не верил в его смелость. Что это было – смелость или безрассудство? Я пытаюсь, но не могу вспомнить случая, чтобы за те девятнадцать лет, что Джонатан был рядом с нами, он проявил необычное мужество. Не было этого. Так как же это случилось? И почему он не смог доплыть до берега? Неужели волны были такими сильными?

– Как же так, почему этот испанец справился с волной, а Джонатан нет? – выкрикнул я однажды, и Нэнси дала ответ, на который я и рассчитывал:

– Получилось так, что он заплыл слишком далеко. Совершенно обессилел. Он сделал главное, самое трудное. Испанцу достался только последний круг.

Вернувшись домой, я почувствовал, что меня снова трясет. В помещении было холоднее, чем на улице. Я сел за стол и открыл ящик, в котором держал фотографии. Принялся просматривать их. Мать с сыном на пляже; затем в кафе, она заставляет его проглотить ложку с какой-то едой; они вместе едят мороженое. Выглядит все это совершенно естественно. Она улыбается, он улыбается. Они на отдыхе. На одном из снимков она смотрит прямо в объектив аппарата. Можно подумать, что фотограф сидел за соседним столиком, но я в это больше не верю. Она не догадывалась, что ее снимают, как и Нэнси не подозревала, когда Джонатан запечатлел ее сидящей в саду на кресле-качалке. У него это хорошо получалось. У него был талант фотографа. Его работы несколько напоминали снимки, которые папарацци делали для гляцевых журналов. Снято с близкого, но безопасного расстояния, словно знаменитости – их близкие друзья. Иллюзия интима. Мы подарили сыну самый дорогой, какой только могли

себе позволить, широкоформатный фотоаппарат.

Фотографии же, сделанные в гостинице, – другие. Они как раз совершенно лишены естественности. Это постановочные кадры. Теперь я это ясно вижу. И чем больше рассматриваю их, тем страшнее мне становится, к шоку добавляется ужас. Я вижу то, что раньше предпочитал не замечать. Это – страх. Если бы пленку проявлял я, а не Нэнси, увидел бы я то, что увидела она? Или вспомнил бы набор порнографических фотоснимков, которые обнаружил в спальне Джонатана? Или, допустим, сначала бы я проявил пленку, а порнография попала уже потом. В таком случае мелькнула бы у меня мысль, что между ними может быть связь? Я выбросил журналы, чтобы Нэнси не отвечала за аппетиты своего сына. Но таким образом я обелил и самого себя. Тогда я выбросил их, а потом, когда много лет спустя обнаружил фотографии, ничего не вспомнил. Я видел то, что хотел видеть. А вот Нэнси – не знаю. Не уверен, но она могла увидеть нечто другое. Вопрос в том, уж не это ли другое заставило ее взяться за книгу. Она написала ее для себя и ни для кого другого.

Сочинила ли она всю эту историю для того, чтобы ее сын мог покоиться в мире? Но это ее сын – не мой. Мой сын пребывал совсем в ином, далеко не столь покойном месте. Я возносил молитвы за выздоровление Николаса Равенскрофта и думал, что Нэнси, наверное, посмеялась бы надо мной, но вызвать ее образ у меня не получалось, и я был признателен за повисшую в доме тишину. Я уложил фотографии в конверт.

Я спросил Кэтрин Равенскрофт, отчего она не рассказала все это Нэнси при встрече. Отчего не сказала, что ее изнасиловали. Кэтрин посмотрела на меня с удивлением.

– Я никому этого не говорила, – ответила она. – К тому же мне не хотелось лишний раз ее ранить.

Я стал первым, кому она открылась. Да и то потому, что оказалась вынуждена. Она опять поддалась давлению, опять пошла против собственной воли. Мне кажется, она не лукавила, сказав, что ей очень жаль. Ей было жалко меня, но я не нуждался в ее жалости. Мне надо, чтобы она меня ненавидела. Мне надо, чтобы кто-нибудь ненавидел меня больше, чем я сам себя ненавижу. Я должен сказать ей, что сделал с ее сыном. Что это из-за меня он сейчас пребывает там, где пребывает.

Я набирал ее номер. Я делал это не в первый раз, но раньше я молчал. Она взяла трубку.

– Да?

Вроде бы она за рулем, голос тонул в шуме уличного движения.

– Это я показал фотографии вашему сыну. – Я стал ждать ответа и, не дождавшись продолжил: – Моя жена хотела, чтобы вы страдали так же, как страдала она... – Я рассказал, каким образом поддерживал связь с Николасом. – Я заставил его поверить, что вы влюбились в Джонатана, что жизнь Джонатана была для вас важнее его жизни. – Я слышал ее дыхание на фоне уличного шума, прерывистые вздохи, но она по-прежнему не говорила ни слова. Наверное, сейчас отключится. Но нет, слушала. – Вы бы лучше все рассказали мужу, – сказал я со всей возможной мягкостью.

– Это ты, подлец, сам ему все расскажи, – прошипела она, и слова ее дали мне надежду на то, что в ее сердце нашлось место для ненависти ко мне.

Глава 53

2013, конец лета

Именно Роберт сидел у постели Ника, когда тот открыл глаза, и он же дал знать об этом Кэтрин. Он послал ей сообщение по сотовому, она получила его во время второго сеанса у психиатра, к которому обещала на работе ходить. Она колебалась, готова была уже отказаться, но все же решилась: у нее теплилась слабая надежда, что это ей поможет. При сигнале телефона женщина-врач нахмурилась. Он должен был быть выключен. Кэтрин встала и сказала, что ей нужно выйти. Молодая женщина молча склонила голову набок. Ощущение от сеансов у Кэтрин было такое, словно у нее один за другим очень бережно вырывают зубы, и протезы, которые станут на их место, должны значительно улучшить ее самочувствие. Но пока для нее было важно привыкнуть к зияющим во рту окровавленным дырам.

– Это по поводу сына. Он только что открыл глаза.

Женщина склонила голову на другую сторону.

– Он в отделении интенсивной терапии.

Во взгляде ее сначала мелькнуло удивление, потом догадка, будто до врача внезапно дошло, о чем идет речь. Это не так, но ее вины в том нет. Кэтрин ведь ничего ей не рассказала. А сама она не спросила. Она вообще не задавала ненужных вопросов, а Кэтрин только на вопросы и отвечала, не проявляла со своей стороны никакой инициативы. Она оказалась трудным пациентом – пациентом, который, судя по всему, не хочет или не может помочь себе сам.

Когда Кэтрин появилась в больнице, сиделка сказала ей, что Роберт уехал пять минут назад. Он тщательно следил за временем своих приходов и уходов, чтобы не столкнуться с ней, но на сей раз у нее не было уверенности, что он по-прежнему избегал ее. Она опустилась на колени, припала к Николасу и сказала, что она здесь, с ним, что все будет хорошо, что худшее позади, что она любит его больше всех на свете – больше, чем когда-нибудь кого-нибудь любила. Николас открыл глаза, но пока не мог ни на чем сосредоточиться. Он смотрел в пустоту, ни на что не откликался. И все же врач сохранял надежду. Терпение. Нужно время. Потребуется новые анализы, но пока признаки неплохие. Очень может быть, что он, хоть и медленно, но полностью поправится. Это была хорошая новость, а Кэтрин сказала себе, что, если хороших новостей не будет, она расстанется с

жизнью. Она уже обдумала, каким именно способом. Броситься под поезд метро – не вариант, лучше пилюли и алкоголь.

Роберт все еще не знал, что ее изнасиловали. Она ждала, когда ему все расскажут. Надеюсь, что долго ждать не придется. Неужели Стивену Бригстоку не хватит смелости, чтобы оказать ей эту одну-единственную услугу? Если нет, то придется ей самой все рассказать Роберту, но уже сейчас у нее тошнота подступала к горлу при мысли о том, что он может ей не поверить. Не следует убеждать его, не следует заверять, что все сказанное – правда, но она боялась, что именно это ей и предстоит. Он настолько ее теперь презирал, что скорее мог поверить не ей, а Стивену Бригстоку. И все равно жестоко было бы слишком долго держать его в неведении. Оттягивая рассказ, она наказывала его. Но разве не Роберт с такой готовностью воздвиг между ними стену, разве не Роберт захлопнул перед ней дверь?

А вот Нику она откроется без колебаний. Теперь, когда стало ясно, что он выкарабкался и, стало быть, жизнь у них обоих продолжится, он должен узнать все от нее, а не от кого-то другого. Как бы больно и для него, и для нее это ни было – должен. Но пока он еще недостаточно окреп, нужно время. Она поглаживала его руку. У него слишком длинные ногти. Надо принести ножницы и подстричь их. Она неожиданно вспомнила миниатюрные ножницы, которыми стригла ему ногти, когда он был маленьким. Ноготки были такими мягкими, такими нежными. А уже подровняв, она под конец легонько подпиливала их, чтобы он не поцарапался ночью. Кэтрин посмотрела на часы. Пора бы уже Роберту вернуться, но она была рада, что он запаздывал. Она поймала на себе взгляд сиделки. Та заметила, что Кэтрин смотрела на часы, и это ей не нравилось. Кэтрин вообще всем им не нравится. В отличие от Роберта. Бедный муж. Преданный отец. И мать-истеричка. Женщина, напавшая на слабого старика. Раньше ей было бы не все равно, что о ней думают, а сейчас – наплевать. Она положила голову на кровать и закрыла глаза, наслаждаясь возможностью еще немного побыть с сыном наедине.

Глава 54

2013, конец лета

– Мой сын изнасиловал вашу жену. Она сама мне все рассказала, и я ей поверил. Сожалею. Мне очень жаль, что все так случилось...

Бедняга. Слишком много на него разом свалилось. Слишком уж я прямо с ним говорил. Мы сидели в больничном кафе. Он принес мне чашку чая. Буквально силой заставил меня выпить. Я пытался отказаться, говорил, что не хочу, но он все хотел меня... успокоить, что ли, – сделать так, чтобы я почувствовал, что меня рады видеть. Сказал, что все равно идет себе за чаем. Он неправильно понял мое состояние – решил, будто я все никак не могу прийти в себя после своего последнего визита сюда. Едва он поставил чашку на стол, как я все ему и выпалил. Теперь повторял более медленно:

– Мой сын изнасиловал вашу жену. Она мне все рассказала, и я ей поверил. Мне больно говорить это, но да, я думаю, что сын был на это способен... мне очень, очень жаль.

Мне хотелось говорить и говорить, но я заставил себя замолчать. Надо дать ему время переварить услышанное. Наверняка у него возникнут вопросы, и я должен буду на них ответить.

– Жена, говорите, все рассказала?

– Да.

– Кэтрин?

– Да.

– И вы ей поверили?

Я кивнул. Он заглянул куда-то мне через плечо. Вокруг нас сидели люди, но за столиком мы были одни. Мы были похожи на отца и сына. Люди решат, что моя жена, его мать, в палате, лечится тут, а мы утешаем друг друга.

– Да, я уверен, что она говорит правду, – повторил я. – Мой сын изнасиловал вашу жену.

– И когда она вам это рассказала?

– Вчера. Она приходила ко мне домой...

Он переваривал мои слова. Избегая смотреть мне в глаза, задел взглядом плечо, потом перевел его еще ниже, тупо посмотрел в чашку из дешевого фарфора, обхватил ее обеими ладонями.

– Вчера?

– Да. Вчера утром она приходила ко мне домой.

Тут он поднял взгляд, и я увидел, насколько он измучен. Пустой взгляд, волосы, совсем недавно еще светлые, тронуты сединой.

– Но почему же она сама мне не сказала? Это от нее, а не от вас я должен был все узнать.

На этот вопрос у меня ответа не было. Пусть спросит о чем-нибудь еще. На что я смогу ответить. Наступившее молчание становилось все тяжелее, оно поедало воздух между нами, и я чувствовал, как в груди его нарастала ярость. Он пробуждался... Четыре, три, два, один.

– Ну а вы почему молчали?! Наверняка все уже давно сами знали. Подонки! Почему раньше мне ничего не сказали?

– Да не знал я ничего. Не знал до вчерашнего дня. И с женой вашей только вчера познакомился. Но когда она села напротив меня и начала рассказывать эту историю, я понял, что все это правда. А кому приятно узнать, что его сын способен на такое?

Он беспорядочно хватался руками за воздух, словно искал точку опоры. Он был поражен в самое сердце. Теперь я понимал, что это такое. Мы оба поражены в самое сердце.

– Он ее изнасиловал?

Я кивнул.

– По-вашему, он был способен на это, и вы молчали... Для него это был не первый раз...

– Нет, нет, ничего подобного, – перебил его я. – Но надо было слышать ее рассказ, все эти подробности, нож... Нет, она точно говорила правду...

– А фотографии?..

И я увидел, что его начало охватывать чувство вины. Он перегнулся через стол, стиснул мне плечи и пролил на ноги обжигающе горячий чай. Женщина, сидящая рядом, обернулась на нас. Должно быть, удивилась, отчего это я сижу как истукан, не двигаясь и не издавая ни звука, но я и на самом деле ничего не ощущал.

– А ведь я сочувствовал вам, – сказал он. – Я испытывал благодарность к вашему сыну, этому подонку, за то, что он...

Он оттолкнул меня и обхватил лицо руками.

– Я должен был сказать вам это прямо – не по телефону.

И потом я, жалкий трус, напомнил ему, что книгу написал не я, а моя жена. Его передернуло. Слова мои звучали, словно я обвинял Нэнси, но это не так. Раньше я верил тому, что она написала, и чувствовал себя обязанным – перед ней обязанным – предать написанное гласности. Это была ее книга, ее слова.

– Она не хотела, чтобы кто-то это прочитал. Наверное, и мне надо

было оставить рукопись в покое...

– Но вы послали книгу моей жене. И сыну. А мне – фотографии. О Господи! Как это могло случиться? Вы же сами только что признали, что он был способен на такое, так почему даже не усомнились в написанном?

– А вы? – Я съезжился, почти физически ощущая боль, которую причинил ему своим вопросом.

– Почему я не усомнился? – Он по-прежнему не отрывал ладоней от лица.

Я видел, что у него вздрагивали плечи, мне хотелось протянуть руку и коснуться его, но что-то меня остановило. Мне его не утешить, мне не найти слов, которые могли бы избавить его от чувства вины или стереть образ жены, читающей эту гнусную книгу и словно бы вновь подвергающейся насилию. Мне здесь нечего больше делать. Все кончено. Теперь он все знал. Я оставил его одного и поднялся в отделение интенсивной терапии. В палату не зашел, просто посмотрел в окно, надеясь найти взглядом Ника, и увидел ее стоящей на коленях у кровати сына. Казалось, она спала.

Глава 55

2013, конец лета

Он опустился на колени рядом с ней, и она ощутила на плече его ладонь. Глаза у нее по-прежнему были закрыты. Лицом он почти прикоснулся к ее шее. Он дрожал.

– Прости меня, Кэт. Прости, пожалуйста, мне очень жаль, что все так получилось. Теперь я все знаю. Он рассказал мне про сына... – Эти последние слова он выдохнул прямо ей в шею.

Она все еще не открывала глаз. В голове у нее шумело. Он взял ее за руку, у нее, наконец, вздрогнули ресницы, но она встретила взглядом с Ником, а не Робертом. Это Ник смотрел прямо на нее, видел ее.

Это случилось еще до прихода Роберта, он еще не открыл глаз, но уже мог сосредоточиться на одной точке. Кэтрин тогда держала его за руку, его голова слегка шевельнулась, он посмотрел на нее, и она поняла, что он ее увидел, узнал, и ее охватило ощущение счастья, и она улыбнулась, и заплакала.

– Привет, родной, – прошептала она.

Он не ответил – просто посмотрел на нее. Она послала сообщение Роберту. Она не знала, что он сидит в больничном кафе со Стивенном Бригстоком. Рядом все время находилась сиделка, и впервые за все это время Кэтрин уловила на ее лице улыбку. Затем подошел врач и подтвердил то, что им и так уже было известно. Наметился настоящий прогресс. Если так пойдет и дальше, то уже через неделю Ника выпишут из больницы.

Ник снова закрыл глаза, она тоже. А потом пришел Роберт.

– Папа здесь, – прошептала она на ухо Нику.

Роберт не сводил глаз с Кэтрин и потому не заметил, что сын очнулся, но она-то слышала его прерывистый вздох и чувствовала, как он всем телом вздрагивал от охватившей его радости – так подрагивают с негромким шумом люминесцентные лампы в палате.

– Ник, – сказал он, – мы здесь. Мы с мамой. Все будет хорошо. При виде того, как они прижались друг к другу, в глазах у него мелькнуло недоумение. – Я схожу за доктором, – прошептал Роберт.

– Он уже знает, – сказала она и передала обнадеживающую новость.

Они остались в палате за полночь. Сидели рядом, время от времени то один, то другая выходили, чтобы принести что-нибудь поесть и выпить. Они не хотели ни на минуту оставлять Ника одного: а ну как он заговорит?

Это вполне возможно, и они не хотели пропустить его первых слов. Но в час ночи решили уехать. Кэтрин немного страшилась этого. Теперь им не избежать разговора, а она слишком устала.

Они ехали домой, за рулем был Роберт. Время позднее. Кэтрин почувствовала укол совести, что этой ночью не будет с матерью, но та, кажется, поняла, что Ник пошел на поправку и они с Робертом едут к себе. Она совершенно вымотана. Единственное, чего ей хотелось, так это как можно скорее оказаться дома и чтобы ее уложили в постель. От усталости Кэтрин даже говорить было трудно; иное дело, что на душе – покой, и в машине так тихо, что ей казалось, будто их с Робертом поместили в вакуум. Он тоже не спешил начать разговор – изможден не меньше ее. Они поднялись наверх, и Кэтрин приняла душ, избавляясь от больничных запахов. Она легла в постель с мокрыми волосами и с облегчением почувствовала, как жар в голове уступил место прохладе. Роберт устроился рядом, нащупал ее ладонь, но в этом прикосновении не было ничего чувственного, он просто хотел поддержать ее за руку, и она не сопротивлялась. Она лежала к нему лицом, хотя предпочла бы отвернуться. На правой стороне кровати ей спать привычнее, но, не желая задеть его, она осталась на левой.

– Кэт, – прошептал он.

Она даже не ответила, а пробормотала в ответ что-то невразумительное и провалилась в сон.

– Кэт, мне так жаль. Я, наверное, никогда не прощу себя...

Не открывая глаз, она положила ладонь ему на щеку. Его вины в этом не было. Он ничего не знал, она ему ничего не сказала. И теперь у нее не осталось сил объяснять все это. Она отвернулась и, вдыхая знакомые запахи, натянула одеяло до подбородка.

– Почему ты мне ничего не сказала? – прошептал он ей в затылок.

Она физически ощущала, как он жаждал, чтобы она хоть что-то ответила. Но это нужно ему, а не ей, и она сделала вид, будто ничего не слышала. Все, что ей сейчас надо, так это заснуть, заснуть с приятным осознанием того, что правда наконец вышла наружу.

Следующие несколько дней они провели в больнице – оба думая только том, как бы он поскорее поправился. А дела шли все лучше, это было видно невооруженным глазом. Ник бодрствовал, он был в полном сознании. Начал говорить. Речь была еще немного сбивчивая, но понять можно. С помощью логопеда все наладится. Присутствие родителей все еще несколько смущало его. Он знал, кто это, и все же посматривал с

подозрением. У Кэтрин сердце разрывалось, когда она по глазам сына видела, что он не до конца ей верил. Но к полной правде он еще не совсем готов, было бы нечестно обрушивать ее на него вот так, сразу, поэтому она делала вид, что не замечала его настороженности, и целиком занимала себя мелкими хлопотами: накладывала в тарелку фрукты, которые только что сама же и почистила; подливала воду в стакан; протирала ему лицо и руки влажной салфеткой; подравнивала ножницами ногти; втирала крем в ладони и ступни. Он не сопротивлялся. Он был слаб, как ребенок. Он нуждался в уходе.

Кэтрин его не торопила, а вот Роберту не терпелось.

– Все это неправда, Ник, все это выдумка. Мама тебя любит. И меня тоже любит. Ничего такого не было, все было не так...

– После, – останавливала она его.

Что он собирался сказать? Что мужчина, спасший его жизнь, изнасиловал его мать? На мгновение ее охватила неприязнь к мужу. Это ее история. Годами она оставалась в ее безраздельной собственности. И не его, а ее дело – поведать о случившемся сыну, это она единственная, кто поможет Нику понять, отчего она все время держала все в тайне.

Пусть медленно, но Ник шел на поправку. Вставленная в горло трубка ему мешала, но речь постепенно возвращалась. Кожа все еще была серая, он сильно исхудал, но все это пройдет. Кэтрин благодарила Бога. Ладно, благодарила некую силу, которую называла Богом, хотя, где эта сила располагалась, она в точности не знала. Так или иначе, она была благодарна за то, что Нику во второй раз спасли жизнь. И вместе с Ником шли на поправку отношения между Кэтрин и Робертом, они медленно возвращались в ту точку, где им снова будет легко жить вместе. Роберт от души желал Стивену Бригстоку смерти. Он хотел наказать его за все то, что он сделал его семье. Зло, принесенное этим гнусным типом, лишало его сна. А вот Кэтрин впервые за кои-то веки спала спокойно. И если и думала о Стивене Бригстоке, то с горечью. Она видела, каково ему было выслушать нестерпимую правду. Он мог бы возмутиться, назвать ее лгуньей – она была к этому готова, – но не сказал ни слова. Он смирился с правдой, и она это оценила – не многие на это способны, отмахнуться гораздо легче. Многие родители сочли бы то, что она рассказала о его сыне, его мертвом сыне, невероятным. Она чувствовала вину за ту боль, что причинила Роберту, – вину за то, *каким образом* до него дошла эта история. Он должен был услышать правду от нее, и она попыталась объяснить ему, отчего молчала все это время. Став свидетельницей гибели Джонатана

Бригстока, она подумала, что это стало ему наказанием за содеянное. Никогда уж он не сможет сделать с другими то, что сделал с ней, а она никогда не предстанет перед судом, чтобы доказать свою невиновность. Она увидела в этой смерти то, что, как ей казалось, могло сломать ее семейную жизнь. И тот факт, что Николас выжил, только укрепил ее в этой уверенности.

Теперь стало ясно, что она заблуждалась, думая, что способна сама справиться с этим бременем и что оно ни на что не повлияет. Конечно же, получилось иначе. Оно, и это очевидно, повлияло на ее взаимоотношения с Николасом. Ей-то казалось, что, скрывая случившееся, она оберегает близких, не дает ему стать частью их жизни, а на самом деле...

– Да стало оно этой частью, стало... с появлением книги. Ну почему ты сразу мне ничего не сказала? – Голос у Роберта был умоляющий.

– Сама не знаю. Я хотела... Собиралась...

Он смотрел на нее, смотрел выжидательно, ждал продолжения, хотел, чтобы ему объяснили, почему же только собиралась, да так ничего и не сказала.

– Бывало, чувствовала, еще чуть-чуть и все выложу как на духу. Но... не знаю, Роберт. Когда держишь в себе такое – и ничего не говоришь, никому не рассказываешь, – открыть рот становится чем дальше, тем труднее.

И такие вот разговоры ей тоже вести мучительно трудно. Они выматывали ее до слез, заставляли чувствовать себя виноватой и опозоренной. Ей хотелось, чтобы он сказал: «Может, тут все дело во мне? Может, это я не дал тебе все рассказать?» Но таких вопросов он не задавал, а она его не провоцировала. Боевой дух у Кэтрин иссяк. Она даже не спросила Роберта, что именно в поведении и образе «Шарлотты» так легко убедило его в том, что героиня списана именно с нее, Кэтрин. Она не говорила ему, как мучительно больно было видеть ей его злость и ненависть. Нет, она никак его не подталкивала, она плакала, а он извинялся. Извинялся за то, что довел ее до такого состояния. Он этого совершенно не хотел – меньше всего, – и расспросы прекращались, он оставлял ее в покое. И ей становилось легче. Ибо она сама боялась того раздражения, которое вызывали такие разговоры, того бремени, которым они становились.

Ника отпустили домой через две недели. Кэтрин и Роберт вместе поехали за ним в больницу. Ощущение у них обоих было такое же, как когда они везли Ника домой из родильного дома: новоиспеченные и слегка растерянные родители, они, как могли, опекали младенца. Но тогда Кэтрин

с ужасом ждала момента, когда Роберту надо будет возвращаться на работу; теперь же она ждала этого с нетерпением.

Сегодня – первый день, когда она осталась с Ником один на один. Теперь можно, он готов. И она призналась, что ее изнасиловали. Не было никакого романа. И в Джонатана Бригстока она не была влюблена. Она вообще его не знала. Она рассказала Нику, что он, ребенок, спал в соседней комнате. Говорила, что боялась, как бы Джонатан Бригсток не сделал ему больно. Упомянула нож. Она не искала оправданий тому, что до сих пор скрывала эту историю. Просто говорила, что не только он – никто ничего не знал.

– И он спас мне жизнь?

– Да.

– Но как же это?..

– Не знаю. И никто никогда не узнает. Может, почувствовал себя виноватым?

Ник побледнел, лицо его покрылось какой-то серой пленкой, и она увидела, что он устал. Они недавно перекусили, скоро его потянет вздремнуть, но в то же время ему хотелось дослушать все до конца. Он продолжил разговор:

– Виноватым?

– Не знаю, родной. – Она замолкла, соображая, сколько еще он сможет вынести. – Может быть. Что его подтолкнуло тогда, мы никогда не узнаем, но да, он спас тебе жизнь. И никто его не вынуждал – он сам бросился в море. Он хотел спасти тебя. – Она положила ему ладонь на плечо, Ник наклонил голову, и она увидела, что по щеке его скатилась слеза. Она потянулась к нему, хотела прижать к себе, но он отстранился.

– Все нормально, – произнес он.

Она поцеловала его в макушку, чувствуя, как в ноздри ей ударяет запах шампуня, сохранившийся после утреннего душа. Ей хотелось обнять его, но он по-прежнему упирался. Она отвернулась и тоже не сдержала слез.

– Ты устал, – сказала она. – Тебе надо поспать. Потом договорим.

Он кивнул, поднялся, она встала следом за ним и посмотрела, как он идет к лестнице.

– Прости за то, что была тебе такой плохой матерью, – произнесла она.

Он повернулся, пожал плечами, неопределенно покачал головой. Не произнес ни слова, но хотя бы покачал головой.

Пока Ник поднимался по лестнице, Кэтрин легла на диван и закрыла глаза. *Если бы, множество если бы* мелькали у нее в сознании. Если бы в ту ночь, когда все это случилось, она позвонила в полицию. Если бы она

позвонила Роберту. Он бы немедленно примчался, разве не так? Но она словно в транс впала. Утром Ник проснулся, влетел к ней в комнату и начал прыгать на постели. В ту ночь она не заснула ни на секунду. Она опорожнила и насухо вытерла небольшую баночку с кремом, затем прижала ее к влажной, избавляясь от остатков его семенной жидкости. Той небольшой ее части, что не стекла по ногам на пол. Мерзкая слизь. Она тщательно протерла крышку и положила баночку в несессер. Помнится, подумала тогда, что будет, если багаж начнут проверять – если какой-нибудь ничего не подозревающий служащий аэропорта сунет нос именно туда. Она сделала несколько снимков – кровоподтек на бедре, след от укуса на шее. Полиции понадобятся вещественные доказательства, вот она их и собирала.

Только вот вопрос: поверят ли ей? Она забыла ключ в замке. Но понятно, что, какие бы доказательства она ни представила, кто-нибудь, скорее всего это будет мужчина, во время судебного заседания поднимется и обвинит ее во лжи, заявит, что это она заманила молодого человека в свой номер. Что они уже были знакомы. Что он угостил ее в баре гостиницы, где она остановилась. Да вспомнит ли кто-нибудь, что она тогда к нему даже не подседала?

И тут он погибает. И слава Богу, подумала она тогда. Он мертв. Теперь ей не придется никому доказывать свою невиновность, так что, проявляя пленку, она вырезала снимки своих травм и оставила только фотографии, на которых была изображена с Робертом и Николасом.

Пока Ник прыгал на кровати, она улыбалась и всячески делала вид, что наблюдает за ним. Что бы в то утро она ни сказала, что бы ни сделала, казалось, существовало само по себе и не имело к ней никакого отношения. Они позавтракали. То есть это Ник позавтракал, а она ни крошки в рот не взяла. Помнится, он даже спросил, почему она не ест. Ему не терпелось отправиться на пляж. Ей не хотелось, но если не на пляж, то чем заняться? Она попыталась было поменять рейс. Ник подпрыгивал от нетерпения, пока они болтались в гостиничном холле в ожидании ответа из агентства. Ничего не получилось, и они пошли-таки на пляж. По дороге она купила ему надувную лодку. Спасательный круг, подумалось ей тогда. Он будет счастлив, а она спокойна. И мальчик действительно был в восторге. Вверх-вниз, вверх-вниз – он подпрыгивал на дне лодки, о чем-то лепеча сам с собой, играя одну за другой роли всех членов экипажа. А ее сморили жара и пережитый ночью шок, и она положила голову на полотенце, закрыла глаза и заснула. Она больше не присматривала за своим малышом. И он едва не утонул. И его спас совершенно незнакомый мужчина.

Роберт перестал расспрашивать, почему она ничего ему не сказала, и она почувствовала себя прощенной. Он теперь знал, что никакой интрижки у нее не было, что она ему не изменяла. И сейчас у него новая роль. Он больше не оскорбленный муж, он – муж-опора. Он всегда был рядом, настаивал на том, чтобы она кому-нибудь доверилась, то есть не кому-нибудь, а профессионалу, который сможет вернуть ее в прошлое, а потом привести назад, но от прошлого Кэтрин тошнило. Она не хотела туда возвращаться. Раньше – другое дело, но сейчас прошлое для нее закрыто. Ее интересовало только настоящее.

Глава 56

2013, осень

Я проводил много времени, думая о Джонатане, стараясь понять, что это был за человек. Тяжело признавать, что не знаешь собственного сына и никогда его не знал.

Я обронил как-то, что Джонатан никогда не умрет от стыда, слишком уж мать его любит, что бы он ни сделал, всегда простит. Испанец употребил правильное слово: жертва. Мне кажется, изнасиловав Кэтрин Равенскрофт, Джонатан понял, что пошел по дороге, откуда возврата нет. Он утратил самого себя. Он не рисковал жизнью, он сознательно ее отдал. Может, я хватался за соломинку, просто искал утешения, но отчего тогда он решился на поступок совершенно не в его духе? Мне кажется, Джонатан заглянул в самого себя и набрался храбрости не отступить. Он увидел себя таким, каков он есть. Очень немногие способны на это. Я лично только сейчас начинал обретать такую силу, а Нэнси, по-моему, это так и не удалось. Тут требуется немалое мужество, не правда ли? Сбросить маску и посмотреть себе прямо в лицо.

С полной уверенностью не скажу, но мне кажется, такое случилось с Джонатаном впервые. Правда, что-то заставило Сашу сорваться с места и вернуться домой к родителям. Мы называли Сашу его девушкой, но на самом деле познакомились они совсем недавно, и я, помню, удивился, когда Джонатан сказал, что она едет с ним в Европу. А вот когда она вернулась без него, удивился меньше. Правда, если бы он изнасиловал ее, родители наверняка бы подали в суд, тут сомневаться не приходится. Но, с другой стороны, что-то все же случилось, иначе почему ее мать так злобно говорила по телефону? Нэнси-то, наверное, знала, но мне так ничего и не сказала, а я, к своему стыду, никогда не расспрашивал. Все, что мне известно, так это то, что Нэнси обернула явно проигрышную позицию на пользу Джонатану. Впрочем, она так всегда поступала, с самых его нежных лет.

Сейчас я явственно слышу голос Нэнси: это был голос женщины, потрясенной горем; голос, который я запомнил на долгие годы, вновь и вновь прокручивая воображаемую пластинку с его записью, вслушиваясь в звучащее в нем отчаяние. Задолго до его смерти, то есть с самого начала, Нэнси сделала из нашего сына какую-то выдуманную фигуру, а я молчаливо способствовал тому, чтобы не замечать ничего, что могло бы нас

насторожить относительно Джонатана. Какие-то мелочи, еще в детском возрасте, которые постепенно превращались в нечто большее по мере того, как он рос и становился все больше не похож на того молодого человека, каким мы хотели его видеть. Я был рядом и ничего не делал, чтобы помешать этому. Мой сын был насильником. Нет, сын Нэнси. Но и мой тоже, мой тоже. А у нее были какие-нибудь подозрения? Если и были, то она ими никогда не делилась. Если и были, то она наверняка всегда гнала их от себя. Она переписывала Джонатана точно так же, как я переписал ее. Я оказался подвержен иллюзиям не меньше, чем она. Я превратил свою жену в нечто такое, чем она не была. Мне хватило смелости признаться самому себе, что еще задолго до гибели Джонатана она сбилась с дороги. Годами я подогревал ее фантазии, разделял ее слепую привязанность, ни разу даже не попытался пойти поперек, заставить усомниться. Я просто притирался к ним: придуманный Джонатан, придуманная Нэнси. Единственное мое оправдание состоит в том, что я делал это из любви. Да и она тоже. Но никакое это не оправдание.

Даже в детстве Джонатан словно отталкивал людей. В детский сад он ходил всего месяц, а потом Нэнси взяла его домой, сказав, что хочет быть с ним рядом. Да и он, мол, не готов оставаться вдали от родителей. А когда пришла пора поступать в школу, сама нашла там же работу, чтобы все время видеть сына. У него были приятели, они приходили к нам домой поиграть, но к себе Джонатана никогда не приглашали. Я это видел, но старался не замечать. Думаю, дети любили приходить к нам из-за Нэнси – она всегда была так добра к ним. Когда Джонатан был маленький, делать вид, будто все хорошо, в общем, казалось не сложно, но потом, когда он достиг отроческих лет, ее влияние на сына пошатнулось. И все равно она продолжала опекать его, как наседка. Наверное, мне следовало вмешаться, но я понимал, что стоит мне сделать хоть шаг в этом направлении, как я разом окажусь по ту сторону баррикады, примкну к стану врагов, всех тех, кто не понимает Джонатана. Мне пришлось бы вступить в битву с ней, своей женой, этой противоположностью Мэдеи.

И я погрузился в мир собственных фантазий. Я воображал, каково это, если бы один из учеников был моим сыном. Мальчишкой, с которым можно поговорить. Который слушает твои слова, быть может, иногда отвечает грубостью или ведет себя неподобающим образом, но по крайней мере смотрит тебе в глаза, остается близок. После гибели Джонатана я дал полную волю таким фантазиям и утратил самоконтроль.

В школе у меня был один ученик, отличник. Какое-то время я воображал, что это мой сын. Он не был умен, как Джонатан. Джонатан

сдавал экзамены без малейших усилий и выказывал неприятное высокомерие по отношению к тем, кому это было сделать трудно. Ничто вокруг его не интересовало, и с тем же равнодушием он смотрел в будущее, что, наверное, и побудило Нэнси предложить ему съездить в Европу, сказав, что расходы мы берем на себя. Ему нужно время, чтобы найти себя, говорила она.

Паренек, которого я «усыновил», был полной противоположностью Джонатана. Когда он поступил в университет, я решил посмотреть, как он там устроился. Купил билет до Бристоля и во всеуслышание объявил, что еду к сыну в университет. А когда кое-кто удивился, как это может быть, что у меня такой юный сын, только начинающий учиться, объяснил, что дети у нас с женой появились поздно. На поездки в Бристоль и обратно я потратил целое состояние. Нэнси об этом так ничего и не узнала. Думала, что я каждое утро отправляюсь на работу в школу, хотя на самом деле я взял отпуск за свой счет. И прекратил эти визиты только после того, как мне там дали взбучку. Это был хороший урок. Мне хоть немного вправили мозги.

Вины Нэнси во всем этом нет, я один отвечаю. Моя любовь укоренилась в двадцати годах совместной жизни, и у меня не было ни желаний, ни сил перебарывать ее, не было тогда, нет и сейчас. Я все еще вижу женщину, в которую когда-то влюбился, женщину, на которой женился и с которой прожил жизнь. Но теперь я вижу и кое-что еще – женщину, какой Нэнси стала после рождения Джонатана. Изначальное цветение, за которым последовали случайные боковые побеги, кривые ветки, шипы, прорастающие сами собой, пока она пыталась укрыть его понадежнее и превращала в то, чем он не был. Ей и самой приходилось ломать себя, она сделалась колючей и агрессивной. Я должен был взять длинные ножницы и обрезать, пока не поздно, все эти наросты, не дать им погубить изначально здоровое растение. Иногда приходится быть жестоким. Просто резать в нужном месте, так, чтобы цветок не увял, пошел в рост.

Я вновь начал ухаживать за садом: полел сорняки, сгребал листья в кучи и жег их. Соседи жаловались на запах. Это нехорошо, говорили они, я думаю только о себе, а у них белье сушится на улице, теперь все пропахнет дымом. Боюсь, эти упреки не только не останавливали, но скорее подстегивали меня. Мне самому нравилось, что мой костюм и волосы пахнут дымом. Мне доставляло удовольствие бросать фотографии в огонь, смотреть, как они горят. Желтый конверт с логотипом «Кодак» на лицевой стороне сначала сделался коричневым, потом почернел, и я представлял

себе, как внутри съеживаются, а затем превращаются в ничто все эти снимки. Незадолго до того я еще раз просмотрел их, на тот случай, что пропустил ненароком фото самого Джонатана. Это могло быть просто отражение в зеркале или тень на стене. Но нет, ничего не обнаружилось. За фотографиями должны были последовать вещи, принадлежавшие моему сыну. Мне ничего не хотелось оставлять. Я уже начал рубить дрова для нового костра.

Вчера я отнес Джеффу ноутбук. Это подарок, сказал я. Он удивился, но я пояснил, что уже присмотрел новый компьютер. Соврал, конечно.

– Как продвигается новый роман? – поинтересовался Джефф.

– Да я бросил его. – И я небрежно отмахнулся, не давая ему возможности начать встревоженные расспросы.

Мой следующий адрес – благотворительная лавка и ее хозяйки.

– Тут я еще кое-что нашел, – сказал я, открывая саквояж с вечерней сумочкой, вязаной шапкой и кофтой. Ну, ее-то я износил практически до дыр – вон, под мышками видны, и верхней пуговицы не хватает. Я отказался от кофе и смотрел, как дамы разглядывали содержимое саквояжа, явно не желая к нему притрагиваться. Интересно, думал я, переживет меня кофточка или эти славные женщины все же возьмут ее из жалости?

Вернувшись домой, я услышал, как кто-то оставил на телефоне сообщение для Нэнси. Я не мог заставить себя стереть его. Подтверждала назначенную ранее встречу. Она должна была состояться через неделю. Вполне достаточно для того, чтобы закончить то, что я должен сделать. Я сел за стол, взял перо и придвинул к себе стопку бумаги.

Глава 57

2013, осень

Кэтрин тоже подводила итоги. На работе она сказала, чтобы ее возвращения не ждали. Она не могла даже думать о ней, ей нечего там делать – по крайней мере сейчас. От психотерапии она тоже отказалась, уже после второго сеанса, хотя, не исключено, в будущем еще раз попробует, только сменит врача. Вполне возможно.

Она посмотрела на мать. Они сидели бок о бок в сдвоенном кресле – Кэтрин с той стороны, где обычно усаживалась мать до смерти отца, а мать – на месте мужа. Обе пили чай и смотрели какую-то юмористическую телепередачу. Снизу раздался звонок, и Кэтрин подошла к домофону. Это Ник. Проходил мимо и решил заскочить, чтобы повидаться с бабушкой. Кэтрин почувствовала, что это не простая случайность. И оттого что он нарочно пришел сюда, у нее сердце подпрыгнуло от радости.

– Мама, это Ник, – окликнула она мать, и та с трудом вылезла из кресла и засеменила к двери.

– Привет, милый! – Она привстала на цыпочки и чмокнула его в щеку. – Ну как, тебе лучше?

– Да, ба, не волнуйся, у меня все хорошо, – сказал он, хотя это и не так. Он подавлен. Он одинок. Он наркоман. Ему нужна помощь. Повидаться с бабушкой – это уже хорошо, это поможет. Она всегда обожала внука. Ник и Кэтрин смотрели, как она взяла его руку, обхватила обеими ладонями, зарядила своей чистой, незамутненной любовью. Он немного оттаял, сел на место Кэтрин и потянулся к вазочке с конфетами, стоящей на столике.

Кэтрин пошла за чаем и в ожидании, пока чайник вскипит, задержалась у двери между кухней и гостиной. Она не сводила глаз с затылков матери и сына: они покачивались в унисон – у матери от тремора, теперь мучающего ее постоянно, у Ника от того, что он самозабвенно жевал сладости. Может, им обоим стоило бы полечиться? Но она сразу же отказалась от этой мысли: Ник и без того ходил к врачу, это часть реабилитации, и ей совершенно не хотелось вмешиваться в курс успешного, как кажется, лечения. Она заварила чай и села на пол, привалившись к ножке кресла, на котором сидел Ник.

– Хочешь сесть? – спросил он.

– Нет, нет, не беспокойся, мне и здесь хорошо, – откликнулась она, поглаживая его ногу.

Интересно, думала она, как бы отнесся Ник, если бы в семье были другие дети, если бы у него была младшая сестра или брат, отвлекающие на себя часть родительского внимания? Сама она была единственным ребенком, и детство у нее прошло счастливо – это был ее постоянный аргумент против разговоров Роберта о том, что неплохо бы завести побольше детей. Правда, у Ника едва не появился то ли брат, то ли сестра – этого она никогда не узнает.

Оказывается, Кэтрин вернулась домой из Испании беременной. Она упустила момент, поздно спохватилась. Циклы у нее всегда были нерегулярными, поэтому прошел целый месяц, прежде чем она сделала тест. Через неделю после возвращения на работу, в обеденный перерыв, она сходила в аптеку, купила набор тест-полосок и заперлась в туалете. Конечно, она понимала, что может быть всякое, но уверяла себя, что результат будет отрицательный. Заслуживает же она, черт возьми, хоть какой-то удачи? Видно, нет. Потому что результат оказался положительным. Внутри нее зарождалась новая жизнь. Она опустила крышку унитаза и какое-то время молча сидела, раскачиваясь взад-вперед и обдумывая ситуацию. Возможно, это ребенок Роберта. В выходные они занимались любовью. Правда, только однажды. Да, только один раз, несмотря на все ее ухищрения с нижним бельем. А может, это к лучшему? Ребенок поможет отвлечься, а она в этом очень нуждается. Не работа, а ребенок. Но чей? Что, если он будет похож на него? Что, если у него будут темные волосы и темные глаза? Она не заплакала, но и решения сразу принять не могла. Надо выждать, подумать. Она вышла из кабины, выбросила салфетку в мусорное ведро, выпрямилась и посмотрела в зеркало.

– Надеюсь, все в порядке?

Кэтрин так и подпрыгнула. Она не заметила, как в туалет вошел кто-то еще. Рядом, улыбаясь, стояла одна из ее коллег.

– Я про твой разговор с Тони – получила задание?

– А-а... ну да, вроде бы идея ему понравилась. Окончательный ответ даст завтра. – Она улыбнулась, оторвала кусок туалетной бумаги, поспешно вытерла руки, и бросила бумагу в ведро, убедившись, что она прикрыла использованный тест на беременность. У Кэтрин даже голова слегка закружилась – оказывается, она умеет заставить человека поверить тому, что ей нужно. Раньше она не замечала за собой таких способностей.

Чем больше она думала о ребенке, тем яснее понимала, что это невозможно. В конце концов, Кэтрин записалась на прием в клинику, сказав Роберту, что собирается на выходные к приятельнице за город. На самом же

деле никуда из Лондона она не уехала. Все это походило на ночевку в пансионате в большой компании девиц. Кое-кто из них приехал из Ирландии. Все радовались тому, что дело сделано – сидели на кроватях, поедали бисквиты, пили чай и обменивались шутками с медсестрой, которая зашла, чтобы рассказать о контрацептивах. Кэтрин присоединилась к остальным. Ей было легко с этими женщинами, и их юмор – юмор висельника – оказался ей близок. Про изнасилование она и слова не сказала – не хотелось портить им настроение, хотя любопытно было бы узнать, одна она здесь такая или нет. Домой она вернулась в воскресенье вечером, бледная и усталая. Только тут до нее дошло, через что она прошла. Что-то выходные не задались, сказала она мужу.

Буду к семи. – Она прочитала сообщение Роберта и тут же ответила: – *Отлично, жду.*

Сегодня вечером всем им предстоял званый ужин. Она посмотрела на часы. Без четверти шесть.

– Ма? Помочь тебе причесаться? Хочешь, помою тебе волосы, а потом высушу?

– Да, спасибо, дорогая. – Мать с трудом поднялась со стула. – Твоя мама такая заботливая, – сказала она Нику, направляясь в ванную.

– Ты ведь едешь с нами? – шепотом спросила Кэтрин Ника.

– Э-э... – вздохнул он.

– Нет уж, милый, прошу тебя, не надо огорчать бабушку, она обрадуется, если ты будешь с нами.

– Ладно. Договорились. Да, между прочим, когда я уходил из дома, тебе принесли письмо. Мне пришлось за тебя расписаться. – Он протянул ей конверт. На нем была печать адвокатской конторы, той, что находилась здесь, рядом, на углу. Кэтрин поморщила лоб и надорвала конверт, пытаясь припомнить, какой же штраф она забыла заплатить. Оказывается, это письмо. Она дважды перечитала его, сложила пополам и спрятала в сумочку.

2013, зима

– Ты как, все в порядке?

Она кивнула. Роберт накрыл ее ладонь и убрал руку, только когда пришла пора включить сигнал поворота. Они свернули налево, сбросили скорость и медленно стали двигаться вдоль тротуара в поисках свободного места. Роберт остановился, и она отстегнула ремень. Он остался сидеть на месте и в последний момент мягко остановил ее.

– Не передумала?

– Нет. – Ей даже не удалось скрыть раздражения. Он уже в четвертый

раз задал ей этот вопрос. Она открыла дверь и вышла из машины.

Оконное стекло в двери все еще разбито, но на сей раз Кэтрин воспользовалась ключом. Теперь дом вместе со всем его содержимым принадлежал ей. Она переходила из комнаты в комнату, оглядываясь и подбирая с пола то одно, то другое. Беспорядка здесь сейчас даже больше, чем при ее последнем визите.

– О Господи, – услышала она голос Роберта.

Она поднялась вверх, перегнулась через перила и увидела, что он стоит посреди гостиной с отвисшей от ужаса челюстью.

– Кошмар, – вновь донесся до нее его голос.

Да, так оно и есть. Все это – сплошной кошмар. Она открыла ближайшую к лестничной площадке дверь и заглянула в спальню Стивена и Нэнси Бригсток: двуспальная кровать, туалетный столик, массивный комод, гардероб. Постель сохранилась в том же виде, в каком была, когда Стивен Бригсток лежал на ней в последний раз. Кэтрин не придется самой освобождать ее от грязного белья: она наняла рабочих, через несколько дней здесь все будет чисто. Она услышала на лестнице шаги Роберта и через несколько секунд почувствовала на талии его руки, но нетерпеливо сбросила их и направилась в следующую комнату.

Это тоже спальня. Наверное, Джонатана. Стены выкрашены в бледно-зеленый цвет, на них остались отметины от картин или, может, плакатов, – четкие прямоугольники, свидетельствующие о том, что чего-то здесь недостает. Она вышла, миновала Роберта, который переминался с ноги на ногу, не зная, стоит ли ему идти за ней. Зря он сюда пришел. Он выглядел, словно муж, которого жена под присмотром владельца таскает по дому, совершенно его не интересующему. Она заглянула в последнюю оставшуюся наверху дверь. Реликвия семидесятых. Ванная, выкрашенная в цвет авокадо. Она закрыла за собой дверь и спустилась вниз. Роберт последовал за ней.

Они прошли через гостиную в кухню и выглянули в сад. С тех пор как ее тут не было, над растениями кто-то поработал. Ветки с деревьев обрезаны и выброшены – наверное, в чернеющую посреди газона яму. Огонь, видно, горел вовсю. И он шагнул в него последним. Соседи тогда в один голос жаловались на запах. Это был другой, непохожий на прежние, тлетворный запах, и они позвонили в управу. Кэтрин смотрела по телевизору выпуск местных новостей.

– Он не издал ни звука, – сказал один из соседей. – Ни разу не вскрикнул. Во всяком случае, никто из нас ничего не слышал. Естественно, если услышали бы, позвонили бы не в районный совет, а в «Скорую

помощь». А так – просто поплотнее закрыли окна, когда он затеял этот свой фейерверк.

Новости Кэтрин смотрела вместе с матерью. Та от ужаса слова выговорить не могла, только бормотала что-то невнятное. Пожилой мужчина, живший один, погиб в огне. Полиция не увидела в этом ничего подозрительного. Рядом с телом была обнаружена канистра с бензином. Кэтрин понятия не имела, что погибший – Стивен Бригсток, узнала, только когда с ней связался поверенный покойного и сообщил о случившемся. Мистер Бригсток назначил ее своей единственной наследницей. В ее владение переходят этот дом и квартира в Фулхэме.

– Пошли, дорогая, – сказал Роберт.

– Нет, ты, если хочешь, подожди в машине, а мне еще надо побыть здесь.

Не желая бросать ее одну, он тоже остался, открыл буфет на кухне и безглаголиво подался назад – настолько здесь было грязно. При этом он наступил на разбитую чашку, валяющуюся на покрытом толстым слоем пыли линолеуме уже бог знает сколько времени. Кэтрин смотрела, как он переходит в гостиную, придерживая, чтобы не запачкать, полы пальто. Огляделся, где бы присесть, но потом отказался от этой мысли.

– Почему бы тебе не подождать в машине? – спросила она. – Я с удовольствием побуду здесь немного одна.

Он непонимающе посмотрел на нее.

– Ну да, мне хотелось бы побыть одной. Пожалуйста.

– Точно?

Она кивнула.

– Я заказал столик на половину второго. Пообедаем на пристани Луиджи. На работу я сегодня не вернусь.

Роберт – чуткий человек. Он так старался, буквально изо всех сил. Он вышел из дома, а она подошла к окну и смотрела, как он сел в машину, потянулся к сотовому и набрал номер. Наверное, звонил на работу, и это ее радовало, ибо означало, что о ней он сейчас не думал, а потому можно было вздохнуть свободно. Она решила оставить его. Он еще об этом не знал. Эта мысль не покидала ее уже много недель, она боролась с собой: да или нет? Сейчас все стало ясно.

Ей следовало простить его, но не получалось. Она не могла его простить, потому что все это время видела, насколько легче ему удавались примириться с мыслью о том, что ее изнасиловали, чем с тем, что у нее была любовная связь. Разумеется, он был подавлен, потрясен, чувствовал себя бессильным: как же так, он ее не защитил. И тем не менее Кэтрин не

могла отделаться от ощущения, что с этой правдой ему было свыкнуться проще, чем проглотить известие о супружеской измене. В самые горькие моменты ей казалось, что, случись ему выбирать, он предпочел бы для нее страдание, нежели радость незаконной любви. Ему сделали очень больно. Его предали. Он был так зол. Робурт сказал, что у него было чувство, будто он не знал ее, она стала для него чужой. А теперь ему казалось, что Кэтрин, его старая добрая Кэтрин, вернулась назад. Но он заблуждался: ей никогда уже не стать той женщиной, какой она была. Той Кэтрин – женой Роберта, которая не могла сказать ему правду. Той Кэтрин, которая была готова скорее тащить бремя на своих плечах, нежели делить его тяжесть с ним. Она была самостоятельной, независимой женщиной – Кэтрин, которой он мог гордиться. И это не его вина, скорее ее.

Она вспомнила один вечер – это было вскоре после того, как Николас выписался из больницы, – когда Роберт порывисто взял ее за руки и сказал: «Я никогда не прощу себя, Кэт!.. Как я мог поверить в то, что ты на такое способна?..» И с каждым своим словом он отрывал от себя частичку ее любви. Он плакал, и она тоже плакала, но их слезы текли, не перемешиваясь. Было слишком поздно. Надо бы им поплакать вместе много лет назад.

Ее слезы были смешаны со злостью. Роберт разложил перед собой эти фотографии и увидел на них не то, что над ней издевались, а то, что она якобы получала наслаждение. Он не заметил насилия и увидел лишь разврат. Ревность ослепила его, и он не смог понять, как все было на самом деле. И поэтому она не могла его простить. После смерти Джонатана она решила, что ей никогда и никому не придется рассказывать эту историю – не придется доказывать свою невиновность. Но Роберт поставил ее именно в такое положение.

Она открыла заднюю дверь и вышла в сад. На улице было сыро, моросил мелкий дождь; вдыхая влажный воздух и засунув руки в карманы, она смотрела себе под ноги, на потрескавшиеся серые плиты. Интересно, Стивен Бригсток сам их выложил? Она ступила на траву, теперь постриженную и превращенную в газон, и направилась к чернеющей невдалеке яме. Краем глаза заметила что-то желтое, обрывок ленты, зацепившийся за куст, – напоминание о недолгом полицейском расследовании. Из костра были извлечены и оставлены на месте несколько обуглившихся предметов: полиция старалась найти хоть какой-то след, способный объяснить случившееся. Но ничего, в общем, не обнаружила и пришла к заключению, что это был просто жест отчаяния со стороны старого одинокого человека. Она погрузила мысок туфли в черную жидкую

массу. Роберт говорил ей, что, по словам Стивена Бригстока, книгу написала его жена. Так ли это? Может, да, а может, нет. Да и какое это теперь имело значение? Никакого, в общем.

Она посмотрела на дом и попыталась представить себе, как он выглядел когда-то. Молодая супружеская пара, маленький ребенок, первый в их жизни собственный дом. Ухоженный сад, солнце. Что еще – надувной бассейн? Пикник на траве? Но это уже ее воспоминания, к этому дому они не имели отношения. Она вспомнила себя, Роберта и Ника, когда он был маленьким, совсем маленьким. Еще до поездки в Испанию. Под ее присмотром он голышом беззаботно запрыгивал в бассейн и выпрыгивал назад, размахивая деревянной ложкой и колотя ею, как барабанной палочкой, по тарелке. Память, ее память. Ей представляется, что и у Стивена с Нэнси случались такие же моменты в саду, когда их сын был еще совсем ребенком. Бедные, бедные, думала она. Она больше не держала на них зла, ни на него, ни на нее. Видит Бог, сколько они перестрадали. Она даже была благодарна Стивену Бригстоку. Он до конца выслушал ее. Ни разу не назвал лгуньей. Не заставил доказывать свою невиновность.

На встречу с поверенным Стивена Бригстока Кэтрин пошла одна: про завещание она рассказала Роберту позже. Странное это было свидание: поверенный не выразил ни малейшего любопытства, не задал ни одного вопроса, касающегося ее взаимоотношений со своим клиентом, хотя завещание было изменено всего несколько месяцев назад. Тут все просто, сказал он, приступая к изложению последней воли Стивена Бригстока. Она промолчала. И лишь при расставании он передал ей письмо и сказал, что его клиент распорядился вручить его в собственные руки адресата. Тогда она его даже не открыла – ей понадобилось несколько дней, чтобы собраться с мужеством и прочитать.

Это было сбивчивое, неуклюже составленное письмо. Трудно даже поверить, что его написал профессиональный учитель английского языка. Ему не хотелось, чтобы оно было воспринято как «еще одна попытка нанести ей удар». Он надеялся на то, что «завещание не обременит ее». Писал, что скорее всего она захочет продать и дом, и квартиру, и надеется, что «вырученные деньги облегчат жизнь ей и ее семье». Слов *компенсация*, *компенсировать* он тщательно избегал. И закончил словами, что к тому времени, когда она получит это письмо, его «страданиям придет конец»; но он хочет, чтобы она знала: «Я отдаю себе отчет в том, что вы и ваша семья никогда не избавитесь от боли, которую я причинил вам». И самое последнее: «Надеюсь, вы извините мне недостаток мужества». Эта фраза ее смутила. Как ее понять – он что, считал самоубийство проявлением

трусости, а себя трусом? Или говорил о том, что должен был – но не хватило храбрости – передать ей негатив лично, а не посылать по почте? Негатив, который, как он пояснил, так и не был проявлен. Они с женой просто не отдали его на проявку – словно снимок не получился. Он-то и был вложен в письмо: «...Теперь я посылаю его вам».

Она поднесла коричневый квадратик к свету: ее затемненное, смазанное спереди изображение. Тусклое зимнее солнце, то и дело скрывающееся за облаками, не позволяло ей разглядеть призрак в рамке более или менее ясно, но она знала, что он тут есть. Стивен Бригсток искал на этом негативе своего сына, но взамен нашел ее ребенка.

Он мог все видеть и слышать, если стоял на пороге открытой двери. Той двери, которую она считала закрытой. Двери, за которой, как она была уверена, мальчик спал. Но он встал с постели и открыл дверь. Он заглянул в комнату. Единственное светлое пятно на негативе: фигурка в белом, которую нельзя не заметить, если знать, что она там есть. Маленький призрак, незаметно возникший и незаметно исчезнувший.

Для сохранности она положила снимок в отдельную коробочку и теперь рассматривала его вновь и вновь, часто, для верности, под лупой. И услышать он тоже должен был все, в том числе и ее притворные стоны. И не сказал ни слова. Не позвал ее. Просто закрыл за собой дверь и вернулся в постель, слишком испуганный и потрясенный, чтобы говорить. Может, лежал какое-то время без сна, накрывшись с головой одеялом и стараясь понять, что же он только что увидел и услышал. А может, встав утром, решил, что все это ему просто приснилось. Так или иначе, увиденное и услышанное той ночью стерлось из памяти ее ребенка. Из памяти стерлось, но в мозгу навсегда застряла фигура матери. Матери – чужой, которой нельзя доверять, в которую нельзя верить. Все эти годы она пыталась представить себе, что было бы, если бы он увидел, что происходило с ней в том гостиничном номере в Испании. Ну так он все *видел*. И слышал. И признаки этого проявлялись во время его роста, при переходе из детства в отрочество и дальше, только она не сумела их рассмотреть.

Вчера Ник впервые увидел этот негатив. Кэтрин испугалась, что допустила ошибку, пожалела, что показала ему снимок.

– Я не помню... Я ничего не помню. – Он покачал головой, взгляделся в непроявленную фотографию, но так и не смог вернуться к себе – ребенку. На ресницах у него блеснули слезы, и она положила ладонь ему на руку. Он изо всех сил старался не заплакать, задерживал дыхание, глотал слезы. Она потянулась к нему – думала, он подастся назад, но Ник прижался к ней и положил голову ей на грудь, уже не сдерживая рыданий. Он позволял ей

гладить себя по спине, по голове, а в ней нарастало благодарное чувство к сыну, который, наконец, дал ей возможность понять себя.

От автора

Люди, чьи имена я сейчас назову, это «те, без которых» – спасибо им.

Спасибо Ричарду Скиннеру из Фаберовской академии за безупречное руководство, а сокурсникам – слушателям курса 2012 года – за щедрую поддержку. Спасибо верным друзьям – Нику Оллсопу, Мейре Биди, Клер Колмен и Бет Холгейт, прочитавшим рукопись и подвигнувшим автора на дальнейшую работу. Спасибо Тиане Брук за добрые советы. Спасибо всем сотрудникам «Трансуорлд» за обеспечение высшего качества издания. Спасибо Фелисти Блант за доброту и неиссякаемую энергию, спасибо всем ее сотрудникам в литературном агентстве «Кёртис Браун». Наконец, спасибо моему мужу Грегу Бреннану, который загнал меня вместе с ноутбуком в гараж и усадил за работу...

notes

Примечания

Известный английский живописец и фотограф (р.1937). – *Примеч. пер.*